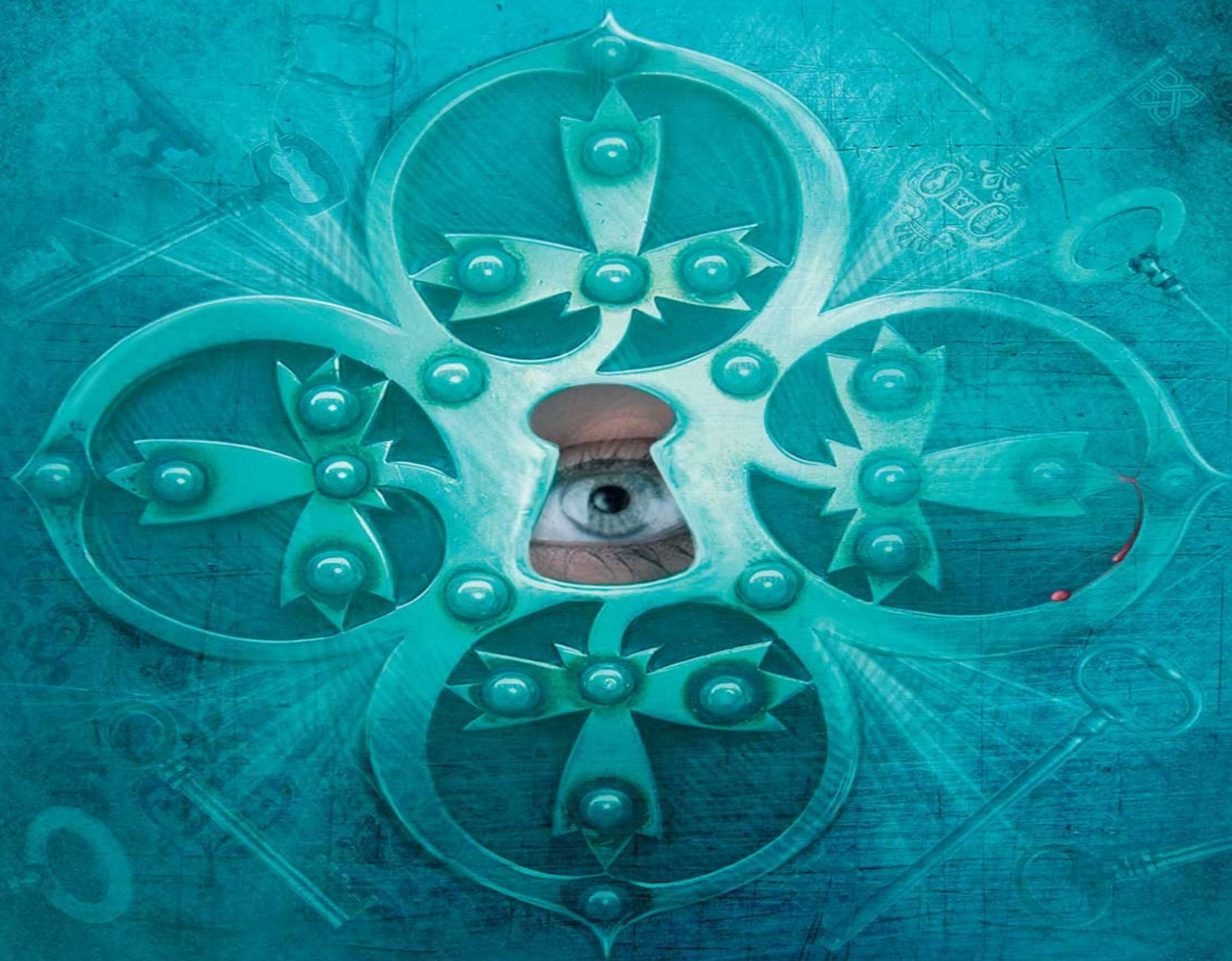

Елена
МИХАЙЛОВА
Настоящий
Детектив

*Комната
старинных ключей*

Annotation

Если у тебя нет друзей, нет работы и негде жить, так заманчиво откликнуться на случайное объявление в газете! Но, переступая порог дома своей мечты, Полина Аверина не знала, что за этой дверью ее ждут страшные преступления и настоящая любовь, разрушенные иллюзии и противостояние таинственному ордену.

Что случилось с ее предшественником? Какие секреты хранит загадочный дом? И чего так боится его хозяин? Поможет ли он Полине – или ему самому понадобится помощь частных детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Комната старинных ключей».

Откроется ли для Полины эта комната? А может быть, некоторые двери лучше не отпирать никогда?..

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова

Комната старинных ключей

Глава 1

«Требуется экономка в загородный дом. С проживанием.

Умение находить общий язык с персоналом, лояльность к работодателю, стрессоустойчивость обязательны.

Любовь к животным приветствуется.

Рекомендации и опыт работы не требуются».

И телефон.

Странное объявление. Полина наткнулась на него случайно, когда от безысходности взялась просматривать все разделы. Люди искали нянь, сиделок, гувернанток, но эти вакансии она пролистывала, не вчитываясь. Без педагогического или медицинского образования ей не на что рассчитывать.

Пока, наконец, не увидела объявление о поиске экономки.

«Требуется экономка в загородный дом».

Полина перевела взгляд от окна монитора в настоящее окно.

Апрельское небо сегодня, как и вчера, похоже на скомканное грязное одеяло, укутавшее продрогший город. Многоэтажные дома выстроились друг за другом, точно солдаты вражеской армии, прошедшие не одно сражение и вновь вернувшиеся в строй: запыленные, уставшие от вечных битв.

В этом районе днем и ночью чадили трубы. Жирный дым расплзался по городу. Полина с ожесточенным упорством отмывала стекла дважды в неделю. Но уже на следующий день окна затягивались мутной пленкой.

Пора снова браться за тряпку. Радует одно: при таком образе жизни через полгода из нее получится отличная мойщица окон.

Полина невесело улыбнулась. Полярники в тяжелых экспедициях брились, чтобы не потерять человеческий облик. А она моет окна. Если вдуматься, то же самое бритье, только на собственный лад.

Пожалуй, пора добавить еще что-нибудь из жизнеутверждающих ритуалов. Одних окон явно недостаточно.

– Э-эй! – вслух сказала Полина преувеличенно бодрым голосом. – Отставить нытье!

Когда в детстве Полина принималась хныкать, бабушка командовала: «Кисель, не раскисать!» И девочке становилось смешно. Как же так: кисель, а киснуть нельзя...

Нельзя превращаться в кисель.

Полина заставила себя встать, хотя больше всего ей хотелось вернуться к компьютеру. Хотелось закрыть все поисковики. Забыть о том, что ей срочно нужна работа, любая работа – лишь бы хватало на еду и оплату съемной комнаты площадью двенадцать квадратных метров.

На экране заставка: фотография английского сада с плетистыми розами, обвившими изгородь.

Она могла подолгу смотреть на этот снимок. Окажись в ее руках волшебная палочка, исполняющая единственное желание, Полина загадала бы, чтобы окно монитора превратилось в дверь. Она вышла бы туда, где солнечные лучи пронизывают листву, а воздух густеет от запаха роз и скошенной травы, и осталась там навсегда.

А ведь у нее все это было. Или почти было.

Полина зажмурилась, сделала два шага к окну и открыла глаза. С возвращением в реальную жизнь, дружок! В ту жизнь, где у тебя нет ничего.

А кто в этом виноват?

Смотри, смотри на этот район. Полюбуйся на рыбий хребет железной дороги, проходящей под окнами, на серые ручьи людей, стекающиеся к провалу метро, на заборы, оскалившиеся матерными надписями. Не пытайся укрыться в прекрасном виртуальном мире. Иллюзии никогда никому не помогали. Твой английский сад лишает тебя остатков воли.

А сейчас воля нужна тебе как никогда.

Мысли Полины вернулись к объявлению. «Требуется экономка в загородный дом»...

Девушка задумалась. На первый взгляд, идея выглядела нелепо. Но она уже три месяца пытается найти работу по специальности и везде слышит один и тот же ответ: кризис, мы увольняем собственных специалистов, а не набираем новых.

«Вы очень не вовремя потеряли место, – сочувственно сказали ей в одном из кадровых агентств. – Сейчас по вашей специальности работу не найти. Подумайте, что еще вы умеете делать».

Тогда она ответила, что не умеет больше ничего. И сама твердо в это верила.

Но прошедшие месяцы заставили ее изменить мнение. А последним толчком стало прочитанное объявление. Если хорошенько подумать...

– Если подумать, еще я умею вести хозяйство, – вслух сказала Полина, прижимаясь носом к холодному стеклу.

Забавно, ведь это Дима говорил ей, что она прирожденная домохозяйка. Планирует все заранее: меню, расходы, поездки за

продуктами. Он терпеть не мог эти обязанности. А Полина ухватилась за них с удовольствием.

Ей нравилось думать, что ее дом – не просто двести метров благоустроенного пространства, а что-то вроде большого механизма: стоит один раз отладить – и он заработает, закрутится, требуя лишь регулярно смазывать и чистить его. «Минимум усилий – максимум результата» – таков был девиз Полины.

И все получилось! За какую-то пару недель дом зажил своей жизнью, размеренной, четкой, где все было выверено: от смены белья до закупки соли.

Определенно, из нее получилась бы отличная домохозяйка, как и утверждал Дима.

Так почему не попробовать?

– Что я теряю? – спросила себя Полина, отодвинулась от стекла и потерла замерзший нос. – Самоуважение? У меня и так его почти не осталось. Допустим, мне откажут...

«Не допустим, а обязательно откажут!»

Полина поморщилась и тряхнула головой.

– Допустим, мне откажут, – она сделала ударение на первом слове. – Ну и что? Буду искать дальше.

Она взяла со стола телефон, несколько раз глубоко вздохнула, чтобы голос звучал ровно, и набрала указанный в объявлении номер.

– Алло! – немедленно откликнулся сочный баритон.

При первом же звуке этого голоса Полине отчего-то представилась большая тарелка садовой земляники, которую едят, запивая холодным молоком.

– Здравствуйте, – волнуясь, сказала Полина. – Вы давали объявление о поиске экономки?

Ей показалось, или собеседник сделал небольшую паузу, прежде чем ответить?

– Давал, – согласились на том конце провода. – Вы из агентства?

– Нет, я соискатель, – торопливо заверила Полина.

Удивительно: неужели ей повезло и она сразу попала на самого работодателя?

– Я только что увидела ваше объявление, – продолжала она, заставив себя говорить невозмутимо (так в ее представлении беседовали с нанимателями настоящие экономки), – и хотела... Хотела бы узнать условия работы. И еще... Если можно, подробнее о ваших требованиях. Ой, простите, я не представилась! Меня зовут Полина.

Молчание. Странное задумчивое молчание на том конце провода. Наконец баритон отозвался:

– А я Анжей Ковальский. Ну что ж, Полина... Предлагаю вам приехать, чтобы мы могли познакомиться, посмотреть друг на друга и обсудить детали.

– Приехать? – переспросила Полина. – Вот так, сразу? Простите, вы не хотите меня ни о чем спросить? Честно говоря, у меня даже нет рекомендаций.

– Я ведь написал в объявлении, что рекомендации не обязательны. А необходимый минимум информации о вас я уже знаю.

Полина вздохнула. Нет, все-таки не повезло. Она попала на сумасшедшего.

А баритон нетерпеливо продолжал:

– Так вы записываете адрес? У меня сегодня как раз освободился час. Если вы успеете к двенадцати, у нас будет возможность поговорить.

Полина могла бы просто повесить трубку, но привычка вежливо оканчивать любой разговор оказалась сильнее.

– Спасибо, но, боюсь, мне не подходит ваше предложение, – извиняющимся тоном сказала она, готовясь нажать отбой.

В ответ в трубке негромко рассмеялись.

– Вам примерно двадцать пять лет, может, чуть меньше, – сообщил ее собеседник. Она слышала в трубке слабое эхо его голоса, словно он стоял в очень просторной и гулкой комнате. – Вы ищете работу около двух-трех месяцев, но безуспешно. Вы невысокого роста, у вас светлые волосы, серые глаза. Вы расторопны, умеете рукодельничать, прекрасно считаете в уме, любите собак больше, чем кошек. Если да, то мое предложение вам подходит.

Повисла тишина. Полина ошеломленно посмотрела на свое отражение в окне, словно готова была увидеть там незнакомую женщину.

– Откуда?.. – выдавила она. – Откуда вы знаете?!

– Слышу по вашему голосу. Что здесь удивительного? По тому, как человек разговаривает, можно легко восстановить его облик. Разве вы этого не умеете?

Нет, Полина этого не умела. Для нее голоса в телефонной трубке жили отдельно от своих обладателей.

– Но счет в уме! – воскликнула она. – И собаки! Откуда собаки?

Хотя Полина выразилась путано, собеседник ее понял.

– У вас тембр и скорость речи, как у типичного сангвиника. Сангвиники в силу особенностей характера предпочитают собак, а не

кошек. А про счет в уме совсем пустяк. Так мне ждать вас на собеседование?

Девушка помолчала. Трубы за окном ожесточенно дымили. Город, как огромный корабль, словно пытался отплыть от причала – и не мог.

– Да, – сказала она наконец. – Я приеду.

– Тогда записывайте адрес.

До коттеджного поселка пришлось добираться на электричке. Вагон был забит и, казалось, все разбухал и разбухал от вливающих в него пассажиров. Полину прижало к чьей-то широкой спине в драповом пальто, распластало, будто морскую звезду. На остановках течение сначала относило ее от черного драпового берега, но затем снова прибывало к нему.

Так она и ехала, боком ощущая связку острых ключей в чьем-то кармане по соседству, вдыхая запах прокуренных курток, пота, дешевой туалетной воды... Из чьей-то сумки возмутительно остро пахло копченой курицей. Полина сглотнула слюну. Бывают же такие безжалостные люди, которые возят горячих копченых кур в общественном транспорте. Золотистых, с корочкой, с хрустящими крылышками, с нежным белорозовым мясом...

Чтобы отвлечься от мыслей о еде, она попыталась представить человека, с которым разговаривала по телефону. Кто он, этот невероятно пронзительный обладатель сочного баритона? Маленький толстый человечек с дорожками залысин? Высокий седовласый красавец?

Полина фантазировала, подгоняя под услышанный голос разные образы. Наконец остановилась на одном и сама удивилась. Получалось, что ее потенциальный работодатель выглядит так: плотный, загорелый дочерна, с маленькой головой и крепко прижатыми к телу руками, согнутыми в локтях.

Что за нелепость?

Воображаемый телефонный собеседник открыл рот, но вместо слов из его горла вырвалось кудахтанье. Полина изумленно моргнула, и видение исчезло.

Ах, вот оно что! Курица!

«Совершенно невозможно думать в такой обстановке, – рассердилась девушка. – Отвлекают своими курами, не дают сосредоточиться».

Под ложечкой заныло. Желудок, с утра задобренный тарелкой овсянки, напомнил, что у него по расписанию время обеда. Вдобавок прижатый рядом старичок (его-то ключи и мешали Полине) вдруг пробормотал, блаженно прикрыв глазки:

– ... И пивка бы к ней свеженького! С квашеной капусткой!

Этого Полина выдержать уже не могла. Она настойчиво стала пробиваться к двери, подальше от источника запаха и от старичка с его гастрономическими фантазиями. К тому же ехать оставалось всего две остановки.

Когда поезд остановился, она едва выбралась из вагона. Почему-то нашлось мало желающих сойти на станции «Синие родники». Собственно говоря, она была единственной, кто в следующую минуту стоял на платформе и смотрел вслед облезлому хвосту электрички.

Выдохнув и поправив перекосившееся пальто, Полина огляделась – и ахнула.

Казалось, переполненная электричка перенесла ее не в пространстве, а во времени. Недалеко – всего на пару недель. Но за эти две недели случилось многое.

С неба сдернули старое зимнее одеяло. Теперь голубая простыня расстилалась над Полиной, сколько хватало глаза. Вдалеке на лес опустилось зеленое облако да там и осталось. На деревьях, росших вдоль обочины, оно рассыпалось на мельчайшие нежно-зеленые брызги. Словно кто-то омыл прозрачным дождем все, что было вокруг станции «Синие родники», и от этого почерневшая от злости зима стекла вниз и ушла в землю, оставив за собой только белые проплешины в низинах.

Полина взглянула под ноги. В расщелине асфальта приветливо покачивалась молодая травинка, похожая на укроп.

Девушка вдохнула глубоко-глубоко. Набивший оскомину запах города исчез. Пахло только что разрезанным арбузом, свежими огурцами. Пахло невидимой пока мать-и-мачехой на пригорке. Пахло теплым юго-восточным ветром, расправившим крылья над лесом.

Пахло весной.

– На дальней станции сойду, – пропела Полина, безбожно фальшивя, – трава-а-а по пояс!

Где-то неподалеку утробно загудел шмель. Гудение становилось все громче, громче и наконец перешло в тарахтение. Полина едва успела удивиться, а следом сообразить, что для шмелей еще не сезон, как из-за поворота, закрытого деревьями, вылетела ярко-желтая машина.

Это был невероятный автомобиль. Длинный, старомодного вида, он подпрыгивал на ухабах и сверкал на солнце хромированными деталями радиатора. От его цвета хотелось зажмуриться. Этот желтый напоминал не о нежных оттенках сливочного масла или насыщенном отливке утренней яичницы. Нет, это был цвет взбесившейся канарейки, гоняющей по комнате ополоумевшего рыжего кота. Безумный, яростный, ошеломляющий цвет!

Автомобиль лихо развернулся и затормозил у платформы. Водительская дверца открылась, и наружу вылез мужчина в кожаной курке.

В первую секунду Полина едва не шарахнулась в сторону.

Мужчина был пугающе высок, не меньше двух метров. Ей не доводилось прежде видеть людей такого роста. Худой, но не тощий. Лицо угрюмое, непроницаемое, с плотно сжатыми губами, к тому же заросшее щетиной. Правое ухо разорвано сверху, лоб перерезан, как морщиной, белым шрамом.

Вылитый бандит. Реликт девяностых, каким-то чудом оказавшийся за рулем необычной машины.

– Полина? – хмуро осведомился реликт, подходя ближе.

Подавив могучее желание сказать, что она – Света, девушка молча кивнула. Ей стало совсем не по себе. «Уголовник, причем контуженный. Таким нельзя противоречить, надо во всем соглашаться».

– Меня Доктор за вами прислал, – отрывисто сказал мужчина. – Садитесь.

И распахнул дверцу машины.

Полина не двинулась с места.

– Какой доктор? – вежливо спросила она, в уме просчитывая пути отхода. Получалось, что бежать можно только по шпалам за ушедшей электричкой, которую она так опрометчиво покинула.

– Что значит «какой»? – нахмурился водитель.

– Я имею в виду специализацию, – пояснила Полина с мягкостью дипломата, ведущего разговор с аборигенами Новой Гвинеи.

«Главное – не выводить его из себя, – вертелось у нее в голове, пока она мило улыбалась мужчине с изуродованным ухом. – Потянуть время – а там и следующая электричка подойдет».

– Это я без понятия, – грубовато бросил водитель. – Какую выберет, такая и будет.

От их беседы на Полину повеяло легким безумием.

– Ну, садитесь же! – проворчал мужчина. – Или хотите пешком идти? Здесь километра два будет. До поселка километр, и от него еще столько же.

Безумие рассеялось, как туман от дуновения ветра.

– Так вы от Ковальского! – воскликнула Полина, испытав невыразимое облегчение.

– А от кого еще? Я же сразу сказал – от Доктора. Так мы едем, или будете ждать автобус?

Полина уселась в автомобиль со смешанным чувством восхищения и страха. Эта машина казалась такой старинной! И такой элегантной...

Водитель лихо рванул с места, и вскоре платформа осталась за спиной.
– Как называется эта марка? – осмелилась спросить девушка.
– «Опель Олимпия», – неприязненно буркнул бандит. – Не отвлекайте меня, будьте любезны.

И пожалуйста, решила Полина. Не хотите общаться – не надо.
Она замолчала и стала смотреть в окно.

За окном проносились деревья, а вскоре замелькали и дома. Просторные каменные коттеджи, почти все двух- или трехэтажные, а вокруг них высоченные кирпичные заборы, наводившие на мысли о тюрьме. Участки – совсем крохотные. Дома смотрели окна в окна, тесно прижимаясь друг к другу. Вырвавшись из объятий города, люди все равно по привычке стремились загнать себя в заточение. Кое-где на заборах сверху виднелась колючая проволока.

Полина приуныла. Она не любила заборы: они будили в ней клаустрофобию. Ее бы воля, снесла бы все эти уродливые ограждения и поставила деревянные изгороди, не выше плеча. И еще вокруг не хватает деревьев. Как здесь стало бы чудесно, если посадить кустарники: сирень, черноплодную рябину и обязательно шиповник! Будь у нее дом...

Полина с силой ударила себя ладонью по коленке. От громкого хлопка водитель притормозил и уставился на пассажирку, отвернувшуюся к окну.

– Что такое?

Она здорово себя приложила. Он видел, что здорово! Какого черта она это сделала?

Девушка повернула к нему бледное осунувшееся лицо.

– Все в порядке, – ровно сказала она. – Вы не могли бы не тормозить так резко? Меня укачивает.

– Вы себя ударили.

– Комары, – отрезала девушка.

И, сочтя объяснение исчерпывающим, снова уткнулась в стекло.

«Да мне-то что... Хоть дятлы», – про себя пробормотал водитель.

Комары у нее! В апреле!

Он поглядывал на пассажирку исподтишка, ожидая новых фокусов. Может, она больна? Плохую затею придумал Доктор, никуда не годную. Но убедить его в этом пока не удалось. Остается надеяться, что Анжей увидит девчонку и сам поймет, что ошибся.

Поселок закончился, и дорога начала вилять. Машину заносило на крутых поворотах то вправо, то влево. Шофер прибавил скорость, искоса взглянув на пассажирку: если резкое торможение тебе не по вкусу, что скажешь об экстремальной езде?

Он отлично знал, что его желтобокая старушка может и не такое вытворять на дороге. Но она-то не знала!

И все равно молчала, словно воды набрав в рот. А ведь сперва он решил, что девица болтлива.

Нет, пожалуй, его выкрутасы на дороге ее не впечатляли. А жаль! Как хорошо было бы привезти ее к хозяину мокрой, как мышь, и с позеленевшим лицом. Совсем прекрасно, если бы ее стошнило Доктору на ботинки. Ботинок Анжей не простил бы никому! Эх, какой план провалился...

Разочарованный водитель сбросил скорость.

А Полина перевела дыхание и украдкой вытерла вспотевшие ладони о пальто. Она панически боялась быстрой езды. Но просить угрюмого бандита ехать медленнее не согласилась бы ни за что на свете: ей было стыдно, что он один раз стал свидетелем ее слабости.

На ее счастье, дорога пошла ровная, почти прямая. Последний поворот – и Полина поняла, что они на месте.

«Опель» мягко затормозил у ограды. Шофер молниеносно подлетел к дверце – и вот уже почтительно стоит перед ней, приглашая выйти. Словно и не грубил всего десять минут назад.

Полина вышла, игнорируя поданную руку, – и совершила второе путешествие во времени.

Сначала ей показалось, что она перенеслась на много лет вперед. Когда исчезли каменные заборы, а хозяева не прилагают отчаянных усилий, чтобы спрятать от соседских глаз свой клочок земли.

Правда, здесь соседей и не было.

Длинный двухэтажный дом, крытый черепицей, был оплетен до самой крыши красноватой лозой: то ли виноградом, то ли плющом. Полина живо представила, как в мае эта буйная растительность накрывает всю стену зеленым одеялом, не оставляя и крошечного просвета. Справа и слева от дома две старые липы тянули друг к другу ветки над крышей. Просторная территория была обнесена невысокой изгородью, вокруг которой рос...

Полина ахнула и сделала шаг вперед.

Шиповник!

Много шиповника! Густые заросли, пока еще хранившие только намек на зелень, словно овечьи слабой, самой себе не верящей дымкой. Многие годы побеги переплетались, сцеплялись в нерасторжимых объятиях, сливались теснее и теснее и, наконец, торжествуя заполонили собой все пространство возле изгороди.

Все это вместе – и дом, оплетенный лозой, и липы, и шиповник –

неуловимо отдавало старой Англией. Той, про которую Полина читала в книжках, где детей звали Джейн или Майкл, а на второй странице непременно появлялся дворецкий. Той, что на заставке в ее компьютере.

Нет, все-таки она не в будущем, а в прошлом, в его любовно перенесенном сюда волшебном уголке. Здесь стояла таинственная, завораживающая тишина. Тишина пруда, над которым склоняются ивы. Тишина сердцевины леса. Тишина английской сказки, которую вот-вот нарушит голос феи. Полине даже показалось, что где-то едва слышно звенит колокольчик, предвещая ее приближение.

Но вместо феи сзади пробасил шофер:

– Идите, вас встретят.

Полина протиснулась в приоткрытую калитку, во все глаза глядя на дом. Она точно не подойдет хозяевам, что бы ни писали они в объявлении. Ах, как жаль! Ей уже захотелось здесь жить, хотя она еще не пересекла порог особняка. Ради шиповника и лип она была готова мириться даже с шофером. (Вот в ком английского было не больше, чем в бублике!)

Дорожка вела напрямиком к двери. Дверь тоже была необычная: полукруглая, темно-зеленая, и на ней красовалась бронзовая драконья морда размером с голову человека. Морда была отлита до того искусно, что прижатые к голове уши, казалось, трепетали от сквозняка.

Полина подошла ближе и заметила на стене колокольчик. Ветер играл хвостом шнура, привязанного к язычку, и по саду разносилось тихое серебряное дрожание. Так вот откуда звон!

Она осторожно взялась за шнур. Бронзовая драконья голова смотрела прямо на нее. Дракон ухмылялся. В выпученных глазах светилось предупреждение.

«Ну же, звони!» – приказала девушка.

Ей стало не по себе. Как будто сказка, которая творилась вокруг, незаметно затягивала ее в свою воронку, и от того, позвонит ли она в колокольчик, зависело, останется она здесь или сможет беспрепятственно вернуться в свой мир. Но Полина не знала, хорошая это сказка или плохая. Далеко не все английские сказки, которые она читала в детстве, заканчивались хорошо *для всех героев*.

Шнурок с узелком на конце подрагивал на ветру, но звон вдруг затих. Дом затаился, и липы замерли, словно все вокруг ожидало ее решения.

Полина обернулась, ища глазами шофера. В эту секунду она обрадовалась бы даже ему – зримому напоминанию о том, что ее воображение всего лишь пытается сыграть с ней шутку.

Но шофер исчез вместе с машиной, как сквозь землю провалился.

Привез ее в заколдованный сад – и пропал.

Девушка снова посмотрела на колокольчик. Может быть, здесь есть звонок? Обычный электрический звонок!

Но звонка не было. И шторы на окнах не дрожали, и голоса не доносились изнутри.

Ветер пробежался по саду. Под его порывом шнур покачнулся и будто бы сам дотронулся до запястья девушки. Полина едва не отдернула руку – таким живым и вкрадчивым было это прикосновение.

«Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется...»

Она фыркнула, решительно тряхнула головой и позвонила – один раз, другой и третий.

«Динн-донн, динн-донн, динн-донн!» – разнеслось по саду.

А в следующий миг дракон на входной двери пошевелился.

Глава 2

Анжей не сомневался, что девочка закричит. Все кричали.

О, эта любимая шутка с драконом всегда приводила Доктора в восторг! Гости реагировали одинаково – визжали и отскакивали назад, причем некоторые демонстрировали чудеса прыгучести.

Но иногда визитеры преподносили сюрпризы.

Взять хоть того тихого человечка в помятом пиджаке. Чтобы расслышать его, Анжею вечно приходилось напрягать слух. Подозрение в убийстве жены – не самая приятная штука, но Доктор не сомневался, что этот скромник ни при чем. Пожелай он расправиться с бедняжкой, отравил бы ее или толкнул под поезд. Но задушить?! Бросьте! Времена романтиков, душивших своих жен, безвозвратно ушли в прошлое (Доктор думал об этом с легким сожалением, даром что не был женат).

Дело казалось ему совсем несложным. Ровно до тех пор, пока он не решил испытать Скромника драконом.

Когда «бронзовая» голова пошевелилась, тихий человечек выхватил из кармана кастет и с невероятной быстротой врезал по драконьей морде. Морда смялась, а человечек продолжал бить еще и еще, вколачивая кастет в дверь. Когда изумленный Доктор выскочил наружу, Скромник готовился нанести последний удар. И целую секунду, очень долгую секунду Анжею казалось, что сейчас этот удар достанется ему.

Мужчина пришел в себя, опустил руку и сунул кастет в карман, что-то растерянно бормоча. На глазах Доктора мужчина с реакцией гадюки превратился в того же несчастного, забитого человечка, каким и был десять минут назад.

Но Анжей слишком хорошо помнил его лицо. Лицо безумца.

Скромник неубедительно попробовал объяснить, откуда у него такое оружие. Но Доктор не слушал. В ответ на просьбу дать ключ он покачал головой: нет, для этого человека в его доме не было ключа. Многие считали Ковальского жестокосердной скотиной (не в последнюю очередь из-за шалости с драконом), но помогать убийце Доктор не собирался.

С девчонкой, которую привез Василий, такого не могло случиться. Доктор наблюдал за ней из потайного окошка, пока она медленно шла по саду, глаза вокруг. Невысокая, пухленькая, в ярко-красном пальто с капюшоном... Повзрослевшая Красная Шапочка.

Когда она подошла вплотную к двери, Анжей смог как следует

рассмотреть ее лицо. Миловидная круглая мордашка в очках, на подбородке ямочка, и на щеках тоже две ямки, как вмятинки на свежей булочке. Славное личико, хоть и усталое. Прямоугольная оправа явно была выбрана за солидную форму. (Наверняка Красная Шапочка думала, что оправа придает ей деловой вид). Но очки делали ее похожей на школьницу, удравшую с уроков.

Смешная девчушка. Пожалуй, она ему нравилась.

Пока Анжей разглядывал ее, гостья колебалась. Что-то смущало ее – то ли в колокольчике, то ли в драконе. Был момент, когда Доктор почти уверился в том, что сейчас она развернется и уйдет.

Что ж, если так, значит, не судьба. Тогда он успокоится, решив, что сделал все, что мог.

Но Красная Шапочка все-таки не ушла. Она решительно прозвонила в колокольчик, и тут уж Доктор не мог удержаться от развлечения. Он сдвинул рычажок – и дракон начал двигаться.

Но ожидаемого визга не последовало. Девушка молча отпрыгнула в сторону и замерла, широко раскрыв глаза. На лице ее, кроме испуга, отразился какой-то детский восторг.

«Ей-богу, – подумал удивленный и озадаченный Доктор, – похоже, она не удивилась бы, если бы дракон полетел».

Больше медлить не стоило. Он распахнул дверь и вышел навстречу Красной Шапочке, гостеприимно улыбаясь:

– Здравствуйте! Вы, должно быть, Полина?

В первую минуту Полина так растерялась, что даже не поздоровалась. Вместо приветствия она брякнула:

– Вы знаете, что у вас дракон живой?

И тут же по лицу мужчины поняла, что сморозила глупость. По нему проскользнула тень довольной улыбки, которую хозяин постарался скрыть.

– Живой не живой, но уж точно не мертвый, – отшутился он. – Хотя мне встречались люди, верившие, что я где-то раздобыл настоящего дракона и вмуровал его в дверь.

Хозяин галантно протянул девушке руку, помогая ей выбраться из кустов, и подвел к дому.

– Качественная игрушка, – с гордостью заметил он. – С двух шагов не отличить от бронзы.

Полина осторожно коснулась пальцем драконьей морды и нажала на нее. Морда была мягкая, резиновая.

«Иллюзия!»

– Проходите. – Ковальский приоткрыл дверь. – Нам с вами есть о чем

поговорить.

Внутри царил полумрак. После солнечного света Полина на некоторое время ослепла.

– Прошу сюда...

Дом с первого взгляда показался девушке заброшенным. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла почему: здесь, как и в саду, царила тишина. Не кричали дети, не лаяла собака. Ничей голос не доносился до них.

Они свернули в длинный коридор, стены которого украшали картины в тусклых золоченых рамах. Ковер заглушал шаги, и, кроме шуршания их ног, во всем доме не было слышно ни звука.

Коридор освещали неяркие лампы, расположенные над картинами. Их мощности едва хватало на то, чтобы подчеркнуть сами портреты. Но, может быть, именно из-за этого казалось, что они выполнены в необычайно реалистичной манере.

На всех портретах – только мужчины. «Похоже, какая-то династия», – решила Полина, поеживаясь от неприятного ощущения: ей чудилось, что люди на картинах смотрят ей вслед. Конечно, во всем виновата игра света, но идти под их пристальными взглядами было неприятно.

На первой, по виду самой старой картине, изображен был древний старик, сухой и хрупкий, как птичий скелет. Даже богатая темно-синяя мантия не скрывала его крайней худобы. Старик сверлил Полину черными глазами. Рука его лежала на набалдашнике посоха в виде черепа, выточенного из темного, почти черного дерева. На груди старика висел... Сначала девушке показалось – крест, но потом она разглядела, что это ключ. Большой серебряный ключ размером с ладонь, прорисованный не менее тщательно, чем лицо его обладателя.

На бородке ключа виднелись какие-то символы.

За стариком следовал почтенный худощавый господин в длинном плаще, за ним – серьезный юноша, почти мальчик. Следом на Полину воззрился с портрета крайне неприятный мужчина с тонким носом и губами, искривленными в злой усмешке. И у всех на груди висели ключи. Но у каждого – свой, непохожий на другие.

Портреты принадлежали разным эпохам, но во всех лицах проскальзывало неуловимое сходство. «Кто, интересно, все эти люди? – думала Полина, идя за молчаливым хозяином дома. – Хранители библиотеки? Или, может, казны?»

Следующим, что привлекло ее внимание после картин, были двери. Все – с правой стороны коридора, и все зеленые, но разных оттенков. С

возрастающим изумлением Полина шла мимо узкой двери, похожей на створку шкафа, мимо высокой, почти до потолка, двери с вырезанными на ней птицами, мимо маленькой, в половину человеческого роста дверцы с окошечком...

Да кто здесь живет, в этом загадочном доме?! Карлик? Дети, чьим странным прихотям потакает отец? Художник, черпающий вдохновение в необычных предметах?

– Пришли, – сообщил хозяин, открывая последнюю зеленую дверь (к облегчению Полины, ничем не примечательную). Он обернулся, и его очки блеснули в слабом свете.

Полина, затаив дыхание, вошла в комнату, ожидая новых сюрпризов. Но комната соответствовала двери: самая обычная, с большим письменным столом у окна. Шторы были раздвинуты, и она наконец-то смогла как следует рассмотреть хозяина дома.

Если бы Полину попросили одним-единственным словом охарактеризовать нового знакомого, она без всяких сомнений сказала бы: значительность.

Анжей Ковальский был худ и невысок. Длинный нос с горбинкой, яркие, как у ворона, черные глаза, впалые щеки с румянцем цвета пыльной розы. Движения стремительные, но без капли суетливости. Одет щегольски и старомодно: темно-синий бархатный пиджак, черные брюки со стрелками, белоснежная сорочка, лакированные туфли. А из кармана пиджака выглядывает ярко-алый шелковый платок.

«Словно кровь выплеснулась», – подумала Полина. Что-то было в Анжее от вампира, но вампира сытого, довольного и пока не опасного.

– Прошу вас, раздевайтесь.

Полина несмело сняла пальто и привычным движением одернула рукава кофты. Она всегда закрывала толстые неизящные запястья. И вообще старалась замаскировать себя, спрятать под большим количеством одежды.

Кофта с широкими рукавами выполняла свою задачу: скрывала фигуру Полины уютными шерстяными складками. В ней девушка чувствовала себя как в коконе, надежно укрывающем от внешнего мира. Она – закуклившаяся гусеница. Некоторые могут подумать, что внутри бабочка, но сама Полина слишком хорошо знала, кто она такая. Один раз ей почти удалось обмануться, но потом все вернулось на свои места.

Полина села в кресло, стараясь занимать как можно меньше места, и положила руки на колени, словно послушная ученица. Подумала – и поправила очки. При ее минус двух можно было обойтись и без них, но

тогда она бы выглядела совсем уж желторотым птенцом.

Тем временем хозяин сбросил пиджак и опустился за письменный стол. Его шею обвивала тонкая серебряная цепочка, прятая под рубашкой. Полина заметила на ладони правой руки необычный шрам – в форме звезды. «Похоже, они все здесь со шрамами...»

– Итак, вы – экономка, – задумчиво сказал Анжей. – И зовут вас Полина. А дальше?

– Полина Аверина. Но я не совсем экономка. В смысле, никогда этим не занималась.

– А чем вы занимались?

– Продавала компьютеры, – честно сказала Полина. – Я менеджер, и неплохой.

– И что же заставило вас сменить специальность?

– Кризис. – Полина решила не вдаваться в подробности. – Я... попала под сокращение.

Пауза была совсем небольшой, но Ковальский вскинул на девушку глаза. Выдержать его взгляд оказалось непросто.

– Под сокращение... – протянул хозяин.

– Под сокращение, – твердо проговорила Полина, решив до последнего стоять на своем.

– Да, сейчас это со многими случается, – понимающе кивнул Анжей.

Слава богу, он не собирался выводить ее на чистую воду. Но Полину охватила откуда-то взявшаяся уверенность, что он прекрасно знает: она соврала.

– Вы замужем?

– Нет.

– Живете с родителями?

– Одна. Я снимаю квартиру.

«Такую квартиру, в которую не хотела бы возвращаться».

– И ищете работу экономки с проживанием?

– Я ищу любую работу, – прямо сказала Полина. – Но ваше объявление показалось мне особенно привлекательным.

– Отчего же?

Анжей откинулся на стуле, рука его сама потянулась к цепочке. Полина дала бы палец на отсечение, что на ней висит ключ.

– Вы не требуете опыта работы и рекомендаций, – несмело призналась она. – У меня их нет – значит, я вам подхожу.

– А как насчет всего остального? Вы процитировали только часть моего объявления.

Полина задумалась.

– Я полагаю, – после паузы ответила она, подбирая слова, – что умею управлять домом. У меня был такой опыт. Мне это нравилось. Конечно, все зависит от ваших требований, но мне очень хотелось бы попробовать. Я люблю животных, умею находить общий язык с людьми и надежно храню чужие секреты, если вы это подразумеваете под лояльностью к работодателю.

– Именно это, – подтвердил Ковальский, прищурившись. – Что ж... Теперь ваша очередь спрашивать.

– Сколько человек живет в доме?

– Постоянно – двое: я и мой помощник. Еще есть приходящая повариха и садовник. У него совершенно непристойное имя, и мы зовем его Армен. А с Василием вы уже знакомы, он встречал вас на станции.

– Ах, да! – спохватилась Полина. – Я забыла вас поблагодарить! Большое спасибо. У вас потрясающая машина.

– Да, она с характером, – согласился хозяин. – Поверьте, в наше время уже не делают таких автомобилей. А говоря шире – вообще вещей. Все становится обезличенным, унифицируется, спускается с конвейера тысячами, чтобы через пять-десять лет на другом конвейере ехать обратно, уже в утиль. Поэтому я так привязан к старым вещам. А вы – что вы думаете о них?

Полина помолчала. Можно было отшутиться, но она решила ответить серьезно.

– Я их побаиваюсь. Не всех, конечно... Некоторых.

Собеседник понимающе кивнул:

– Так и должно быть. Значит, вы немного понимаете в этом. Нынче люди с таким опрометчивым восторгом относятся к тому, что называют «винтаж», что мне иногда становится страшно за них. Они не понимают, с чем имеют дело. Не осознают, каким могуществом, какой силой могут обладать вещи, особенно – хорошо пожившие, впитавшие вкус времени. Ведь характер прежних владельцев неизбежно накладывает на них свой отпечаток.

Анжей достал из ящика письменного стола трубку, кiset, разложил перед собой и начал неторопливо набивать ее табаком. По комнате разнесся горьковатый запах.

– У меня была перламутровая шкатулка... Прелестная вещица, самое начало семнадцатого века. Я купил ее на аукционе и не сомневался, что сделал хорошее приобретение. Она предназначалась для запонок – их у меня великое множество. Но я так и не смог использовать ее. Крышка у

шкатулки была с острым краем, и всякий раз, когда я брал ее в руки, мне казалось, что она пытается меня укусить. Несколько раз я нешуточно ранил пальцы. А когда дело дошло до содранного ногтя, заинтересовался всерьез.

Потребовалось время, чтобы выяснить, кто владел этой недоброй вещицей. Как только я узнал, что следы ведут в Венгрию, у меня почти не осталось сомнений. И я оказался прав. Эржебет Батори, венгерская графиня – вот чья собственность попала в мои руки. Вы знаете, наверное, чем знаменита Эржебет?

Полина покачала головой.

– Ну как же, – огорчился Анжей. – Батори убивала девушек, своих служанок. Считала, что их кровь поможет вернуть ей молодость. Количество ее жертв точно неизвестно. Говорят о трехстах, но, думаю, это преувеличение. Дело даже не в жертвах, а в том, что графиня была крайне жестока. Вы не представляете, на какие ухищрения она шла, чтобы получить как можно больше крови из каждой бедняжки, попадавшей к ней в руки.

Он отложил трубку в сторону и потер след на пальце.

– До меня шкатулка принадлежала частному музею, а тот выставил ее на продажу. Уверен, это один из тех предметов, которыми графиня пользовалась постоянно. Она любила роскошь. Представьте, как эта вещица капля за каплей впитывала в себя флюиды, исходившие от графини. Как она насыщалась ее ненавистью! Подумайте о том, какова была сила этой злобы, если за столько лет из крошечной шкатулки не выветрилась жажда крови. Впрочем, время частенько идет не на пользу вещам. Я имею в виду, что некоторые из них только закаляют свою злость в его горниле.

Он замолчал. Полина тоже молчала, не зная, как реагировать на монолог хозяина. Ей было не по себе от всего услышанного.

Наконец она решилась вернуться к прежней теме.

– Вы сказали, в доме постоянно проживает два человека. Но ведь еще бывают гости?

– О, очень часто! – воскликнул Анжей. – В этом-то и сложность! Ко мне приезжают клиенты, и некоторые остаются на несколько дней. На это время дом превращается в гостиницу. Я ищу женщину, которая сможет быть хозяйкой моего маленького отеля. Женщину сметливую, деловитую, хозяйственную и деликатную. Умеющую хранить секреты. А секретов, поверьте, в этом доме много...

Что-то зловещее прозвучало в последнем предупреждении. Но Полина не успела обдумать слова хозяина – он пояснил:

– Видите ли, я помогаю людям. В каком-то смысле меня можно назвать

врачевателем. Психотерапевтом, быть может... Ко мне часто приходят пациенты с большими проблемами, и волей-неволей вы будете посвящены в некоторые из них.

– Я буду помогать вам вести прием? – ужаснулась Полина.

Анжей от души расхохотался.

– Боже мой, милая девочка, ну, конечно же, нет! Но представьте: вы будете видеть разных людей, в том числе очень известных. Каждый день слышать их разговоры за столом, наблюдать за ними. Тайной должен быть сам факт, что эти персоны обращаются ко мне. Поэтому я требую от вас молчания, деликатности и умения быть невидимкой.

«Он как будто уже решил взять меня на работу, – подумала Полина. – Но ведь мы ни о чем толком не поговорили...»

– Я предлагаю вам комнату на втором этаже, – продолжал Анжей. – Предыдущих экономок она вполне устраивала. В вашем распоряжении будет машина, а Василий всегда придет на помощь, если потребуется. Я плачу в месяц... – Он назвал сумму, и Полина широко раскрыла глаза. – Но желаю, чтобы вы были здесь неотлучно, семь дней в неделю. Два выходных в месяц и три дня отдыха на новогодние праздники. Вам подходит?

Он надел очки и вопросительно посмотрел на Полину.

– Но вы... Вы ничего не знаете обо мне, – пробормотала она.

– Вы мне это уже говорили сегодня утром по телефону. Надеюсь, я доказал вам обратное.

– Мне всего двадцать три года!

– Юность не порок, а преимущество.

– Я никогда не работала экономкой!

– Вы пытаетесь убедить меня, что не подходите для этой должности? Ваши старания напрасны. – Ковальский усмехнулся. – Я уже решил: вы – то, что нужно. Завтра Василий поможет вам перевезти вещи, и с четверга можете приступать.

– Ни в коем случае! – воскликнула Полина, представив, на что будет похожа помощь водителя. И, поймав удивленный взгляд Анжея, добавила: – Спасибо, я справлюсь сама.

– Не волнуйтесь. Вас, наверное, немного испугал мой помощник? Но Вася сейчас тихий.

Полине немедленно захотелось спросить, долго ли продлится это «сейчас», по каким признакам можно узнать, что оно заканчивается, и есть ли в доме подвал, где можно забаррикадироваться изнутри. Последний вопрос она, подумав, сочла совсем негодным и задала вслух только первые два.

– По-разному, – уклончиво ответил доктор. – Не беспокойтесь, я вас предупрежу, если что-нибудь начнется.

Это был последний аргумент в пользу того, чтобы немедленно встать, поблагодарить доктора за потраченное время и вежливо отказаться от его предложения. Но Полина почувствовала непонятную слабость. Анжей пристально смотрел на нее своими колдовскими черными глазами, вертя в пальцах невесть откуда взявшуюся монетку.

«Монета... Деньги... У меня будут деньги...»

Здесь какой-то подвох. Не ввязывайся!

«Я не найду работу лучше этой».

Ты не знаешь, что тебе предлагают. Это похоже на ловушку. Все слишком заманчиво и просто.

«Господи, да кому я нужна?! Что, разобрать меня на органы? Глупости! Он просто человек с причудами».

Со слишком большими причудами.

Анжей крутил монетку, и блики разбегались по столу. Полина ощутила, что ее клонит в сон.

Где-то вдалеке еле слышно прозвонил колокольчик.

– Мне кажется, вы устали, – озабоченно сказал хозяин и встал. – Я попрошу Василия отвезти вас домой.

Полина хотела отказаться, но вспомнила электричку, вонючие спины, давку – и не нашла в себе сил сказать «нет». Она с трудом поднялась, сдерживая зевок. Господи, почему же так хочется спать?

Ковальский проводил ее до калитки. Автомобиль уже ждал, хотя девушка не помнила, чтобы хозяин при ней звонил водителю.

– Все инструкции в четверг, – деловито сказал Доктор. – Вот моя карточка, если будут вопросы. До свиданья.

Полина, совершенно обессиленная, упала на заднее сиденье. Когда автомобиль тронулся, она посмотрела назад. Но у калитки, где только что стоял мужчина в бархатном пиджаке, уже никого не было.

По дороге домой ее не отпускала мысль, что она не спросила о чем-то важном. «Да ведь я ни о чем его не спросила! Не собеседование, а какой-то театр одного актера!»

И все же было что-то такое, о чем следовало узнать. Причем до того, как выйти на работу.

На огромной скорости они проскочили МКАД, объехали две пробки, лавируя и перестраиваясь. В другое время Полина была бы испугана такой ездой.

Но не сейчас. Сейчас она пыталась переварить прошедшую встречу.

И только тогда, когда бешеный «опель», высадив ее у подъезда, исчез за поворотом, Полина вспомнила.

Она забыла спросить, что случилось с предыдущей экономкой.

Вернувшись домой, Василий загнал машину в гараж и направился напрямик в оранжерею. Доктор был там: бродил между розовых кустов, наклоняясь то к одному цветку, то к другому.

– Знаю, она тебе не понравилась, – сказал он, не оборачиваясь, когда помощник вошел. – Но ничего не поделаешь. Привыкай.

Василий молчал.

– Если тебя это утешит, могу сказать, что у нее еще есть шанс передумать.

Василий молчал.

– Я не давил на нее, – сказал Доктор с легким раздражением. – А если бы и захотел, это не так-то просто. Она упряма и недоверчива. К тому же ты напугал ее своими манерами.

Василий молчал.

– Ну все, хватит! – рассердился Анжей. – Ступай и приготовь все к ее приезду.

Василий вышел, согнувшись, чтобы пройти в дверь. Доктор фыркнул и погрузил лицо в только что распустившийся, нежный, как свежий снег, цветок розы сорта «Дороти Перкинс».

* * *

Полина несколько минут бесцельно ходила по комнате, пока не вспомнила, что она в пальто и в обуви. Разделась, ощущая, что в горле пересохло, налила из-под крана воды в чайник, но забыла включить его. А когда спохватилась, чая расхотелось. И сон, так внезапно одолевший ее в доме Доктора, улетучился, словно его и не было.

«У Доктора?»

Она сама не заметила, как стала называть его так.

«Но я так и не узнала, кто он. Пациенты, дом, который иногда превращается в отель... Может, Анжей лечит сумасшедших?»

– По правде говоря, он и сам похож на сумасшедшего! – вырвалось у нее.

Но это было неправдой. На ученого, на вурдалака, на колдуна – на кого угодно! Но только не на безумца...

«Кто вы, господин Ковальский?»

Полина хлопнула себя по лбу и бросилась в прихожую. В кармане пальто нашлась визитная карточка, которую дал ей Доктор перед отъездом.

Только имя. Тонкой серебристой вязью, напомнившей Полине ключ на его шее: *Анжей Ковальский*.

Полина открыла портативный компьютер и торопливо вбила имя в строчку поисковика.

Десять минут спустя она отодвинулась от стола и закрыла ноутбук.

Интернет, который знает все, конечно же, знал и об Анжее Ковальском. Его осторожно называли психотерапевтом, говорили о нетрадиционных способах лечения... Ни в одном чате, ни на одном форуме Полина не нашла и намек на то, что доктор Ковальский в полнолуние сдирает с себя одежды и бегаёт нагишом по лесу или что он ест на завтрак молоденьких экономок. Никаких чрезвычайных происшествий, связанных с домом в «Синих ключах». Никаких нераскрытых преступлений, свежих трупов, свидетельств покусанных очевидцев...

Ничего.

Рациональная часть Полины требовала немедленно начать паковать вещи.

Иррациональная упрямо продолжала твердить, что здесь что-то не так.

– Я просто осмотрюсь там немного, – в конце концов произнесла вслух Полина. – Поживу там пару недель, а если мне не понравится, уеду. Никто не сможет меня задержать, ведь так? Ничто не помешает мне отказаться в любой момент, как только я захочу отыграть назад.

Полина Аверина даже не представляла, насколько она ошибается.

На следующий день молчаливый Василий подвез ее к дому Ковальского. В багажнике желтого «опеля» лежал один-единственный небольшой чемодан. В нем были все вещи Полины.

Девушка вышла из автомобиля и с независимым видом поправила воротник пальто.

Сегодня дом прятался в тумане. Глухое серое облако расплзлось по саду, скрывая шиповник и липы. Воздух был влажен, и морось оседала на пальто. Полина поднесла к глазам рукав: крошечные капельки сверкали в его ворсинках, точно во мху. Только мох был красным.

Когда она подошла к дому, навстречу ей вынырнула из тумана драконья голова. Полина поежилась, вспомнив вчерашнее, и осторожно протянула руку.

«Сейчас как цапнет!»

Но теперь, когда она знала, что это всего лишь хитроумно сделанная механическая игрушка, ей не было страшно всерьез.

И дракон остался неподвижен. Полина дотронулась до шершавой резиновой морды, имитирующей металл, и даже осмелилась фамильярно потрепать зверя за ушами.

– Позвольте, – глухо сказали за ее спиной.

Полина так и подскочила.

Позади нее с непроницаемым лицом стоял Василий и держал в руке чемодан.

– Господи, вы меня напугали! Я думала, вы остались в машине!

– Доктора нет. Я провожаю, – лаконично объяснил водитель.

Вслед за ним Полина вошла в дом и поднялась на второй этаж. К ее радости, здесь не было жутковатых портретов. И двери были одинаковыми: почтенными дверями из дуба, без всяких странных ручек, окошек и звериных голов.

– Здесь, наверное, комнаты для гостей? – спросила Полина, торопясь за Василием. На один его шаг приходилось три ее, и к концу коридора она уже успела запыхаться.

– И для гостей тоже, – туманно ответил тот. – Пожалуйста.

С этими словами он распахнул крайнюю дверь. Сгорая от любопытства, Полина заглянула внутрь.

Комната оказалась квадратной, небольшой, но с высоким потолком и очень светлой. По углам – два вместительных шкафа, на стене огромное зеркало в старинной оправе, у окна – диван и небольшой письменный стол. Узкая дверь справа, очевидно, вела в душевую.

Полина подошла к окну, выходящему на задний двор. Первое, что она заметила – оранжерею, похожую на кусок льда, не растаявший после зимы в глубине сада. Внутри буйствовала зелень с вкраплениями пятен розового, бордового, желтого.

– Там цветы! – восхитилась Полина. – Как много! Что это – орхидеи?

– Розы, – с отвращением уронил Василий. «Как будто у него личная неприязнь к розам», – подумала Полина, но в следующую секунду сообразила, что неприязнь у него не к цветам, а к ней.

Ну и пусть! Она еще раз оглядела комнату и совершенно успокоилась: мило, уютно и в тысячу раз лучше, чем там, где она жила.

Осталось только услышать распоряжения от Ковальского.

Полина подняла глаза на Василия.

– Когда вернется... Доктор?

– Скорее всего, к двум часам, – сухо проинформировал тот. – Через час в кухне будет накрыт для вас обед. Я могу быть еще чем-нибудь полезен?

– Нет, спасибо, – рассеянно поблагодарила Полина.

Василий кивнул и вышел.

Но едва за ним закрылась дверь, девушка спохватилась.

– Пойдите! – Она высунулась в коридор. – Послушайте, Василий...

Шофер нехотя остановился.

– Я хотела узнать... Та экономка, что была до меня... Она давно уволилась?

Лицо Василия осталось непроницаемым, но Полине показалось, что в глубине темных глаз что-то мелькнуло.

– Она не увольнялась, – сказал он. – К тому же это была не она.

– А кто? – глуповато спросила Полина.

– Он. Эконом.

И, решив, что ответил исчерпывающе, Василий направился к лестнице.

Но Полиной овладело упрямство. К тому же ей хотелось прояснить хотя бы этот несложный вопрос.

– А если он не уволился, то что с ним случилось? – громко спросила она у спины водителя.

Василий на секунду задержался, прежде чем свернуть на лестницу. Полине показалось, что сейчас он уйдет, ничего не сказав.

Но тот снизошел до ответа.

– Нам с Доктором это неизвестно.

– То есть как – неизвестно? – пробормотала Полина. – А кому известно? Он что, пропал?

И тут водитель все-таки повернулся к ней. Хотя их разделяло не меньше десяти метров, Полина готова была поклясться, что в его глазах светилось злорадство.

– Может быть, и пропал. Но я предполагаю, что он сбежал.

– Сбежал. Сбежал-сбежал-сбежал! Сбежаа-ал?! – бормотала Полина на разные лады, доставая вещи из чемодана. Чемодан, раскрыв пасть, покорно слушал.

«Им с Доктором это неизвестно! Ха!»

Полина выпрямилась, обличительно вытянула вперед руку и произнесла краткий, но выразительный монолог. Суть его сводилась к тому, что нельзя доводить экономов и экономок до такого состояния, чтобы они сбежали от работодателей.

Но потом ее осенила новая мысль.

– Может, он просто пугает меня? – спросила она у чемодана. – Хочет, чтобы я побыстрее убралась отсюда? Ну уж нет, не получится. Я не сбегу и не пропаду.

Полина повесила пальто в шкаф, разложила свитера, выставила в ванной скляночки с кремами. Оторопь, вызванная словами Василия, понемногу растворялась в хлопотах.

«Нужно потихоньку обживать это место. Пока все непривычно, но это пройдет со временем. Главное – вести себя уверенно».

Девушка открыла второй шкаф и с удивлением уставилась на длинное клетчатое платье, висевшее внутри. К вешалке прилагалась бирка с надписью «Униформа». Полина вынула платье, потрогала ткань... Никаких сомнений: вещь совершенно новая.

«Это мне?»

Встав перед зеркалом, Полина приложила к себе платье. Серо-голубая клетка, надо признать, ей шла.

Но, разглядывая свое отражение, девушка внезапно поняла, что ее жизнь в этом доме не будет простой. Она еще не приступила к работе, а ей уже не нравится такое начало. Кто выбирал для нее это платье? Не сам же Ковальский поехал вчера вечером в магазин и приобрел его. И что, если оно не подойдет ей? Обтянет со всех сторон, и получится из Полины перевитая гусеница. А экономка не должна быть гусеницей! Она должна быть тонкой, как Мэри Поппинс, с прямой спиной и осиной талией!

Полина вздохнула: делать нечего, придется подчиниться молчаливому указанию Ковальского.

Она переделалась в платье и с опаской посмотрела в зеркало.

Нет, пожалуй, не гусеница. Хуже: румяная толстуха с кудряшками. Ах, какой пошлый образ вместо вожденной Мэри Поппинс: ни дать ни взять, девица с немецкого праздника «Октоберфест», какая-нибудь Гертруда, несущая пиво своему Гансу.

И, как назло, рукав у платья – три четверти. А это значит, что ее по-крестьянски крепкие запястья видны всему свету. «Колхозная порода», – говорил Дима. Да, так оно и есть.

Первым желанием Полины было немедленно сорвать с себя это платье, бесцеремонно навязанное хозяином. Она не будет его носить! В нем она похожа на колбасу в перетяжках! Нет, на перезревшего Купидона! Разве что лука и стрел не хватает...

Издеваясь над собой, девушка вскинула левую руку вверх, правую согнула в локте, точно прицеливаясь. И бросила взгляд в зеркало.

А в следующую секунду расхохоталась и смеялась до тех пор, пока на глазах не выступили слезы. Отражение было безжалостно к ней. Самого стойкого влюбленного этот Купидон испугал бы до икоты.

– Медвежата толстопятые, – пробормотала Полина, вспомнив старый

детский стишок.

Что ж, толстопятые так толстопятые.

Вспышка помогла ей успокоиться, а жестокий смех отрезвил. Что бы она ни надела, все равно будет выглядеть несуразно. Так почему бы и не платье, раз уж господину Ковальскому хочется видеть свою экономку расчерченной в крупную клетку?

Полина поправила кружевной воротничок, вскинула голову. Будь что будет, но она начнет работать в этом доме.

Когда-то бабушка дала совет: «Если тебе тяжело, иди маленькими шагами». Тогда Полина не поняла, что это значит.

«Делай то, что должна, по чуть-чуть, – пояснила бабушка. – Не заглядывай в будущее. Не думай даже о том, что случится завтра. Помой посуду. Вытри пыль. Напиши письмо. Свари суп. Видишь? Ты идешь маленькими шагами. Сделала шаг, остановилась, передохнула, похвалила себя. Потом другой. За ним третий. Ты сама не заметишь, как твои шаги станут шире. Наступит время, когда ты сможешь подумать о завтрашнем дне без слез».

Полина запомнила ее совет. Бабушка знала, о чем говорила. Она пережила смерть любимого мужа, отъезд сына в другую страну, да много чего еще...

– Пойду маленькими шагами, – шепотом сказала Полина.

Она еще раз взглянула в зеркало и поморщилась: кудряшки так и вились вокруг лица, придавая ей налет невинной глупости. Пришлось высыпать из косметички пригоршню шпилек и на скорую руку соорудить на голове пучок.

Да, так гораздо лучше. Она выглядит старше и солидней. Еще нацепить очки – и образ экономки завершен.

«Ох, главное, чтобы те, кто должен будет меня слушаться, тоже решили, что я взрослая и солидная. Интересно, сколько их, этих людей? Кто готовит, убирается в доме? И кто ухаживает за садом?»

Ответ на последний вопрос Полина получила почти сразу. Ее внимание привлекло какое-то движение за окном. Девушка подошла ближе и возле оранжереи увидела невысокого чернявого человека с ведром в руке. Человек был кучеряв и носат. Он обошел вокруг теплицы, помахивая ведром, и растворился за деревьями.

Полина взглянула на часы. До обеда всего пять минут.

Пора!

Глава 3

Месяц спустя

Первый раз будильник прозвенел в шесть сорок пять. Нежно, мелодично пропел: вставай, милая Поленька, уже рассвело.

Милая Поленька, со школы не любившая ранние подъемы, мысленно сказала «да-да, сейчас» и повернулась на другой бок.

Второй сигнал раздался через десять минут. Но уже не певучие трели, а торжественное: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Тут уж пришлось проснуться. Для самых упорных сонь существовал третий сигнал: выждав для приличия еще пятнадцать минут, будильник принимался истошно вопить: «Проспали! Мы проспали! Проспали! Мы проспали!»

Даже бодрствующий человек, услышав этот вопль, подскакивал на месте. Поэтому Полина давала себе поблажку только до второго звонка.

Она не вскакивала сразу, а лежала пару минут, потягиваясь, разминая пальцы. Анжей как-то обронил в разговоре с Василием, что нельзя сбрасывать тело с кровати сразу, нужно дать ему время очнуться. «Ты наблюдал, как просыпаются кошки? А собаки? – строго спросил он. – Если они вскакивают по тревоге, то потом долго приходят в себя. Порядочное животное никогда не заставит себя вскочить, как только проснулось. Кошка полежит с открытыми глазами и лишь потом неспешно поднимется. Собака встанет, не торопясь, и потянется. Не считай себя умнее природы, Вася! Не вреди себе резкими подъемами».

Полина запомнила его слова и применила на практике. Просыпаться сразу стало легче. Главное, она больше не чувствовала противной вялости по утрам, когда руки болтаются безжизненными макаронинами, а пальцы не держат расческу.

Итак, без пяти семь. Умыться, застелить кровать. Пока впитывается крем, можно подойти к окну. Армен уже трудится в оранжерее – значит, день начался нормально. (Несколько раз Полина не обнаруживала садовника на привычном месте, и после этого все шло наперекосяк).

Семь пятнадцать: закрутить волосы в строгий пучок, тронуть ресницы тушью, чтобы не выглядеть красноглазым кроликом. С волосами вечно непорядок: пряди выбиваются, что с ними ни делай. Пытаться убрать их –

все равно что причесывать одуванчик.

Семь двадцать пять: надеть платье, нырнуть в удобные туфли на невысоком каблуке. Полина поежилась от прикосновения шерстяной ткани к шее. Как будто кто-то дотрагивался до ее кожи рукой в варежке. Зато последние остатки сонливости растворились без следа. Теперь в один карман платья сунуть телефон, в другой – блокнот, и она готова.

Семь тридцать две: по коридору налево и вниз, и в дальнее крыло дома – туда, откуда доносится запах творожного пудинга, свежего чая с мятой, малинового варенья.

Полина вошла на кухню ровно в семь тридцать пять. Клара Ивановна уже собиралась уходить и стянула с головы косынку.

Эта косынка каждое утро поднимала Полине настроение. Она была расписана веселенькими поросятами, копиями Клары Ивановны: кругленькими, толстенькими и розовыми, как бутончики.

– Полина Аркадьевна, я все узнала: за торт просят двадцать тысяч, – сообщила повариха, поздоровавшись.

– Совсем с ума сошли! За что такие деньги?

– Вот и я то же самое подумала, – доверительно сказала женщина. – В два раза дешевле можно найти. Низкокалорийный, без всякого ущерба для фигуры.

– Ничего, – пробормотала Полина, помечая в блокноте, – пусть будет с ущербом. Главное, чтобы вкусный.

Повариха повесила фартук на крючок, придирчиво оглядела кухню: все ли чисто.

– Так я могу идти, Полина Аркадьевна? К двенадцати вернусь, как обычно.

– Да-да, Клара Ивановна, конечно.

– Всего хорошего!

Женщина ушла. Полина заглянула в столовую и убедилась, что стол накрыт для завтрака. Можно спокойно выпить кофе. Ковальский спустится через двадцать минут и останется доволен: все приготовлено именно так, как он любит.

Предыдущую повариху звали Верой. Широкоплечая болтливая баба постоянно опаздывала на работу и была неряшлива. Готовила она хорошо, но Анжей, спускаясь на завтрак и заведя ее, отчего-то всякий раз тяжело вздыхал.

Полина стала наблюдать за поварихой. И обнаружила, что Вера, пропустив автобус, без стеснения звонит Василию и требует забрать ее от станции на машине. Водитель подчинился, не желая оставлять хозяина без

завтрака.

Когда Полина окончательно убедилась в этом, она пришла на кухню.

– Вера, мне нужно с вами поговорить. Вы часто опаздываете, мне это не нравится.

– Так от самой Москвы электричкой еду! – жизнерадостно сказала Вера. – Как не опоздать-то? Бывает, промахиваюсь мимо автобуса.

– Чтобы не промахиваться мимо автобуса, можно ездить той электричкой, которая идет на полчаса раньше. Тогда вы будете все успевать.

– Ай, да ладно! И так все нормально. Каждый день завтрак готов по времени, как надо.

– Потому что вас привозит Василий, – спокойно сказала Полина. – Мне не хотелось бы, чтобы вы дергали его в шесть утра. Встречать вас не входит в его обязанности.

Повариха выкатила круглые голубые глаза.

– Так ведь если он меня подвозить не будет, мне придется пешком от станции идти! Я на это не подписывалась!

– Вот я и прошу вас, – терпеливо повторила Полина, – успевать на первую электричку. Тогда с автобусом не будет проблем. С вами ведь это обговаривали, когда принимали вас на работу?

Лицо Веры выразило: «ничего не знаю, ничего не помню».

– Обговаривали, обговаривали, – заверила Полина. – Поэтому давайте условимся так: больше никаких опозданий.

– Ну, хорошо, – пожала плечами Вера.

– С завтрашнего утра, – настойчиво сказала Полина. – Вера, если вы еще раз опоздаете, я вас уволю. И не думайте, что я шучу.

– Да ради бога! – огрызнулась Вера.

На следующее утро она, конечно, опоздала.

Вера рассуждала так: от поварихи требуется одно – вкусно готовить. А уж во сколько она приходит-уходит – дело второе. Чай, не в тюрьме, чтобы по звонку прибегать. А Василий у хозяина и за водителя, и за дворника, и за помощника на все руки. Не переломится, если проедет с утра до станции и обратно. Иначе зачем его держать, дармоеда!

Девчонку-экономку Вера твердо решила поставить на место. Уволит она ее, вы подумайте! «Я тебе еще покажу, кто кого уволит, – злорадно думала женщина. – Таких, как ты, головастиков – пруд пруди, а вот хорошую повариху попробуй отыщи! Да еще такую, чтобы согласилась ездить в этот медвежий угол».

Вера любила скандалы. Прежде она работала в большом коллективе муниципальной столовой и могла отвести душу, не отходя от плиты. А у

Ковальского что? Пришла, приготовила завтрак-обед-ужин – и «до завтра, Вера Игнатьевна, спасибо вам большое». Что за люди! Скушные, одним словом. Если бы не общественный транспорт с его склоками на пустом месте, Вера совсем захирела бы в тоске.

С появлением Полины она начала предвкушать стычку. Девчонка-то не из тех, кто умеет договариваться по-хорошему. Принципиальная, по очкам видно! Значит, будет Вере и развлечение, и отдых для души.

Утром, выйдя из машины Василия, повариха сразу заметила экономку. Та стояла в дверях, ждала ее. Вера захохла, всплеснула руками и засеменила к дому, внутренне ухмыляясь: ну-ка, попробуй, отчитай меня!

«Вот я, такая несчастная, тороплюсь к тебе, – было написано у нее на лице. – Уже немолодая женщина, не очень здоровая... Неужели у тебя, сопливой девицы, хватит совести меня отругать?»

– Виновата, виновата! – громко покаялась Вера, подходя. – Чутьочку совсем проспала. Так устала вчера, так устала... Я ведь еще по вечерам работаю. А что делать? Выживать как-то надо!

– Здравствуйте, Вера, – сказала Полина. – Я вас увольняю.

Повариха остолбенела.

– Ваши вещи на кухне, – продолжала экономка. – Деньги сейчас получите.

– Как это?! – воскликнула Вера, приходя в себя. – Ты что же это говоришь?

Девушка пожала плечами.

– Я предупредила вас вчера, чтобы вы не опаздывали.

– Да кто ты такая, чтобы меня предупреждать? – заорала Вера, покраснев. – Ты здесь без году неделя, ничего не знаешь! Сюда никто, кроме меня, из Москвы таскаться не станет, дураков нет! Ты ж сама потом приползешь и будешь упрашивать, чтобы я вернулась!

Ее мощный голос разносился по всему саду.

– Вера, достаточно, – попросила Полина. – Перестаньте кричать: вы разбудите Анжея.

– А пускай! Пускай он спустится, и я с ним поговорю! – бушевала повариха. – Анжей Михайлович! Анжей Михайлович!

– Еще раз крикнете, и я вам устрою неприятности, – мягко пообещала экономка.

Очень мягко. Так мягко, что Вера посмотрела на нее – и осеклась.

Выражение лица девчонки не оставляло сомнений, что действительно устроит. «Василия вызовет, – сообразила Вера. – Нажалуется ему».

В глубине души она боялась водителя. Использовала без стеснения, но

боялась. Рожь свирепая, руки как грабли, а за прерванный сон хозяина глотку перегрызет. Зря она подняла крик.

Вера попыталась зайти с другой стороны.

– Слушай, это последний раз! Будь человеком! Ну, опоздала, с кем не бывает. Больше не буду, вот те крест! Пешком от станции пойду! На коленях поползу!

Вера истово перекрестилась, с силой ударяя себя в грудь.

– Будете, Вера, – со вздохом сказала Полина. – Вы по-другому не умеете.

Повариха поняла, что спорить бесполезно. Девица стояла насмерть.

– Посмотрю я на тебя через неделю, – прошипела она. – Когда тебя саму пинком под зад отсюда вышвырнут! Домоправительница хренова.

Когда Вера ушла, ругаясь и плюясь, Полина вернулась в кухню и дрожащими руками налила воды. При поварихе она прилагала все усилия, чтобы выглядеть невозмутимой. Но чувствовала себя премерзко. Раньше ей не приходилось увольнять людей. Оказалось, что это довольно противно.

«Когда увольняли меня, было легче».

Полина сама приготовила завтрак для Анжея, накрыла на стол и задумалась. Вера сказала, что никто не станет приезжать сюда на работу из Москвы.

«Из Москвы – может быть. Но кто сказал, что повариха обязательно должна быть оттуда?»

В тот же день Полина обошла поселок и обклеила столбы объявлениями. Уже через час ей позвонили.

– Здравствуйте, – прошептал робкий женский голос. – Меня зовут Клара Ивановна. Кажется, я хочу у вас работать.

Так в доме Ковальского появилась новая повариха. Она не опаздывала и беспрекословно выполняла все требования Полины. Хотя некоторые из них наверняка казались ей более чем странными.

Доктор сделал вид, что ничего не заметил. Полина сделала вид, что не заметила, как он доволен.

К ее облегчению, больше никого увольнять не понадобилось. Уборкой в доме занимались две молчаливые женщины, мать и дочь, приезжавшие дважды в неделю. По некоторым признакам Полина догадалась, что они давно знают Анжея. Доктор абсолютно доверял им и был с обеими очень ласков.

Полина не раз пыталась с ними поговорить, но помощницы только молча кивали головами и испуганно таращились на нее. В конце концов девушка махнула на них рукой и отступила. Убирают на совесть – и ладно.

Зато веселый садовник Армен оказался словоохотливым. Правда, говорил с таким сильным акцентом, что Полине почти ничего не удавалось разобрать. И руками махал как мельница: того гляди заедет по носу. Полина, заглядывая в оранжерею, старалась держаться от него подальше и только приветливо улыбалась издалека.

Садовник жил над гаражом, где стояли машины Ковальского: бешеный желтый «опель», работяга-«рено» с большим багажником (на нем они с Василием ездили за провиантом), тяжелый черный «мерседес», зловеще поблескивавший из угла. Полина никогда не замечала, чтобы его использовали.

Садовник в дом не заходил, не обедал и вообще держался на отшибе. Полина ни разу не видела, чтобы Доктор давал ему указания. Носатый Армен появлялся из ниоткуда, трясая шапкой черных кудрей, и исчезал в неизвестном направлении. Девушке так и не удалось проследить, как он идет в свою каморку над гаражом. И ни разу она не заметила, чтобы он выходил оттуда. Чистое волшебство: смотришь на оранжерею – в ней пусто, а через десять секунд там уже колдует над розами садовник.

Но вопросов Полина не задавала. Как-то интуитивно понимала, что делать этого не следует.

Или вот взять Василия. Вид устрашающий, манеры грубые. Пребывает всегда в одном из двух состояний: либо молчит, либо огрызается. Кажется, воспринимает дом Ковальского как корабль, несущийся полным ходом. А женщинам, как известно каждому моряку, на корабле места нет, ибо они хуже крыс.

И вдруг появляется Полина Аверина и остается при шхуне. Да не просто остается, а формально становится его, Василия, начальником. Как тут не придушить наглую девчонку, нарушившую привычный уклад?

Понимая все это, Полина поначалу ужасно боялась водителя. По ночам крепко запирала дверь, памятуя о словах Доктора, сказанных при первой встрече: «Вася сейчас тихий... Я вас предупрежу, если что-нибудь начнется».

Из этой фразы Полина вывела, что водитель – псих, причем буйный. Без сомнения, состоит на учете в диспансере и проводит там каждую весну и осень в палате, обитой матрасами.

Кто, скажите, мог нанять на работу сумасшедшего? Только такой странный человек, как Ковальский.

Сам же Доктор ничуть не боялся угрожающей им опасности. С водителем был все время ласков и звал его Васенькой, а один раз обратился к нему: «голубенький мой», чем привел Полину в ужас. Господи, ну какой

«голубенький», когда у шофера на лице написано нетолерантное отношение к сексуальным меньшинствам?

Но, видно, ремиссия у Василия была стойкая. На двусмысленное словечко он не обратил внимания и безропотно отправился исполнять очередную прихоть Ковальского.

Однажды ранним утром Полина случайно подглядела сцену: шофер вышел в сад и наткнулся на бродячего кота. Кот был из породы бойцовских приبلудных: тощ, но при этом мускулист и свиреп. Круглые желтые глаза горели огнем, как у голодного тигра.

В довершение картины правое ухо у гостя было драное.

Кот смотрел на шофера, не мигая. Но стоило Василию сделать к нему шаг, зверь выразительно сказал:

– У-я-у-у!

И ударил себя хвостом по серому боку.

– И-я-у! – тотчас отозвался шофер.

Полина вздрогнула. Кот тоже впал в замешательство. Дернул здоровым ухом, но отступить не стал, а выгнул спину и еще раз повторил:

– У-я-я-я-я-у-у!

Полина не удивилась бы, если бы и Васенька в ответ дернул здоровым ухом. Но шофер угрожающе заворчал, не двигаясь с места:

– И-и-и-и-я-у!

Девушку охватило безумное желание окатить обоих ведром ледяной воды. Интересно, что бы сказал на это Василий?

«Нет, – сурово одернула она себя, – не интересно. Нелепый, бессмысленный вопрос».

Но Полина еще несколько секунд мечтательно представляла, как подпрыгнут и бросятся в разные стороны водитель и кот, а потом, попрятавшись по укромным углам, станут брезгливо вылизываться.

Забывшись, она хихикнула, и тотчас была обнаружена.

Кот издал клич отступления перед превосходящими силами противника и исчез в кустах. Василий обернулся и сердито уставился на девушку.

Полина, которую застали врасплох, с радостью последовала бы примеру кота. Но нырять в кусты экономке не подобало, а до оранжереи было слишком далеко.

Поэтому она ограничилась тем, что непринужденно сказала:

– Мяу!

Водитель впервые не нашелся что ответить. Потоптался на месте и бесшумно удалился в сторону гаража.

В свободные минуты Полина осторожно обследовала дом. О, что это был за дом! Наполненный секретами и тайнами, словно банка у мальчишки – светлячками.

Вот, например, часы. Они попадались в самых неожиданных местах. Одни Полина случайно обнаружила над холодильником – на стене, где они никому не были видны. Часы шли и показывали правильное время. Кому понадобилось скрывать их от людских глаз, но при этом регулярно заводить?

Ковальский любил напольные часы: только в коридорах Полина насчитала восемь штук, а сколько еще пряталось по комнатам! Старинные часы, громоздкие, огромные, как шкафы, со скрипящими дверцами и мучительно передвигающимися стрелками. Часы, похожие на стариков, которые сами отсчитывают свой век. Одни, самые большие, в корпусе из черного дерева, стояли в гостиной, и Полина побаивалась их. Казалось, часы только и ждут, когда она войдет в комнату, чтобы со злорадной хрипотцой ударить за ее спиной: доннг! Доннг! Доннг!

Полина неизменно вздрагивала и оборачивалась. Часы встречали ее ухмылкой – трещиной на потемневшем циферблате, змеившейся от цифры «пять» до цифры «восемь».

Остальные были не такие вредные и шумные. Но все они разговаривали по-своему. Некоторые стрекотали, точно сверчки, и ночью по всему дому разносилось умиротворенное потрескивание. Другие четко чеканили шаг: «Тик-так, тик-так, шагом марш! Шагом марш!» Третьи едва волочили стрелки, шаркая ими по циферблату. Четвертые отчаянно строчили, нарезаая время на кусочки. «Чирк-чирк-чирк!» – словно ножницами. Чирк – и отъели секунду. Чирк-чирк-чирк! – и минуты как не бывало.

Рядом с этими часами Полина всегда ускоряла шаг.

Но были и такие часы, которые шли сами по себе, показывая собственное время (у Полины язык не поворачивался сказать «неправильное»). Больше других девушке полюбились высокие напольные часы из библиотеки. Не часы, а целый шкаф! Ореховый корпус, мягкий блеск гирек и маятника, а над циферблатом голубой круг, показывающий смену лунных фаз. На дверце крохотная медная ручка, словно приглашающая: «Открой нас! Заходи в наше время, будь гостьей в нашем тихом уютном мирке. Покачаем тебя на маятнике, как на качелях, а потом стрелки побегут быстро-быстро и унесут тебя туда, где вовсе нет времени. Не веришь? Думаешь, время есть везде? Кому, как не нам, знать, что это не так».

Полина качала головой и улыбалась. Хитрые часы, лукавые, но не злые. Если бы не настоятельная просьба хозяина не трогать их, она давно открыла бы дверцу. Но Ковальский строго-настрого запретил прикасаться к часам. Даже домработницам не разрешал стирать с них пыль! Сам обходил дом и протирал их мягкой фланелью, бормоча что-то ласковое.

Из чудес были еще портреты в галерее на первом этаже. Шкафы с приоткрытыми фальшивыми дверцами, за которыми обнаруживались другие, закрытые на ключ. Зеркала, подслеповато всматривавшиеся в темноту коридоров. От старости амальгама темнела, покрывалась пятнами, мешавшими разглядеть отражение. Получался серебристомолочный омут в стене: нырни – и провалишься неизвестно куда.

Определенно, предметы в этом доме настойчиво звали Полину в свой мир.

И еще у дома имелись необъяснимые странности.

В четыре комнаты левого крыла Полине не разрешалось заходить. Ковальский так и сказал: «Прошу вас не входить сюда, даже если вы увидите открытую дверь. Договорились?»

Экономке оставалось только кивнуть. В мыслях вертелась сказка о женах Синей Бороды. «Можешь все отпирать, всюду входить; но запрещаю тебе входить в ту каморку!»

Несмотря на любопытство, ей и в голову не приходило нарушить запрет. Несколько утешало то, что Василий тоже не имел туда доступа. Ковальский один заходил в комнаты, всякий раз тщательно закрывая их за собой.

Но однажды Анжей позвал Полину и вручил ключи.

– По-моему, я забыл на столе в Синей комнате книгу, – озабоченно сказал он. – О розах. Называется «Очарование в саду». Принесите, будьте любезны.

Полина отправилась выполнять поручение, гордясь оказанным доверием. Отпирая дверь, предвкушала, что увидит что-то необычное, но действительность оказалась прозаична: старые книжные шкафы, компьютерный стол возле окна, и на нем искомая книга.

Девушка разочарованно вздохнула, чувствуя себя обманутой. Зачем, спрашивается, нужно было запрещать ей заходить сюда?

Пару дней спустя Анжей мимоходом вернул книгу Полине.

– Пожалуйста, отнесите обратно. Вечно теряю ее в доме.

Ключ легко провернулся в замочной скважине. Полина шагнула внутрь...

И не удержалась от вскрика.

За два дня комната изменилась до неузнаваемости. Половину ее теперь занимал массивный дубовый стол. На его исцарапанной и прожженной столешнице высились колбы и реторты. В стеклянных трубках застыла мутная зеленоватая жидкость, словно зачерпнутая из ближайшего колдовского болота. Вокруг стола четыре старых кресла с выцветшей обивкой располагались так, словно в них еще минуту назад сидели люди.

Плотно задернутые шторы не пропускали ни единого луча. Свет падал лишь от настольной лампы, сделанной – Полина вздрогнула – в виде дракона.

Не веря своим глазам, девушка рассматривала преобразившуюся комнату. Может быть, она ошиблась дверью? Но в руках у нее был тот же самый ключ, что и два дня назад. И дверь та же самая, в этом не может быть сомнений!

Но кто и когда изменил ее? Кто проводил опыты, кто разлил зеленоватую жидкость по стеклянным трубкам, если Ковальский – Полина видела своими глазами! – эти два дня безвылазно сидел в библиотеке!

Сзади раздалось шуршание.

Полина резко обернулась.

В дверях стоял хозяин дома. В черных глазах отражался огонек настольной лампы.

– Спасибо, Полина, – негромко сказал Анжей. – Я решил сам положить книгу на место. Позвольте...

Девушка безропотно протянула ему увесистый том.

Доктор взял ее, но продолжал стоять в дверях.

Неловкая пауза затягивалась. Ковальский безмолвствовал. Полина разрывалась между двумя желаниями: задать вопрос – и провалиться сквозь пол, лишь бы не стоять лицом к лицу с хозяином.

Инстинкт самосохранения победил.

– Так я пойду? – неуверенно спросила Полина, стараясь не глядеть в глаза Ковальскому.

Анжей, казалось, что-то обдумывает.

– Что ж... Идите.

Полина подавила первый порыв – метнуться прочь из комнаты, прочь от Ковальского и бежать, сломя голову, подальше от этого безумного дома с безумным хозяином.

Удержала ее от этого шага сущая ерунда. Полина даже не была уверена, что это не обман зрения.

Но все-таки... На секунду ей почудилось, что Доктор собирается улыбнуться.

Улыбки не было. Не было даже тени ее на сухом породистом лице. Но девушка ощутила, что страх куда-то испарился.

Она неторопливо вышла, слегка поклонившись Ковальскому. Острый взгляд колот ей спину между лопаток до тех пор, пока она не свернула на лестницу.

Со вторым кабинетом вышло еще таинственнее.

В этот день меняли карнизы на втором этаже, и девушка ни на шаг не отходила от двух рабочих: следила, чтобы не повесили криво. Анжей, поднявшийся после завтрака наверх, вошел в кабинет и плотно прикрыл дверь. Полина машинально отметила, что хозяин закрылся в комнате, и продолжила командовать рабочими.

Когда с карнизами закончили, девушка облегченно вздохнула. Отошла на шаг, любуясь результатом. И вспомнила, что Ковальский просил сообщить ему, когда рабочие покинут особняк.

Она подошла к кабинету и осторожно постучалась.

– Анжей! Анжей, ремонт закончился!

Никто не ответил.

– Господин Ковальский! Вы просили предупредить вас.

Тишина.

Девушка посильнее стукнула по двери кулаком, и от ее удара она вдруг распахнулась. Полина подпрыгнула от неожиданности. Кто мог знать, что дверь не заперта?!

– Господин Ковальский, вы здесь? – громко позвала она, на всякий случай отойдя от приоткрывшейся щели.

Глупый вопрос, конечно. Где еще быть господину Ковальскому, раз он зашел в эту комнату пару часов назад?

Но ответа по-прежнему не последовало.

Полина испугалась. А вдруг Доктору стало плохо? Лежит он в комнате с сердечным приступом, не в силах откликнуться...

Забыв про запрет, девушка резко распахнула дверь и шагнула через порог.

Она оказалась в полутемном кабинете, похожем на библиотеку: шкафы до потолка, забитые книгами, огромный гардероб с одной зеркальной дверью, кресло под торшером, антикварного вида стол... Шторы, как обычно, плотно задернуты, не пропуская солнечных лучей. Лишь торшер стоит в желтом круге света.

И никого внутри.

Полина опешила. Вот же комната, вся перед ней, как на ладони. Ни единого закутка, где можно спрятаться!

– Анжей! – позвала девушка.

Заглянула за дверь, но обнаружила в углу только трость с головой дракона.

– Анжей!

Нет, это просто невысказано! Что за нелепые прятки? И потом, в кабинете некуда скрыться!

Тут Полину осенило. Окно! Наверняка Доктор выпрыгнул в сад – иного объяснения просто не может быть!

Зачем Ковальскому понадобилось выпрыгивать из окна второго этажа, Полина не задумывалась. Для начала ей нужно было поправить покосившуюся картину мира. А для этого – объяснить, куда делся человек из запертой комнаты.

Она подбежала к окну, раздернула шторы – и застыла, словно натолкнувшись на препятствие.

Окно было заложено кирпичами.

Проработав в доме Ковальского три недели, Полина все еще не определилась, считать ли ей хозяина вампиром, колдуном или же всего-навсего человеком со странностями. Но в одном она была уверена: через кирпичные стены Ковальский ходить не способен.

Пошатнувшаяся картина мира не возвращалась в нормальное положение. В отчаянии Полина обошла книжные шкафы, распахивая дверцы, потом заглянула за шторы... Она залезла бы и в гардероб, но он оказался заперт.

Доктора не было. То ли провалился сквозь пол, то ли растворился в воздухе.

С кирпичной кладкой Полина решила разобраться потом. Это отдельный вопрос: зачем понадобилось замуровывать окно.

Но сейчас требовалось понять, где Ковальский.

Девушка выбежала из комнаты, с силой хлопнула дверью (раздался отчетливый щелчок – замок закрылся) и побежала вниз. Ее уверенность, что с Доктором случилось что-то плохое, усиливалась с каждой секундой. Единственным человеком, к которому она могла обратиться за помощью, был водитель, и Полина бросилась искать его.

– Василий! Василий, где вы?!

Со стороны кухни донесся какой-то звук.

– Василий!

Полина влетела в столовую.

За столом, постукивая ложечкой по вареному яйцу, сидел Анжей Ковальский.

– В чем дело? – холодно осведомился он. – Зачем столько крика?

Девушка застыла как вкопанная.

Да, это был Анжей, собственной персоной, в любимом темно-зеленом бархатном пиджаке. Он раздраженно помахал ложечкой, словно дирижер палочкой. Повинуясь этому жесту, Полина шагнула к нему.

– Так в чем дело?

– Я постучалась в кабинет, чтобы предупредить вас об окончании работ, – медленно начала девушка, тщательно подбирая слова. – Дверь открылась, но вы не отвечали. Я испугалась, что вам стало плохо, и заглянула внутрь.

Ковальский нахмурился и отложил ложечку в сторону.

– И что же?

– Вас там не было, – с оттенком пережитого изумления сказала Полина. – Совсем не было.

Доктор хмыкнул.

– И это все? Дитя мое, я вышел из кабинета полчаса назад. Вы меня не заметили. Ступайте и больше не выдумывайте бог знает что.

Он взял ложечку и придвинул к себе яйцо. Это означало, что вопрос исчерпан и больше Ковальского не интересует.

– Нет, – сказала Полина.

Доктор поднял голову.

– Что «нет»?

– Я не могла вас не заметить, – тихо сказала Полина. – Вы не проходили мимо меня. Это точно.

– Ну вы же не все время торчали в коридоре! – раздраженно воскликнул Ковальский.

– Все время.

– Вы что, не отходили в туалет? Попить воды?

– Нет.

«Нет» вышло негромким, но очень твердым. Доктор помрачнел.

– И все-таки вы меня не заметили, – заверил он. – Другого объяснения просто не может быть. Так ведь?

Подчиняясь его требовательному взгляду, Полина вынуждена была согласиться.

– Вот и договорились, – вкрадчиво сказал Ковальский. – Не хочу вас отвлекать от дел.

Полина, пятясь, вышла из столовой. Договорились так договорились. Если господин Доктор уверяет, что покинул комнату полчаса назад, значит, так, оно и было. Зачем ему врать?

Но Полина знала совершенно точно, что полчаса назад из комнаты никто не выходил. И вообще никто не выходил. Ковальский лгал.

Она хотела подняться к себе, но на полпути передумала. «Мне нужно на свежий воздух, пока я не свихнулась».

Она потянула входную дверь – и снова вздрогнула от неожиданности. Снаружи стоял Василий.

– Вы меня напугали! – набросилась на него Полина. От пережитого страха она на короткое время перестала бояться верзилу-шофера. В другое время она задумалась бы над феноменом вытеснения одного страха другим, но сейчас ей было не до того.

– Какого черта вы торчите возле двери?! Неужели нельзя было зайти внутрь?

– Я как раз собирался это сделать, – флегматично отозвался Василий, рассматривая ее с высоты своего огромного роста. – Услышал вроде чей-то писк внутри. Думаю – надо посмотреть. Вот и пошел. А тут вы.

«Писк?!»

Полина захлебнулась негодованием.

– Я вас звала! – отчеканила она с таким холодом в голосе, что еще пара градусов превратили бы водителя в ледяной столб. – Искала вас по всему дому! Где вас черти но... Где вы ходите в рабочее время?

– В гараже возился.

Василий предъявил в качестве доказательства разводной ключ. В огромной лапе он казался игрушечным.

– Так что понадобилось-то?

– Уже ничего, – сухо сказала Полина. – Спасибо.

Шофер пожал плечами и вразвалочку побрел обратно к гаражу. Полина смотрела в спину, на которой, как кожа на барабане, плотно натянулась куртка, и внезапно для себя позвала:

– Василий!

Тот обернулся, уставился на нее, прищурившись: ну вылитый драный кот, что забрел на днях к ним в сад.

– Зачем замуровали окно в крайней комнате? – спросила Полина. – Той, что в левом крыле?

Она почти не надеялась, что получит ответ. Так оно и вышло.

– Полагаю, вам лучше спросить об этом у Анжея Михайловича, – с издевательской вежливостью сказал водитель и слегка поклонился: – Я могу идти? Или я вам еще нужен?

– Нет, не нужны, – сухо сказала Полина и не удержалась от шпильки: – Все равно от вас никакого толка.

Василий сверкнул зелеными глазами, но ничего не сказал.

Анжей Ковальский наблюдал из окна за Васей и новой экономкой. Слов ему не было слышно, но он почти не сомневался, что девочка интересуется закрытой комнатой.

Неудачно вышло с кабинетом, надо признать. Анжей забылся, не придавал значения тому, что на втором этаже ведутся работы. А мог бы и сообразить, что Полина будет находиться там неотлучно, а значит, заметит, что из кабинета он и в самом деле не выходил.

Наблюдательная девушка, ничего не скажешь.

Ковальский наклонился вперед, разглядывая две фигуры перед дверью: высоченную черную – и маленькую клетчатую. Экономка стояла, подняв лицо к Василию, словно взирала снизу вверх на Эйфелеву башню. Анжей видел, что губы у девушки плотно сжаты, на личике написано упрямство. Длинный подол платья развевается на ветру, и волосы развеваются тоже – того гляди сдует малышку. Васенька в своей вечной кожаной куртке, да еще и шарф обмотан вокруг горла, а она в одном платье и наверняка мерзнет – но ведь стоит, что-то требует, разве что ножкой не топает.

Анжей не удержался от улыбки. Очень уж забавно эти двое смотрелись рядом. Он категорически запретил Василию обижать новую экономку, и Вася, конечно, подчинился. Но один бог знает, чего это ему стоило!

С экономом было проще: все-таки мужчины всегда найдут общий язык. Василий настороженно относился к Анатолию, но он ко всем так относится.

При этой мысли Ковальский помрачнел. Ни звонка, ни записки, ни тела, в конце концов! Вася предполагал, что эконом обворовал их. Но из дома не пропало ни одной монетки. Странно, очень странно...

Но даже Василий должен был признать, что новая экономка справляется с работой не хуже Анатолия.

Для начала она уволила омерзительную повариху. Разобраться с ней у самого Ковальского руки не доходили. И всего за день отыскала новую, которую не видно и не слышно – только запахи еды витают в доме с раннего утра. Вот и славно, повариха должна быть невидимкой!

Затем пересмотрела расходы на еду. Два дня что-то высчитывала, ходила хмурая и озабоченная, а потом велела Василию провезти ее по магазинам, где Анатолий закупал продукты. И что же? Нашла каких-то рыночных торговцев, договорилась с одним, с другим – и теперь свежее мясо и рыбу им привозят домой, причем за меньшую цену, чем прежде.

Узнала, что Анжею нравится йогурт – и тут же приобрела и освоила йогуртницу. Заметила, что на шторах в коридоре полиняла ткань – мигом отыскала ателье, где им из точно такой же ткани за неделю сшили новые портьеры. Заодно обновила чехлы на мебели, которые давно требовали реставрации.

Ковальский обронил, что Василий уважает хурму – и вот пожалуйста: в холодильнике под нее отведен целый ящик.

Собственноручно начистила серебро, не доверив такое ответственное дело домработницам. Наткнулась в комодке на забытые столетние скатерти с вышивкой – рухлядь рухлядью! – и не поленилась, отыскала женщину-вышивальщицу и уговорила Анжею заплатить приличные деньги, чтобы та восстановила рисунок. Ковальский ворчал ровно до той минуты, пока не увидел скатерть на столе. Нежнейшие розы вышиты гладью на фоне тонких веточек.

– Вы ведь любите розы, правда? – робко спросила Полина, пока он восхищенно рассматривал скатерть.

Да, дитя мое. И розы, и само прикосновение к выпуклому шелковистому рисунку, словно и впрямь под пальцами цветочный бутон, и слабый запах накрахмаленной ткани. Даже обветшалость не портила эту вещь.

Но вслух Анжей ничего этого не сказал. Суховато поблагодарил одним кивком и уронил: «Умница». Но малышка и этому обрадовалась: расцвела, как тот бутон, и щеки вспыхнули алым цветом.

Ковальский давно заметил, что на похвалу она отзывается как собака, которой мало достается хозяйской любви. Одно доброе слово – и девочка выглядит счастливой. Но хвалил ее редко. Не хватало еще, чтобы она привязалась к нему! Пока это всего лишь разговор с собственной совестью. Он должен чувствовать себя вправе в любой момент уволить ее.

Пока она то удивляла, то веселила его. С виду – пигалица-пигалицей, нацепившая для важности очки. Всех боится: и его, и водителя. От портретов в галерее шарахается (впрочем, они там для того и повешены). Вздрагивает от громких звуков – нервишки-то никуда не годятся. Смущается от любой ерунды: чуть что – и залилась краской.

Зато как только доходит до дела, откуда что берется! И деловита, и энергична, и решительна... Любопытна, но ни одного запрета не нарушила (за этим Ковальский особенно тщательно следил). Во всем старается ему угодить, но без подобострастия.

А самое главное – Анжей видел, что ей нравится у него. Он подмечал, как она благоговейно касается старых стен, обшитых дубовыми панелями.

Как бережно перебирает старинные фарфоровые чашки с ребристыми боками. Как замирает перед часами, словно слушает их бесконечные истории. Как выбегает по утрам в сад, думая, что ее никто не видит, и, пританцовывая, скользит вдоль зарослей шиповника. Возвращается с мокрой от росы юбкой, замерзшая на утреннем майском ветру, растрепанная, но до смешного счастливая.

А неделю назад Ковальский с Василием провели эксперимент. Пока девочка бродила по рынку, выбирая фрукты, к ней подошел мужчина, представился журналистом и попросил рассказать некоторые незначительные подробности из жизни Доктора. Естественно, не безвозмездно. Шесть месячных окладов Полины, ни больше ни меньше: «В благодарность за то, что читатели нашей газеты узнают правду!»

Журналист был весьма убедителен и просил о такой маленькой услуге, что глупо было бы не согласиться. И Полина Аверина согласилась.

Она предупредила, что сейчас не сможет ответить на вопросы: хозяин ждет, а он строг к опозданиям. Но назначила встречу через два часа в маленьком кафе на окраине поселка.

Ковальский, слушавший их разговор, не смог скрыть разочарования. И был благодарен Васе за то, что тот ничем не выдал своего торжества и даже сказал, словно оправдывая экономку:

– Деньги для нее неплохие...

Анжей поморщился и махнул рукой: отключай свою аппаратуру и поехали.

И до самого дома был мрачен и молчалив. Василий тоже помалкивал.

Открыв дверь, Ковальский бросил хмуро:

– Свяжись с агентством, пусть начинают искать экономку. Лучше – эконома. Хватит с нас женщин.

А двадцать минут спустя Полина выпрыгнула из такси и со всех ног помчалась к особняку, забыв про сумки в машине. Едва не врезалась в Василия, крикнула ему на ходу, чтобы расплатился с негодующим шофером, и побежала по дому, крича: «Анжей! Анжей Михайлович!»

Обнаружив хозяина в библиотеке, непочтительно выхватила у него книгу и выложила все про встречу с журналистом.

– Я его обманула, – закончила Полина, сверкая глазами. – Договорилась, чтобы он ждал меня через два часа, а сама сразу бросилась к вам. Его нужно задержать! Никакой он не журналист, я уверена!

В дверях библиотеки мелькнул силуэт. Анжей поднял глаза и увидел Василия. Тот смотрел на девушку, не замечавшую его, с таким выражением, что Ковальский рассмеялся. В нем читались и досада, и злость, и неохотное

восхищение.

– Вы мне не верите?! – горячилась Полина, не понимая, почему к ее рассказу отнеслись так легкомысленно. – Я его даже сфотографировала незаметно! На телефон! Снизу!

– Верю, верю, – успокоил Анжей. – Васенька, ты в агентство еще не успел позвонить?

– Нет. Успеешь тут...

– Ну и не нужно. Оставим пока все как есть.

Когда девочка убежала, ободренная его заверениями, что лжежурналист будет схвачен, хозяин распорядился:

– Испытательный срок она выдержала. Начинаем готовиться к приему гостей.

Вечером Полина вышла в сад, обошла дом, задержавшись под липой. Голые черные ветви выглядели сиротливо рядом с зеленеющим шиповником. Вьющаяся жимолость, оплетающая стены особняка, несколько дней назад покрылась крошечными острыми листочками, и дом спрятался под зеленым покрывалом. Теперь среди листочков уже белели тугие шарики бутонов.

Все росло вокруг, все цвело, кроме лип, стоящих двумя вдовами. На клумбах сияли посаженные неутомимым Арменом нарциссы. Вокруг них лежало сиреневое ожерелье фиалок. Лес дышал маем, и дыхание его чувствовалось везде.

Розы в оранжерее цвели как сумасшедшие, словно это был последний май в их жизни. Их выращивали так, чтобы в любое время года Ковальский мог любоваться цветущими кустами. Но в последнюю неделю все бутоны распустились, и оранжерея взорвалась красками.

Бордовые розы, персиковые, рубиновые, нежножелтые, кремовые розы с тончайшими лепестками, полупрозрачными, как пачка балерины... Царственные белоснежные розы с бутонами размером с чашку. Крошечные пунцово-розовые цветки плетистой розы, собранные в густые соцветия.

В оранжерее у Полины просыпались кулинарные ассоциации. Цветки розы лососевого оттенка, что встречают у входа – на закуску, за ними – багровые бутоны цвета сырого мяса, а вон из тех вскипающих, выплескивающих во все стороны махровых оранжевых роз можно сварить тыквенный суп. В чай пойдут душистые малютки, у которых лепестки снаружи зеленоватые, а внутри – снежнобелые. К ним, чтобы оттенить вкус, годятся золотистые красавицы, блестящие и сочные, как лимонные дольки на срезе. А на сладкое – розы цвета зефира, цвета взбитых сливок, цвета суфле на миндальном торте: пышные, роскошные, с

тягучим медвяным ароматом, который хочется вдохнуть и умереть от счастья.

В оранжерею вели две двери. Первая – самая обычная, стеклянная. Второй, с противоположной стороны, почти не пользовались, и садовник придумал чудное: укрепил на ней сверху несколько горшочков, а в них посадил девичий виноград и вьющиеся клематисы. Зеленые побеги струйками потекли вниз. Но до земли Армен не давал им добираться: обрезал.

Дверь стало трудно открывать. И веса в ней прибавилось, и до ручки не сразу доберешься сквозь паутину растений. Полина даже пожаловалась Ковальскому.

«Это традиция, – объяснил Доктор. – Много лет назад на этом месте стоял дом одного чудака, местного лекаря. Жил он аскетом в небольшой избушке. Сохранился старый рисунок, на котором видно, что вход в нее был оплетен девичьим виноградом. А я уважаю старые традиции».

Полина, немного подумав, возразила, что вход в избушку не может быть оплетен девичьим виноградом. Звучит, конечно, романтично. Но тогда попасть внутрь не было бы никакой возможности.

Вместо ответа Ковальский достал из ящика черно-белую фотографию. На снимке две тонких липы, а за ними в отдалении видна полуразвалившаяся лачуга. Проломленная крыша съехала вниз, словно криво нахлобученная кепка. Из слепых черных провалов окон торчат стебли крапивы.

А вместо двери – зеленый полог.

Полина поняла, что видит участок земли, купленный Анжеем много лет назад. Если бы не липы, она бы не узнала это место на снимке. Ни знакомого особняка, ни чудесной живой изгороди... Только побеги винограда с растопыренными листьями, точь-в-точь такие же, какие любовно растит садовник.

«Морозоустойчивый сорт попался, раз не погибал в наши февральские холода», – вполголоса сказал хозяин.

Следующий снимок: рядом с пологом стоит сам Ковальский в костюме и щегольских ботинках и с улыбкой раздвигает лозы винограда. За ними виден проем с дверью, болтающейся на одной петле.

«Когда я купил здесь землю, домик пришел в негодность, – пояснил Доктор. – Любопытно то, что последние шестьдесят лет в нем жил какой-то местный врач, которого считали полусумасшедшим. Он восстановил из руин разрушенную избу лекаря и даже получил на нее документы. А его сменил я. Дом отстроил ближе к дороге, а на месте избушки поставил

оранжерею».

«Здесь все время селились люди со странностями, – думала Полина, слушая его рассказ. – Один доктор сменил другого, тот – еще одного. Не удивлюсь, если и до них здесь обитал какой-нибудь знахарь».

Со временем девушка стала замечать, что ей нравится входить в оранжерею через дальнюю дверь. Нравится окунать пальцы в прохладу между стеклом и тонкой завесой клематисов и винограда, нащупывать ручку, тянуть на себя тяжело подающуюся створку. В этом тоже таилось тихое волшебство: попасть в царство цветов через цветочную дверцу. Несколько клематисов выпустили светло-сиреневые лепестки, нежные, как крылышки фей. Они встречали Полину тонким, но настойчивым ароматом.

Вот и сейчас она почувствовала знакомое благоухание, едва подойдя к стеклянному сооружению. Уже стемнело. В сумраке запах казался особенно пронзительным.

Полина знала, что садовник вечером запирает оранжерею. Но ей и не нужно было туда. Она остановилась, делая вид, что нюхает мелкие сиреневые цветочки.

Взгляд ее скользил по окнам второго этажа. Третье, четвертое, пятое... А дальше – сплошная стена. Теперь-то ясно, что за этой стеной прячется целый кабинет.

Девушка перевела взгляд на другое крыло дома. Так и есть: там пространство точно такой же ширины, и тоже без окна. Выходит, и там скрыта комната? Но ведь ее дверь – крайняя, и за ней ничего нет, кроме напольных часов.

– Загадки, сплошные загадки, – вслух пробормотала Полина. – Но одну я, кажется, разгадала.

Она весь день размышляла над таинственным исчезновением Ковальского и пришла к выводу, что существует лишь одно объяснение. В кабинете, откуда он пропал, без сомнения, имеется потайная дверь. Может быть, ее спрятали в шкафу или замаскировали под рисунок на обоях. Дверь ведет в соседнюю комнату, откуда Ковальский и вышел незамеченным. Полина никак не думала, что он может появиться оттуда, и не обращала на нее внимания.

«Вот только зачем Доктору в его доме секретные двери?»

Полина в ответ мысленно пожала плечами. Ничего удивительного: по проекту архитекторы сделали две смежные комнаты – например, для гостей с детьми. Со временем стало ясно, что дети в этом доме не появляются, и проход замаскировали, чтобы не смущать гостей.

Внутренний голос предположил, что в таком случае его закрыли бы

совсем.

Полина заметила, что ничего подобного. Зачем лишние хлопоты?

Тогда внутренний голос с плохо скрытой язвительностью поинтересовался, как Полина объяснит замурованное окно. Почему-то в случае с окном лишние хлопоты никого не остановили.

– А вот это действительно непонятно, – вслух прошептала Полина. – В кабинете нет ничего такого, что стоило бы прятать.

– Вы ошибаетесь, моя дорогая, – произнес вежливый голос за ее спиной.

За месяц Полина так и не отучилась вздрагивать, когда кто-то заставлял ее врасплох. Она вздрогнула и обернулась.

В двух шагах от нее стоял Ковальский. Лакированные ботинки блестели в свете фонаря. Он опирался на трость с головой дракона – ту самую, которую Полина видела за дверью в кабинете.

– Я хотел с вами поговорить, – сказал Анжей. И добавил тоном, исключавшим любые возражения: – Следуйте за мной.

Глава 4

– Сколько вы работаете у меня? Месяц?

Полина кивнула, потом спохватилась, что Анжей не может видеть ее кивка, и вслух пробормотала:

– Месяц и два дня.

Они приближались к дому: впереди – Доктор с тростью, элегантный, как бес в опере, а за ним – смущенная девушка.

Она и раньше замечала, что Ковальский умеет передвигаться бесшумно, словно кот. Но в первый раз так глупо попалась. Как ему удалось подкрасться к ней незаметно? Ни одна ветка не хрустнула под его ногой, ни одна травинка не прошелестела... Неужели она была настолько увлечена своим доморощенным расследованием, что не услышала его тихих шагов?

И неужели он уволит ее за назойливое любопытство?

Полина тихо кляла себя на чем свет стоит. Если бы она хотя бы не говорила вслух! Если бы просто стояла молча возле оранжереи! Тогда можно было бы соврать о цели ее прогулки, придумать, что всего лишь любовалась домом, вечерним небом, цветами – чем угодно. Но она выдала себя с головой, упомянув кабинет и секреты дома.

А господин Ковальский очень не любит, когда лезут в его дела.

– Я хочу вам кое-что показать, – сказал Анжей, распахивая дверь.

Он зашел в дом, а Полина остановилась на пороге, отчего-то медля.

Густо-лиловый сумрак выполз из леса и подобрался вплотную к особняку. Он огибал фонари, купавшиеся в желтых лужах света, и подкрадывался все ближе и ближе. Обернешься – и на тебя уставится темнота.

Но в особняке тоже царил полумрак.

Он властвовал там почти всегда. По вечерам яркие лампы зажигались лишь у Полины. Остальные комнаты освещались бархатным светом торшеров. Но казалось, что их свет не отпугивает темноту, а притягивает ее.

Не раз, заглянув перед сном в библиотеку, Полина видела Ковальского, сидящего в кресле: со стен и потолка к нему стекались густые тени, укладывались в ногах, точно черные кошки. Под шапкой зеленого абажура Доктор читал, покуривая трубку, и дым расплзался по всей комнате, как развеянное привидение.

В эту секунду, стоя на улице и ежась от поднявшегося весеннего ветра, Полина видела: в холле слабо мерцают электрические свечи. Ей даже почудилось, что сквозняк вот-вот задует их и дом окончательно погрузится во мрак – такой, перед которым темнота этой ночи покажется бледными сумерками.

Девушка пригляделась. В глубине коридора, за спиной Ковальского, тени собрались в непроницаемый черный клубок. Полина отчего-то не сомневалась, что им предстоит идти именно туда.

– Вы замерзнете, – заметил Доктор. – Заходите же. Или вы боитесь темноты?

Полина вскинула на него глаза. Уже не первый раз ей казалось, что Ковальский читает мысли.

– Да, – негромко сказала она. – Боюсь.

Доктор улыбнулся:

– Я же с вами, дитя мое. Пойдемте. Здесь никакая темнота вам не страшна. Знаете, чего нужно бояться?

«Если сейчас он скажет: „Меня!“ и сверкнет красными глазами, то я свалюсь в обморок», – подумала Полина, отродясь не терявшая сознания.

– Чего же? – пробормотала она, мысленно приготовившись к тому, что Ковальский оскалит белоснежные зубы и резцы у него начнут удлиняться на глазах.

Но в глубине души девушка чувствовала, что во всем этом есть элемент игры, детской страшилки, когда страшно не взаправду, а потому, что нравится бояться.

– Да ничего, – пожал плечами Доктор. – Нет ничего, поистине заслуживающего страха. Заслуживающего ненависти – может быть, трепета – да, но страха – нет.

– А как же смерть? – не удержалась Полина.

Ковальский усмехнулся и взглянул на экономку так, что ей стало не по себе. Она пожалела о заданном вопросе. Неподходящее время для разговоров о смерти.

– Смерть... – повторил Доктор. – Как сказал гениальный Набоков: «Жизнь – это большой сюрприз. Я не понимаю, почему бы смерти не стать не меньшим». Но об этом мы с вами поговорим как-нибудь в другой раз. Нам сюда...

Анжей направился не в темноту за лестницей, как опасалась Полина, а в картинную галерею. Остановился напротив портрета старика в синей мантии, оперся на трость. Впадины на скулах прорисовались глубже, тени легли под глазами, и сходство стало почти пугающим.

- Как вы думаете, Полина, кто я? – спросил он.
- Психотерапевт. Вы же сами мне об этом сказали.
- Вы верите всему, что вам говорят?
- Когда мне это удобно, – не задумываясь, ответила Полина.

Доктор улыбнулся.

– А в потайных комнатах я прячу пациентов? Не отводите взгляд. Вы же отлично поняли, что тайники здесь есть.

– Можно и что-нибудь другое прятать, не только пациентов, – пробормотала девушка.

– И как же вы объяснили себе преобразование кабинета? Решили, что я развлекаюсь алхимией в свободное от практики время?

Полине неуютно было стоять под взглядами Ковальского и жутковатого старика в синей мантии.

– Я еще не успела найти ответ.

– Тогда я вам его дам, – неожиданно сказал Анжей и выпрямился. – Только сначала нужно решить, остаетесь ли вы у меня. Вы прошли испытательный срок, и я вами доволен. Но для того, чтобы вы успешно справлялись со своими обязанностями и впредь, я обязан разъяснить кое-что, касающееся моей деятельности. Если вы планируете искать другое место работы, скажите об этом сейчас.

– Я не планирую, – завершила Полина, немного испуганная таким серьезным вступлением. – Честное слово, я не собиралась от вас уходить! Мне тут очень... – она покраснела и закончила, – очень нравится.

– Прекрасно. Тогда смотрите...

Доктор шагнул к портрету, но вдруг остановился, будто передумав. Полина глядела на него во все глаза.

– Хочу напомнить вам, – сказал Ковальский, – что не нужно ни с кем делиться увиденным. Это может привести к печальным последствиям.

Девушка торопливо закивала.

Анжей встал перед картиной. Поднял трость, приложил ее к нарисованному набалдашнику в виде черепа на посохе старика. И с силой вдавил.

Полина приготовилась услышать треск рвущегося холста. Но драконья голова ушла в глубь полотна, словно там была дыра.

Несколько секунд ничего не происходило. А затем в тишине раздался отчетливый щелчок.

Ковальский высвободил трость, взялся за выступ на раме и потянул. К изумлению девушки, картина бесшумно и плавно поехала вбок. В стене открылся проход.

Портрет оказался дверью.

Полина обошла его, рассматривая со всех сторон. Осторожно потрогала картину в том месте, где Доктор дотронулся своей тростью, и вскрикнула: пальцы коснулись не холста, а чего-то гладкого. От неожиданности она отдернула руку.

– Не бойтесь, там всего лишь латекс, – успокоил Ковальский. – Он скрывает механизм. Тонкая работа, не так ли?

«Такая же тонкая, как драконья голова на входной двери, – подумала Полина. – Наверняка делал один мастер».

Она наклонилась к холсту. Теперь, когда Анжей открыл ей секрет, стало видно, что фактура «черепа» отличается от остальной поверхности портрета.

Полина повернулась к Доктору:

– Поэтому здесь такой приглушенный свет? Чтобы нельзя было рассмотреть деталей?

– Верно. Перебирайтесь сюда.

Шагнув за картину, Полина оказалась в полумраке. Ковальский нажал какую-то кнопку на стене, и дверь за ними закрылась. Вокруг стало совсем темно. Но воздух был свежий, без примеси затхлости.

– Теперь, по всем канонам, мы должны спуститься в подземелье, – пробормотала Полина.

Справа послышался негромкий смешок Ковальского.

– Здесь подземелья нет. Простите, что держу вас в темноте неизвестности. Лампочка перегорела.

Полине стало смешно. Какое грубое вторжение в почти сказочную действительность: перегоревшая лампочка!

– Можно поставить энергосберегающую.

– Терпеть их не могу, – проворчал Анжей, судя по звуку, возившийся с чем-то в углу. – Ни одной этой сберегающей гадости не будет в моем доме: любое помещение они превращают в прожекторскую. Секундочку...

Комната озарилась неярким светом. Ковальский и Полина стояли в тесной комнатухе, где на стене горел единственный светильник. Девушка обернулась: дверь, через которую они вошли, прямо за ее спиной. А впереди, всего в трех шагах, вторая.

– Обычно я не запираю ее, – сказал Ковальский, снимая с шеи цепочку, на которой болтался ключ. – Но в последнее время стал подозрительным.

Он вставил ключ в замочную скважину и дважды повернул.

Полина от волнения затаила дыхание. Что можно так тщательно оберегать от посторонних глаз? Драгоценности? Золотые слитки? Но такой

человек, как Ковальский, никогда не стал бы держать их в доме.

Дверь распахнулась. Изнутри вырвался такой яркий свет, что Полина зажмурилась.

– Простите, я не предупредил: лампы здесь включаются автоматически.

Голос Ковальского доносился уже из-за открытой двери. Девушка открыла глаза и шагнула за ним следом.

В первую секунду ее ждало разочарование. Всего лишь комната без окон, правда, совершенно круглая и с небывало высоким потолком. Белый купол уходил высоко-высоко, как будто под самую крышу. Свет шел откуда-то сверху. Полине показалось, что сам потолок излучает свечение.

Посреди комнаты на паркетном полу стоял маленький круглый стол. Рядом – два простых стула. Ни кресел, ни шкафов, ни часов, которые так любил Ковальский. Здесь вообще больше ничего не было, кроме...

Полина обвела взглядом стены и ахнула. Десятки – нет, сотни ключей были развешаны по стенам! Одни поблескивали серебристым, как юркие рыбешки: целый косяк, готовый вот-вот сорваться и уйти на глубину. Другие отливали медью. Третьи вспыхивали королевским золотом. Четвертые были черны, как земля. Пятые – белые, словно выпиленные из кости единорога.

Ковальский отошел в сторону и сложил руки на груди, наблюдая за экономкой. А Полина совершенно забыла о нем. Она медленно двигалась вдоль стены, замирая от восхищения.

Никогда прежде ей не приходило в голову, что ключи могут быть так разнообразны и так прекрасны. Они больше походили на музыкальные инструменты, чем на устройства для открывания замков. Здесь были и крошечные ключики с едва различимыми бороздками, и массивные гиганты размером с две ее ладони. Были фигурные, с тончайшей резьбой, с острыми зубцами, с полустертыми буквами на стержне... Простые, даже примитивные ключи с единственным выступом на бородке – и оцетинившиеся зубчиками во все стороны. Изогнутые ключи, волнистые, ключи с необычными головками в виде звезды или кошачьей морды.

Каждый хотелось взять в руки и рассматривать. Каждый был уникален.

И очень стар.

Полина чувствовала, что перед ней не просто предметы интерьера, причуда декоратора, украшавшего стены. Ключи были подлинными. Где-то в прошлом существовали двери, которые они отпирали. Двери исчезли, а ключи пережили их.

«Легче представить дверь без ключа, чем ключ без двери, – подумала Полина. – В этом есть что-то неправильное. Все они сделались бесполезными. Или нет?»

Полина вспомнила о Ковальском и вопросительно взглянула на него:

– Это что – музей?

– Ни в коем случае! Эти раритеты верно служат людям.

– Но как?!

Анжей снял со стены один из ключей, бережно положил на стол и склонился над ним. Лицо его приобрело мечтательное выражение.

– Мои маленькие помощники, – тихо проговорил он, поглаживая ключ. – Друзья, способные открывать что угодно. Вы думаете, они предназначены лишь для дверей?

– Не знаю... Может, для сундуков и шкапулок?

– Вы мыслите в одной плоскости, моя дорогая Полина. Присядьте.

Полина подчинилась.

– Три вещи, – начал Ковальский, – три вещи издавна имели великое значение для людей: ключ, зеркало и книга. Если вы хорошенько подумаете, то поймете почему.

Он замолчал, ожидая ответа. Но под его испытующим взглядом Полина почувствовала себя бестолковой. «Ключ, зеркало, книга... Ключ, зеркало, книга...» Сколько она ни перебирала эти слова, мысль не приходила.

– У них одна суть, – негромко подсказал Анжей, – открыть сокровище. Ключ открывает сокровище от других. Зеркало открывает сокровище от себя. Книга открывает сокровище от мира. Поэтому человек всегда наделял эти предметы магической силой. Например, боялся зеркал, потому что считал, что они ведут в другие миры. Что за чудовища могли выползти из них – кто знает? Бесчисленное количество сказок начинается с того, что герой проходит через волшебное стекло, как через дверь. Вспомните хотя бы «Алису в Зазеркалье».

– Поэтому в доме так много зеркал? – рискнула спросить Полина.

– Или потому, что мне нравится любоваться своим отражением, – рассмеялся Ковальский. – Не ищите мистики там, где ее нет. Ищите там, где она есть. Вон оно, перед вами – настоящее воплощение волшебства в самой простой форме.

Он протянул Полине ключ. Девушка снова обратила внимание на его изувеченную шрамом ладонь.

– Возьмите. Зажмите в руке.

Металл холодил Полине ладонь.

– Давайте сыграем в детскую игру. Вы спрячете ключ в правой руке или левой, а я скажу вам, где он.

Полина недоверчиво посмотрела на хозяина.

– Ну же, – подбодрил Доктор. – Давайте.

– Хорошо.

Полина спрятала руки за спину и быстро перебрала кусочек металла из правой ладони в левую и обратно. Выставила перед собой крепко сжатые кулаки. Маленький ключик скрылся под пальцами целиком.

– Правая, – бросил Ковальский, едва взглянув на ее руки. – Еще раз.

Полина оставила ключ на прежнем месте.

– Правая, – с той же быстротой определил Анжей.

Снова выставленные вперед сжатые кулаки.

– Левая.

Еще раз.

– Правая.

И опять.

– Правая.

Полина пристально посмотрела на Ковальского. Потом перевела взгляд на свои руки.

Невозможно заметить, куда она прячет эта железку. Может быть, Анжей просто угадывает логику ее действий?

– Давайте попробуем снова, – попросила она.

Доктор усмехнулся.

– Что ж, прошу вас.

На этот раз Полина не положила руки на стол, а развела их в стороны. Доктор повел носом, точно принюхиваясь.

– Левая.

Полина перепрятала ключ и подняла руки вверх.

– Правая.

Положила кулаки на стол.

– Правая.

– Вы подглядываете?!

– Нисколько.

– Тогда скажите, в какой руке сейчас.

– В правой.

– А сейчас?

– В левой.

Полина обескураженно раскрыла левую ладонь. В ней лежал ключ.

Они сыграли еще восемь раз. Ковальский угадывал безошибочно. Ему

хватало секунды, беглого взгляда, чтобы определить, куда она спрятала искомое.

На девятый раз Полина, убрав руки за спину, незаметно выронила ключ. Он скользнул по подолу платья и бесшумно упал на сиденье за ее спиной. Девушка быстро выставила сжатые кулачки перед Ковальским.

Анжей хотел что-то сказать, но осекся на полуслове и нахмурился. Наклонил голову вправо, влево... И с уверенностью заявил:

– Ключа у вас нет.

Полина подняла руки.

– Все, сдаюсь! Как вы это делаете?

– Сначала верните пропажу.

Когда ключ снова лег на стол, Ковальский откинулся на стуле назад.

– Это ведь фокус, правда? – с надеждой спросила Полина.

– Вам хочется, чтобы это был именно он? Тогда мне придется вас огорчить. Я действительно *знаю*, в какой руке вы держите ключ. Эта способность у меня с раннего детства и касается только ключей. Я их люблю, и они платят мне взаимностью.

– А как вы это знаете? – спросила Полина, подавшись к нему.

Доктор озадаченно посмотрел на нее.

– Каким образом вы это понимаете? – поправилась девушка. – Что вы видите, когда осознаете, где он?

Анжей одобрительно хмыкнул:

– Хороший вопрос. Вы первая, кто задает его. Представьте, что я зажал в кулаке майского жука, а он пытается выбраться. Если вы посмотрите на мои руки, то по мельчайшим, почти незаметным деталям поймете, что в одном кулаке что-то живое. Вот так же и со мной: мне кажется, будто что-то пытается выбраться из вашей руки.

Он посмотрел на вытянувшееся лицо Полины и рассмеялся:

– Не пугайтесь вы так! Это всего лишь попытка объяснить, что я чувствую. Возможно, неуклюжая. А вот это, – он взял ключ и покачал его в ладони, – только кусок металла, которому придали нужную форму. Он не заползет ночью вам в ухо.

Но Полина уже думала о другом.

– А в комнате? В комнате вы тоже можете найти спрятанный ключ?

Улыбка растаяла на губах Доктора.

– Вы задаете на редкость точные вопросы, моя дорогая. Нет, я не способен отыскать его в комнате. Может быть, вы даже сделаете из этого факта какой-нибудь вывод?

Полина внимательно посмотрела на Ковальского, ища в его глазах

следы насмешки. Но Доктор, кажется, не шутил.

Поняв, что ее действительно похвалили, Полина перестала чувствовать себя тупицей и приободрилась. Можно не бояться: никто не будет ругать за неверные отгадки.

Как только она расслабилась, ответ пришел сам собой.

– Может быть, потому, что ключ должен быть связан с человеком? Тогда ваши способности обостряются, и вы начинаете видеть его.

– Отлично! Честно говоря, я не ожидал, что вы так быстро найдете правильное решение. Даже я сам не сразу нашел его. Теперь вы почти все обо мне знаете.

Полина подавила нервный смешок. После рассказа Ковальского она окончательно запуталась.

Доктор пришел ей на помощь.

– Все очень просто, – сказал он. – Я подбираю ключи к людям.

– К людям нельзя подобрать ключ, – вырвалось у девушки.

– Ошибаетесь. Не только можно, но даже нужно. И многие мои клиенты это осознают. Потому они и приходят ко мне.

– Клиенты?

– Ну, разумеется. С кем, по-вашему, я имею дело?

– Честно говоря, я уже не понимаю, – призналась Полина. – Мне казалось, вы кто-то вроде психотерапевта...

– Почти. С некоторыми особенностями. Ко мне приходят люди с проблемами. В этом нет ничего удивительного. Согласитесь, было бы странно, если бы человек шел к врачу, не имея проблем. Мы не говорим о профилактике, ибо ею я не занимаюсь, только о лечении! Пока все понятно?

Полина кивнула.

– Итак, мои клиенты приходят ко мне и рассказывают о том, что их гложет. Это могут быть страшные сны, от которых они не могут избавиться. Или вопрос, на который чрезвычайно важно найти ответ. Или неотвязные мысли, или тоска по кому-то, или нерешенная задача... Человек говорит со мной, а я слушаю его. Иногда спрашиваю о чем-то. Но, как правило, молчу. Некоторых достаточно послушать всего полчаса. Для других будет мало трех дней. Были люди, остававшиеся у меня неделями, до тех пор, пока мы не подбирали ключ.

– Ключ?

– Да. В буквальном смысле. Я нахожу среди своих ключей, – Ковальский обвел рукой стены, – один-единственный. Тот, который подходит конкретному человеку. Причем подходит именно в этой ситуации.

Если он же придет ко мне через полгода с иной проблемой, ключ будет другим! Вы понимаете?

Полина по-прежнему ничего не понимала, но на всякий случай кивнула.

– Ключ должен подходить точь-в-точь: малейшая неуверенность все погубит. Как невозможно открыть замок ключом, всего лишь похожим на настоящий, так невозможно и помочь человеку, подобрав что-то близкое – но не в точности то, что требуется. Попадание должно быть абсолютным! Стопроцентным!

Разволновавшись, Ковальский до хруста сжал пальцы.

– И что же вы делаете потом с этим ключом? – осторожно спросила Полина.

– Отдаю его пациенту, конечно. – Анжей казался удивленным ее вопросом.

– А он?

– Может делать с ним все, что заблагорассудится. Обычно ключ носят с собой, смотрят на него...

Каждый решает сам. Но логично, имея ключ, как можно чаще держать его в руках. Большинство так и поступает.

– И что происходит?

По губам Ковальского скользнула слабая улыбка.

– О, если бы я знал ответ на этот вопрос! «Что происходит»... Мне, конечно, известно, что происходит снаружи. Внешний эффект, так сказать. Человек, обладающий ключом, внезапно находит ответы на свои вопросы. Он видит путь, выводящий его из беды. Это всегда случается неожиданно, как озарение, как распахнувшаяся дверь! Дверь, появившаяся там, где прежде была глухая стена.

– То есть... подождите... А вы сами больше не помогаете ему?

– Моя помощь заканчивается в тот момент, когда я отдаю ключ. После этого можно считать, что лечение завершено, пациент спасен. Вопрос лишь во времени. День, два, неделя... Редко – две. Мои ключи действуют быстро. Считайте это шаманством, волшебством, воздействием ментальной энергии, чем угодно – но они действуют!

Анжей встал, провел рукой по стене, едва касаясь ключей.

– За лечение я беру деньги. Я не знахарь, что жил здесь двести лет назад, и не подвижник. Природа наделила меня уникальной способностью. И я использую ее во благо людям и себе.

Полина сидела молча, хотя вопросы толкались у нее в голове. Словам Ковальского она поверила сразу. Но ей требовалось время, чтобы

переварить его рассказ.

– Этой силой обладают лишь старые ключи, – вполголоса заметил Анжей. Он перемещался за ее спиной бесшумно, как летучая мышь. – Я пытался делать их сам, находил мастеров – все бесполезно! Сотворенное их руками мертво. А ерундовый ключ, которым полвека назад отпирали гримерку в театре, – живой! Он идеально подошел одной из моих клиенток. У нее были сложности с мужем... Да, я помню всех, к кому отправлялись мои ключи.

– А потом они возвращаются к вам?

– Нет. Никогда. Остаются у тех, кто использовал их, и постепенно теряют силу. Мне известно, что некоторые мои пациенты пытались воспользоваться ключами дважды, а то и трижды. Иногда ключ помогал второй раз. Но никогда – третий. Я честно предупреждаю об этом.

– Но тогда откуда вы достаете новые экземпляры? – удивилась Полина, оглядывая великолепие на стенах.

– Собираю. Ищу по всему свету. Вот эти три привезены из Стамбула. – Доктор показал на изящные позолоченные ключи, одинаковые по форме, но разных размеров. – Ими открывали не двери, а сундуки. Этот красавец доставлен в подарок из Японии. Многое находится в антикварных лавках. Я пробовал скупать через интернет, но несколько раз был обманут.

– Подделки?

– Да. Ключ нужно слышать, а чтобы слышать, нужно взять его в руки. Они поют, вы знаете?

Полина покачала головой. Нет, она не знала, что ключи поют. Но глядя на Ковальского, любовно поглаживающего один ключик за другим, готова была в это поверить.

– Однажды я уговорил служителя в соборе Святого Стефана продать мне необычный ключ. Это обошлось мне... Нет, не буду говорить во сколько. Вы сочтете меня безумцем. Ничего особенного в нем не было, он казался даже грубоватым по сравнению с теми, что я собрал. Но стоило прикоснуться к бороздкам, как мне показалось, что в голове у меня звучит флейта. Вот здесь, – Ковальский постучал пальцем по виску.

Полина вспомнила, что, увидев ключи, тоже подумала о музыкальных инструментах.

– Иногда я просто крал их. Да-да, и не смотрите на меня с таким изумлением. Редко, потому что обычно удавалось сойтись в цене. И потом, кому нужны старые ключи? На что они годны? Для всех, кроме меня, – ни на что. Их прежние владельцы были только рады избавиться от лишнего хлама и заработать на нем.

– Но кто-то отказался продать вам ключ? Почему?

Ковальский хмыкнул.

– Коллекционер. Богатый старик, чертовски богатый! Нас занесло к нему в поместье, когда мы с Василием путешествовали по Венгрии. Он владел старинным особняком, настоящим замком. И обязан был раз в неделю выделять день на то, чтобы эту достопримечательность могли осмотреть туристы. Замок, кажется, семнадцатого века и особого интереса не представляет. Но пока нас водили по залам и утомляли рассказами о происхождении картин и мебели, я от скуки толкнул какую-то дверцу и оказался в той части замка, в которую туристов не допускали: в покоях самого хозяина. Кажется, его фамилия была Кошут... А впрочем, не помню. Прошло уже полгода...

Полина представила, как аристократичный Анжей со своей неизменной тростью крадется по замку. Ей стало смешно. Нет, все было совсем не так! Наверняка господин Ковальский непринужденно прогуливался по дворцу и выглядел куда более соответствующим ему, чем какой-то старый венгр по фамилии Кошут.

Доктор снял что-то со стены и снова сел напротив Полины. Но ключ ей не показал.

– Что же было дальше? – спросила девушка.

– В конце концов, счастливо избегая владельцев и слуг, я набрел на маленькую комнатку. В ней ничего не было, кроме картины на стене... Представьте: совершенно пустая комната, голые стены – и одна-единственная картина.

Взгляд Ковальского затуманился. Полина поняла, что мыслями он там, в комнатке замка.

– А что было на картине? – спросила она.

Но Анжей, кажется, не услышал ее.

Шесть месяцев назад

В замке было пусто и гулко. Крошечные окошки-бойницы. Дурацкие фигуры рыцарей в доспехах. Грязь на полу. И толпы бродящих туристов, глазеющих на размалеванные потолки...

Ковальский сердился. И на себя, за то, что согласился на эту изматывающую поездку. И на Василия, проявившего неожиданный интерес к архитектурным памятникам. И на хозяина замка, который не удосужился за много лет привести свои владения в порядок. Пыль на подоконниках,

запущенный сад... Анжей не понимал, как можно не заботиться о собственном доме, даже если часть его отдана на откуп зевакам.

Он ходил в отдалении от остальной группы, недовольно поглядывая вокруг. На носках лакированных ботинок налипла мелкая сухая грязь, и это было особенно неприятно. Начищенные ботинки были фетишем Ковальского. Он бы давно уехал, благо машина стояла внизу, но пожалел Васеньку, слушавшего экскурсовода с открытым ртом.

Проход в другое крыло замка Анжей заметил лишь потому, что взгляд у него был привычный к потайным дверям. Двести туристов прошли мимо, не обращая внимания на узкую штору, зачем-то закрывавшую часть стены.

Ковальский задержался возле занавеса, заглянул за него, брезгливо отведя двумя пальцами тяжелую ткань. И обнаружил не просто дверь – а приоткрытую дверь.

Упустить такой шанс Анжей не мог. В следующую секунду он нырнул за штору, убедившись, что никто не заметит его исчезновения.

Как и предполагал, он оказался в жилой части замка. Здесь все было иначе. Много добротной мебели, которая выглядела вполне современной. Широкие полки вдоль стен, заставленные папками. Ковальскому пришло на ум, что хозяин – юрист и хранит все документы, с которыми когда-то имел дело.

Из глубины коридора донеслись сердитые мужские голоса. Они приближались. Ковальский обернулся и обнаружил, что довольно далеко удалился от тайного прохода. Вернуться он не успел бы, а встречаться с хозяевами ему не хотелось. Проникновение на чужую частную территорию... Придется притворяться тупым туристом! Нет, рано. Он еще не удовлетворил свое любопытство.

Анжей приоткрыл ближнюю дверь и, убедившись, что за ней никого нет, быстро шагнул внутрь. Дверь сама затворилась за ним.

Вокруг была пустая комната с маленьким окном, закрытым такой частой решеткой, что в него не смогла бы протиснуться и кошка. Каменные стены, каменный пол... Единственно яркое пятно – картина справа. Подойдя ближе, Ковальский понял, что перед ним гобелен: лес, дом, возле дома – цветы. Что-то необычное было в гобелене, но Анжей не имел времени, чтобы разобраться с этим. К тому же он увидел ключ.

Ключ висел под картиной, на одном из трех крючков. Два других не заняты. При первом же взгляде на него Ковальский понял, что эта вещь должна принадлежать ему.

Он был длинный, совсем простой: всего два зубчика на конце тонкого стержня. В головке – отверстие с неровными краями. Из отверстия свисали

обрывки ветхого шнура. Сперва Анжей решил, что ключ бронзовый, но потом что-то заставило его усомниться в этом.

Цвет – зеленоватый с прожилками, как поверхность замшелого камня. Головка неярко блестела, как если бы им часто пользовались или чем-то натирали. Ковальский даже дотронулся до него, проверяя, нет ли масляной пленки на поверхности.

И окончательно пропал. Никакая драгоценность в мире теперь не смогла бы отвратить его от этого ключа. Он знал, что должен унести его с собой.

Но Доктор не собирался становиться вором. Он еще раз с сожалением дотронулся до своей неожиданной находки, вышел из комнаты и отправился на поиски хозяина.

Старый венгр с густыми бровями не сразу понял, чего хочет от него бестолковый турист. Но стоило ему услышать переведенное на венгерский слово «ключ», как старик взвился, словно укушенный. Он не слушал ни объяснений Анжея, ни заманчивых предложений. Один раз Ковальскому все же удалось пробиться сквозь поток гневных восклицаний.

– Вы что-то открываете этим ключом?

На этот раз венгр отлично понял, о чем речь. И разъярился еще сильнее.

– Нет! – рявкнул он. – Ничего не открываем! Убирайтесь к дьяволу!

Один взмах руки – и Ковальского выставили вон.

– Хозяин ничего не продает, – напоследок сказал ему на ломаном английском охранник. – Идите в лавку.

Последнее предложение еще сильнее оскорбило Анжея. «Лавкой» назывался лоток перед входом, где продавались открытки, брелоки и прочая туристическая мелочь.

Кипящий от злости Анжей нашел Василия и обрисовал ему ситуацию. К счастью, Васе не требовалось объяснять, как важен для хозяина этот ключ.

– Если утащить, то непременно вспомнят про меня, – раздраженно закончил Ковальский. – Могут возникнуть проблемы. Нужно как-то хитрее...

Водитель поразмыслил немного, затем спросил:

– Нарисовать его сможете?

Лицо Ковальского просветлело.

Он изобразил по памяти ключ, а Василий нашел мастера, которому вручил эскиз. Повторить простую форму ключа оказалось нетрудно. Сложнее было с цветом... Но и тут мастер справился.

Через шесть дней Анжей держал в руках железяку, очень похожую на ключ из замка. Правда, железяка была мертвая, а ключ живой... Но Ковальский знал, что никто, кроме него, не заметит разницы.

Совесть его была почти чиста. Венгр не пользуется ключом, раз сказал, что они ничего им не отпирают. Сам по себе ключ тоже не представляет ценности: он не золотой, без вставок из драгоценных камней.

На следующий день Ковальский отправился на вторую экскурсию в замок Кошута.

Но на этот раз его ждала неприятная неожиданность. Дверца за шторой, через которую он проник в жилую часть замка в первый раз, по-прежнему была открыта. По недосмотру ли, по безразличию – Ковальский не задумывался. Но зато вторая, та, что вела в комнатку с гобеленом, оказалась заперта.

Анжей чуть не пнул ее с досады ногой. Остановило его лишь то, что шум привлек бы внимание. Злой, как черт, он вернулся к Василию, ожидавшему в галерее замка.

– Ничего не вышло.

– Почему?

– Они закрыли дверь!

На Ковальского нахлынула ярость. Им пришлось потерять целую неделю в этой глуши! И все ради чего? Чтобы он, Анжей Ковальский, потоптался возле запертой двери!

Доктор выхватил подделку и быстро подошел к окну, собираясь швырнуть ее в сад. Но его занесенную руку перехватил Василий.

– Дайте мне, – попросил он.

Забрал ключ у опешившего Анжея, шепнул: «Я быстро». И исчез.

Ковальский остался ждать. Десять минут, пятнадцать... Две туристических группы успели пройти мимо. Экскурсовод, лопотавший по-английски, бросил на Ковальского заинтересованный взгляд.

Анжей начал беспокоиться. Если Василия схватили, то у них обоих могут быть серьезные неприятности. Ковальский уже был готов отправиться искать помощника, но тут штора зашевелилась. Из-за нее показался Василий.

– Скорее, – сказал он, увлекая Ковальского за собой. – К машине.

– Что случилось? Тебя заметили? Где ключ?

– Не заметили. Ключ у меня. По дороге объясню.

Они пошли к выходу из галереи замка. До небольшой двери, возле которой скучал охранник, оставалось не больше десяти шагов, когда в замке вдруг взвыла сирена.

Люди стали останавливаться. Ковальский заторопился, но на плечо ему легла тяжелая ладонь Василия.

– Стойте на месте и сделайте растерянное лицо, – тихо приказал он.

Анжей подчинился. В подобных ситуациях он беспрекословно слушался водителя. Не было случая, чтобы его распоряжения себя не оправдали.

Впрочем, Вася давно уже был не только водителем.

– Если пойдете к выходу, вас там и задержат, – негромко говорил Василий, крутя по сторонам головой и притворяясь встревоженным.

– А так нас задержат здесь!

– Не задержат. Сигнализация сработала не из-за ключа.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Но лишние сложности ни к чему. Поэтому не будем выделяться из толпы. Сейчас все выключат.

И в тот же момент звук стих.

– Я же говорил. А вот теперь пошли! Быстрее!

Они смешались с туристами и прошли мимо охранника.

– Еще быстрее! Сюда, за кусты.

На улице вслед им оборачивались: Вася привлекал к себе внимание.

– Хоть пригнись, что ли... – проворчал на бегу Анжей. – Верста коломенская!

– Поздно пригибаться, – огрызнулся водитель. – У них внутри камеры. Ваш интеллигентный фейс давно записан, как и моя рожа.

Анжей встал от неожиданности.

– Камеры? Где?

– Сверху, по периметру. Да не стойте вы! Охрана не мониторит их постоянно, иначе вас загребли бы еще в первый раз.

– Тогда зачем они нужны?

– Пес их знает! – Василий свернул на стоянку, достал ключи от машины, и та отозвалась неподалеку радостным писком. – Направо!

– Может, обманка?

– Вряд ли. – Водитель распахнул дверь перед Анжеем. – Скорее всего, охрана просматривает записи, если случается чэпэ.

Перед тем как сесть в машину, Ковальский бросил последний взгляд на замок. Серый, замшелый, безобразный... Только туристы в разноцветных куртках, толпившиеся у ворот, оживляли картину.

– Зачем хозяину потребовалась охрана? – подумал вслух Анжей. – Неужели там есть что-то действительно ценное?

– Тоже подумал, – коротко отозвался водитель, выруливая со стоянки. –

Если ценное, почему так легко прошли внутрь? Если нет, зачем охранники в жилом крыле? Кстати, вы уверены, что это были именно они? Может, дети владельца? Служащие?

– Да нет, не похожи на детей, – задумчиво сказал Ковальский. – Вышколенные, нерассуждающие... Старик дал команду – они на меня бросились, как овчарки. Подожди! – спохватился он. – Ключ-то где, ключ?!

Вася позволил себе улыбнуться. Замок остался позади, и он немного расслабился.

– Все ждал, когда вы спросите. Вот он.

Из нагрудного кармана кожаной куртки водитель вытащил ключ и протянул Анжею. Ковальский жадно схватил его. На Василия он полагался, как на самого себя, но его до последней секунды мучил страх, что он увидит ту же подделку, изготовленную для него расторопным мастером.

Ключ безмолвно запел в его пальцах.

– Тот самый! – восхищенно выдохнул Анжей. – Ну, Вася! Ну, герой! Наградить тебя мало!

– Главное, чтобы не посмертно, – буркнул тот, следя за дорогой. – Ну и что, стоила эта штуковина таких трудов?

Анжей рассмеялся. Стоила ли? В эту секунду он от всей души жалел, что Василию не дано услышать то, что слышит он. Вася разделил бы его восторг.

Никогда прежде Ковальскому не доводилось слышать такого пения. Были звонкие, как флейта, ключи, были переливчатые, журчавшие подобно свирели, были осиплые, как английский рожок... Их голоса то удалялись, то приближались. Иногда затихали совсем.

Но ключ, который Ковальский в эту минуту сжимал в руке, пел по-другому. Он издавал ровный, сильный вибрирующий звук, напоминавший волынку. Анжей непроизвольно прижал пальцы к виску, пытаясь приглушить его.

Голос этого ключа нельзя было назвать красивым. В нем не было ничего от нежной мелодичности других ключей, что попадали в руки Ковальского. Но он рождал ощущение невероятной мощи и силы, словно идущей из земли.

Анжей почти с опаской положил добычу на приборную панель. Звук смолк не сразу: несколько секунд эхо его отдавалось у Ковальского в голове. Такого Анжей прежде не встречал: он всегда переставал слышать голоса ключей, стоило ему выпустить их из рук.

Он даже спросил Василия:

– Ты слышишь?

– Что?

– Не знаю... Волынку?

– Опять у вас звуковые галлюцинации?

Анжей только усмехнулся в ответ.

– Ладно, нет так нет. Расскажи теперь, как ты его достал.

Василий, как и Ковальский, легко проник во второе крыло замка и уперся в закрытую дверь. Но, в отличие от Доктора, для водителя это не являлось серьезным препятствием.

– Замок там ерундовый, цилиндровый. Скважина таких размеров, что таракан пролезет.

– Неужели вскрыл отмычкой?

– Откуда у меня отмычка? – фыркнул Василий. – Отвертка и булавка, вот и все наши приспособления.

Но когда водитель попал в комнатку, за дверью раздались голоса. Он затаился внутри, надеясь, что на открытый замок не обратят внимания. Сидеть ему пришлось не меньше десяти минут, и больше всего он боялся, что Ковальский отправится на его поиски.

Василий подменил ключ и успел придумать легенду: якобы он турист, решивший взглянуть на тканую картину.

– Так себе версия, – заметил Ковальский.

– Лучше, чем ничего. Вы, может, ничего не заметили, а у меня было время осмотреться. И вышивку на стене я пощупал.

– Гобелен, а не вышивку, – поправил Анжей. – И что?

– На нем с обратной стороны число: тысяча семьсот сорок три. И рядом несколько слов. Я одно разобрал: «Фламандия».

– Значит, бельгийская работа... – протянул Ковальский. – Любопытно, любопытно. Эти гобелены высоко ценятся. А если и впрямь середина восемнадцатого века... Но в таком случае он отлично сохранился!

– Короче, я решил: если что, прикроюсь гобеленом. Не в прямом смысле, вы понимаете.

Но прикрываться гобеленом Василию не понадобилось: когда голоса стихли, он беспрепятственно покинул укрытие и ушел, предварительно закрыв замок.

– Так что ничего сложного не было, – закончил водитель. – Получите, распишитесь. Я вот сейчас подумал: может, у них не одна такая тряпочка в замке? А несколько попрытаны по разным углам? Тогда понятно, откуда охрана. И можно объяснить, почему поднялась тревога. Сбой в системе сигнализации.

– Или и впрямь кто-то покусился на гобелены.

Когда они вернулись в отель, Ковальский первым делом открыл компьютер и подключился к неторопливому гостиничному интернету. Проголодавшийся Вася заказал в номер еду. Десять минут спустя перед ним уже стояла яичница из восьми яиц, едва уместившаяся на тарелке.

– Ну наконец-то! – воскликнул Анжей, когда интернет начал загружаться. – Так, что тут у нас?

Догадка Василя подтвердилась: хозяин замка увлекался бельгийскими гобеленами и вышивкой.

– Ты прав: здесь пишут, что у Кошута собрана неплохая коллекция, – сообщил Анжей и вышел из-за стола. – Вот все и объяснилось.

Ковальский снова достал ключ, положил на раскрытую ладонь, любуясь им.

– Но на будущее я настаиваю на том, чтобы обходиться без уголовщины! – строго сказал он Василию. – Попрошу без этих твоих штук со взломами.

Бедный водитель аж поперхнулся яичницей.

– Так я оказался обладателем еще одного старинного ключа, – закончил Анжей рассказ. – Но, клянусь, после этого случая я ни разу не позволял себе нарушить закон.

– Держались целых полгода, – понимающе кивнула Полина, вспомнив слова Ковальского о том, как давно у него появился ключ.

– Да вы язва, – рассмеялся тот. – Но, клянусь, ключ того стоил!

– А можно на него посмотреть? – с любопытством спросила девушка.

Ковальский оценивающе взглянул на нее.

– Что ж, почему бы и нет? Я, правда, храню его отдельно... Даже не знаю почему.

Доктор поднялся, подошел к стене и принялся снимать ключи, один за другим. Он откладывал их на столик, разговаривая сам с собой:

– Очень интересно, кому он достанется... Не может быть, чтобы такая прекрасная вещь бездействовала! Я уверен, что рано или поздно его хозяин отыщется. Не хотелось бы разменивать мой чудесный ключ по мелочам. Он должен помочь решить чью-нибудь глобальную, масштабную проблему, вопрос жизни и смерти...

Полина наблюдала за тем, как расчищается стена. И почти не удивилась, увидев на обоях тонкую линию: прямоугольник размером с книгу. Потайной шкаф!

– Ответьте на простой вопрос, – предложил Анжей. – Каким ключом можно открыть этот сейф?

Полина недоверчиво рассмеялась. Каким ключом? Разве можно

выбрать один ключ из сотни, что находятся в этой комнате?

– Думайте, думайте! – настаивал Ковальский. – Я уверен, вы можете справиться с этой загадкой.

Полина вскочила и подошла поближе. Вот она – линия дверцы, замаскированной в стене. А вот и замочная скважина. Но под эту скважину может подойти почти любой из ключей, кроме самых крошечных.

На всякий случай девушка взяла со стола первый попавшийся ключ и приложила к отверстию. Как и следовало ожидать, он не подошел.

«Думай, думай... Каким ключом можно открыть сейф, находящийся в комнате, где хранятся сотни ключей?»

Ответ пришел сам.

«Никаким».

– Он открывается без ключа!

Ковальский трижды хлопнул в ладоши.

– Умница! Может, будут варианты, как именно?

«Никаких клавиш с цифрами нет, значит, код отпадает... Ни код, ни ключ...»

– Замок реагирует на звук голоса? – предположила она.

– Проще!

– На стук?

– Еще проще!

Полина нахмурилась. Еще проще?

Ковальский стоял, опираясь ладонью о стену, и вдруг ее осенило.

– На нажатие?

Анжей удовлетворенно улыбнулся.

– Я угадала?

Вместо ответа он положил ладонь на стену и дважды нажал. Дверца бесшумно распахнулась, открыв небольшое углубление с двумя полками.

– Детский секрет, – сказал Анжей. – Мне не от кого прятать ключи в этой комнате. Да и зачем? Кому они могут понадобиться, кроме меня?

Он достал с верхней полки зеленоватый ключ и протянул Полине.

– Пожалуйста! Вот он, моя гордость.

Ключ оказался большим и увесистым. Держа его в ладони, девушка прислушалась к своим ощущениям. Но ничего не услышала. Просто тяжелый ключ, гладкий и прохладный.

– У меня нет под него крючка, – сказал Анжей, забирая у нее свое сокровище. – Пока не подберу ему подходящее место в своей коллекции, пусть полежит здесь.

Дверца сейфа закрылась.

– О чем-нибудь еще хотите меня спросить? Пока у вас есть такая возможность.

– Не о ключах. Можно?

– Попробуйте.

Он сел и сцепил руки на коленях.

– У вас шрам, – произнесла Полина, чуть покраснев. – На ладони.

Анжей поднял правую руку:

– Этот?

– Да. Откуда он? Извините, если это неуместный вопрос...

– Нет-нет, ничего страшного. Это не очень долгая история. Мне будет даже приятно рассказать ее вам. Начать нужно с того, что много лет назад я оказался на Балканах. Только не спрашивайте меня, как это случилось. Мои глупость и неосторожность завели меня слишком далеко.

В Косово я был захвачен в заложники. Без сомнения, погиб бы, но отряд боевиков, тащивший меня в горы, наткнулся на колонну Французского Иностранного Легиона. Завязался бой. Один из бандитов, понимая, что сражение проиграно, поднял пистолет и нацелил мне в висок. Я видел его лицо куда ближе, чем вижу ваше. Каждый волосок в его бороде! Черные пятна на его лице – следы тяжелой болезни. Жуткий гноящийся нарыв на щеке. Я подумал, что это нелепо: меня убьет больной человек, сам стоящий в шаге от смерти. В тот момент почему-то казалось, что это чудовищная несправедливость!

Он не успел выстрелить: его самого изрешетило пулями. Я лежал за камнем и видел человека, стрелявшего в моего несостоявшегося убийцу. Добежав до меня, он перекатился за камень и что-то закричал мне в лицо. Но я его не понимал. Тогда он встряхнул меня, буквально одним движением поставил на ноги и заставил бежать к лесу, прикрывая собой. Один раз он споткнулся. Но не упал, а продолжал бежать. Только увидев кровь на его пальцах, я понял, отчего он пошатнулся.

Этот парень вывел меня в безопасное место. И пропал, не посмотрев в мою сторону. Чуть позже, когда все закончилось, я видел его на носилках: он был без сознания, и мне даже не удалось узнать, как его зовут. Впрочем, в Легионе почти у всех выдуманные имена...

Ковальский замолчал и потер переносицу.

– Полтора года спустя меня занесло в Марсель, по делам, – сказал он наконец. – Я был в компании провожатого, который таскал меня по самым значным местам города. И в одной портовой дыре – вернее было бы назвать ее клоакой – я увидел его. Он валялся на полу, то ли пьяный, то ли обкуренный, и выглядел как человек, которому осталась пара дней до

смерти. Что самое плохое – его это не волновало.

Он, конечно, меня не узнал. Он тогда вообще никого не узнавал и вряд ли назвал бы свое собственное имя. Я привез его к себе, вызвал частного врача, которому можно было доверять. Доктор сказал, что, помимо всего прочего, у пациента сломаны ребра, как будто его долго и старательно били. И еще он был до крайности истощен: настоящий скелет.

Прогнозы были неутешительные... Но мне удалось поставить его на ноги. Скажу без ложной скромности, что я ухаживал за своим спасителем, как сиделка за младенцем. Конечно, у него была и настоящая сиделка... Но я льщу себя надеждой, что именно мои заботы помогли ему поправиться.

– Помогли? Да вы его спасли!

– Я отдал лишь часть своего долга, – возразил Анжей. – Солдат, спасший меня, рисковал своей жизнью. Я не рисковал ничем.

– Но откуда шрам?

– Когда он был на полпути к выздоровлению, случилось вот что: рано утром, проснувшись, он не узнал меня. Точнее, принял за кого-то другого. До сих пор не знаю, за кого именно. Но этот человек явно сделал моему подопечному много зла, потому что он бросился к окну, разбил его одним ударом, подхватил самый большой осколок и метнул мне в лицо.

Полина ахнула.

– В вас никогда не метали куски стекла? – поинтересовался Анжей. – Очень странное ощущение, должен вам сказать. Как будто летит спрессованный воздух. Я успел закрыться рукой, но навыки солдата Французского Легиона существенно превосходят навыки скромного доктора: осколок рассек мне ладонь.

– Как же вы спаслись от этого сумасшедшего? – ужаснулась Полина.

– Мне не пришлось от него спасаться. При виде крови он пришел в себя. Оказал мне первую помощь с профессиональной ловкостью, после чего нам пришлось прибегнуть к услугам того же врача, который помогал лечить моего солдата. Врач опасался повторения страшного припадка и предупредил меня, чтобы я был осторожен. Но больше припадков не случалось. На память о том единственном случае у меня остался этот шрам.

Анжей потер ладонь.

– Отчасти я даже горжусь им, как это ни смешно. Он позволяет мне думать, что я тоже пострадал, пытаюсь отплатить добром за добро. Что ж, я ответил на ваш вопрос?

– Да. Спасибо.

Ковальский встал, быстро развесил ключи по местам и сунул трость

под мышку.

– Тогда пойдёмте. Я показал вам все, что хотел.

Они выбрались через тот же узкий коридор.

Картина с обратной стороны выглядела как обычная металлическая дверь с ручкой. Сбоку на панели – черная кнопка.

Ковальский нажал ее. Несколько секунд ничего не происходило, но затем внутри что-то тихо щелкнуло. Анжей толкнул дверь, и в щель показался знакомый краешек бордового ковра.

– Все, вы на свободе, – сказал хозяин, помогая Полине перешагнуть через высокий порог. – Я показал вам ключи, потому что невозможно было бы вам оставаться у меня и не понимать, чем я занимаюсь. Рано или поздно вас одолело бы любопытство, вы принялись бы строить догадки и рыскать по дому в поисках ответов.

– Я ни за что... – начала Полина.

– Не спорьте. Сейчас вы думаете, что «ни за что», но, поверьте, мой опыт подсказывает иное. Мне проще самому дать ответ, чем подвергать вас искушению. Тем более, что я не храню в потайных комнатах тела зарезанных жен, подобно Синей Бороде.

Полина от всей души надеялась, что ей удалось не покраснеть.

– Через два дня приезжают клиенты. Вам неизбежно придется стать свидетелем моей работы. Лучше, если вам будет понятно происходящее.

– Спасибо за оказанное доверие, – неловко пробормотала Полина.

И тут вспомнила, с чего начался их разговор.

– Простите, Анжей... Но вы так и не сказали ничего про комнаты, которые... менялись.

– Ах да, верно! Видите ли, дорогая, ко мне за помощью приходят люди самого разного склада. Но большинство из них объединяет способность поверить в чудо. Выйти из тупика с помощью старого ключика – что это, как не чудо? Вы согласны?

Полина кивнула.

– Но иногда этой вере нужно дать толчок. Произвести на клиента впечатление, соответствующее его ожиданиям. Для моих пациентов очень важен антураж, декорация. Если бы я принимал их в строгом офисе, половина ключей не работала бы. Потому что в них бы не верили. И вот я создаю особую обстановку, которая впечатляет их, ошеломляет. Ведь вас тоже поразила та комната с ретортами, правда?

– Да. Она удивительная.

– Вот именно! Она удивляет. Лишает критического восприятия. Ах, это критическое восприятие! Оно мешает человеку помочь самому себе.

Большинство взрослых людей в глубине души дети. Они хотят сказки. Я прибавляю это плацебо к действующему лекарству и тем самым усиливаю его воздействие.

– То есть это... театр?

– Можно сказать и так. Сцена одного актера. Никакой фальши, все предметы тщательно подобраны. У меня бывает много клиентов, и требуется быстро менять декорации. Вы попали на такую смену. Обычный рабочий процесс. Ну что же, теперь вы удовлетворены объяснением?

– Да.

Но Полина не была уверена, что она правильно поняла идеи Анжей. Получается, он обманывает своих пациентов? Кем он притворяется в той комнате, похожей на убежище алхимика?

– Тогда вернемся к клиентам, – продолжал Анжей. – Их будет трое. Я хотел бы, чтобы их пребывание в моем доме было комфортным.

Девушка собралась и выкинула из головы мысли о меняющихся комнатах. Это ее не касается. Все, началась работа.

– Какие-нибудь указания? Их привычки, предпочтения?

– Чуть позже. Сейчас у меня дела. Будут двое мужчин и одна женщина, приготовьте им всем гостевые комнаты на втором этаже. Вам все понятно?

– Да, – кивнула Полина.

– Тогда ступайте. И помните, пожалуйста, что не стоит ни с кем обсуждать то, что вы видели. Особых секретов из своей деятельности я не делаю. Это было бы глупо, учитывая, сколько у меня клиентов. Но они не расположены к лишней болтовне. Меньше всего мне хотелось бы стать объектом интереса желтой прессы. Вы меня поняли, Полина?

– Да, Анжей.

– Хорошо...

Ковальский отвернулся, сделал несколько шагов, тяжело ступая. И снова остановился. Посмотрел через плечо на экономку.

Полина, собиравшаяся удалиться, застыла. Что-то еще?

Но Ковальский почему-то молчал. Он стоял в странной, неудобной позе, полуобернувшись назад. Тонкие черные брови сошлись вместе. Казалось, он что-то вспомнил, но не решался произнести вслух.

– Анжей Михайлович? – осторожно позвала Полина. – Вы хотите дать мне дополнительные указания?

– Нет. То есть да.

Ковальский взглянул на портрет старика, словно советуясь с ним. Девушка тоже перевела взгляд на истощенное злое лицо с горящими глазами. Ей много раз хотелось спросить, имеет ли старец отношение к

самому Анжею. Но сейчас был один из самых неподходящих моментов для любопытства.

«Так нет или да?»

Но она молчала. Ковальский явно пытался принять какое-то решение.

Наконец он повернулся, опираясь двумя руками на трость.

– Я сказал вам, что гостей будет трое... – начал Доктор. – Но сейчас передумал. Их будет пятеро.

– Хорошо, – с готовностью согласилась Полина. – Еще двое клиентов?

– Не совсем... – Анжей поморщился. – Они... Впрочем, не имеет значения. Пять комнат, а не три. Определенно, пять.

Глава 5

Гости начали собираться в воскресенье. В восемь утра Полина выскочила из дома, мимоходом потрепала драконью башку, которую звала Гошей, и добежала до ближней липы.

Вот оно! Дождались! Наконец-то из почек проклюнулись светло-зеленые морщинистые листочки. Липы перестали быть похожи на суровых вдов, взирающих с осуждением на бурное веселье у них под ногами, и присоединились к всеобщему торжеству.

«Интересно, а в городе на липах тоже распустились листья?» – подумала Полина. И внезапно сообразила, что она не приезжала в Москву с того дня, как устроилась экономкой к доктору Ковальскому. Нет, все-таки появлялась пару раз по делам. Но тут же торопилась уехать. Два выходных дня она потратила на то, чтобы обустроить как следует свою комнатку. Ей и в голову не пришло, что можно отправиться в Москву, встретиться с кем-нибудь, сходить в кино... Да и с кем? С бывшими однокурсницами, старыми подругами? После того, что случилось полгода назад, они избегали встреч с ней.

«Неудивительно, – подумала Полина. – Я тогда все время пребывала в каком-то оцепении. Кто захочет видеться с человеком, у которого осмысленности во взгляде столько же, сколько у чучела бобра? Анжей не зря говорит, что люди не любят несчастных. Несчастье заразно. Не успеешь оглянуться – и ты тоже сидишь с кислой миной и думаешь, что жизнь не удалась».

«А Василий на это тогда ответил, что это вечный страх тусклых людей, – неожиданно напомнил внутренний голос. – Они опасаются, что вид чужого несчастья может отобрать у них ощущение довольства жизнью, нарушить их тщательно оберегаемый комфорт. Они не дают пролезть в свою душу ни жалости, ни состраданию. Тусклые люди закрывают глаза, чтобы не видеть калек. Им не приходит в голову, что калеке можно помочь».

Что на это ответил Анжей, Полина не помнила. Она случайно услышала обрывок их разговора, когда Ковальский с Василием играли в бильярд. Ее так удивило, что водитель разговаривает с хозяином на равных, что она прослушала возражения его собеседника.

Полина по-прежнему немного побаивалась водителя. Хотя такого страха, как прежде, Василий у нее уже не вызывал. Да, высоченный и

злобный, как голодный волк. Зато предан Доктору. И не обижает саму Полину, хотя, видит бог, возможностей у него для этого предостаточно.

Например, совместные поездки на рынок. Полина как-то обронила в разговоре с Ковальским, что панически боится большой скорости. Спихватилась, когда было уже поздно: водитель стоял в пяти шагах и смотрел на нее, ухмыляясь. Тут-то Полина и подумала с тоской, что завтра ее ждет веселая поездка.

Однако на следующий день Василий вел машину неторопливо, в повороты входил плавно, до ста пятидесяти не разгонялся, хотя мог – это она знала наверняка. И обратно ехали так же.

В обязанности водителя не входила помощь на рынке: только привезти-увезти экономку. Но не было случая, чтобы Полина тащила тяжелые пакеты. В магазин она заходила одна. Однако стоило ей расплатиться за покупки, как Василий появлялся из ниоткуда, подхватывал пакеты и шел к машине, ухитряясь еще и приоткрывать дверь перед ней.

Его можно было бы даже назвать галантным, если бы не высокомерная молчаливость. С Анжеем Василий разговаривал часто. С Полиной – никогда. Он по-прежнему терпеть ее не мог. И от этого его вежливость казалась оскорбительной.

Иногда ей хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы он, наконец, посмотрел на нее. Не косо брошенным взглядом, а уважительно. Хотя бы просто внимательно, без насмешки!

Однажды это и в самом деле произошло. Полина сидела на корточках возле клумбы и копошилась в земле, жмурясь от солнца и от удовольствия. Случайно подняла голову и обнаружила, что Василий стоит у двери и смотрит на нее. Взгляд его был странно сосредоточенным, словно он пытался понять что-то – и не мог.

Полина покраснела так, что даже шее стало жарко. И сбежала на задний двор, стесняясь самой себя.

Нет, пусть лучше не смотрит. Пусть ведет себя так, словно ее нет.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли о водителе, и направилась к оранжерее. Скоро будут гости. До их приезда нужно расставить в комнатах свежие цветы.

Армена она увидела издалека. Как большой черный жук, он перемещался за стеклом и, кажется, даже жужжал. Прислушавшись, Полина поняла, что садовник поет.

– Доброе утро, Армен! – крикнула она, войдя в оранжерею.

На нее нахлынуло влажное, благоуханное тепло. Воздух был напоен розами, обволакивал их ароматами, дурманил и чуть-чуть сводил с ума.

«Неудивительно, что Армен постоянно распевает во все горло».

Садовник издали стеснительно махнул ей рукой и спрятался за желтый куст «Мадам Брави».

– Анжей Михайлович разрешил мне нарвать роз для букетов! – крикнула Полина.

– Харащо, – с чудовищным акцентом отозвался садовник. – Я помогать могу!

Но Полина слишком хорошо помнила, как Армен размахивает руками. Не хватало еще, чтобы ткнул в нее садовыми ножницами.

– Спасибо, я справлюсь.

Полина надела перчатки, взяла с полки секатор и двинулась вдоль кустов.

Она уже знала, что чем меньше лепестков в цветке розы, тем быстрее она зацветет снова. «Пожалуй, вот эта белая, Салли Холмс, подойдет для начала».

В первую же неделю работы Полина выучила названия сортов, росших в оранжерее. Ковальский даже похвалил ее за хорошую память. Он не знал, что память у нее самая обычная. Но имя каждого цветка звучало музыкой: «Глория Деи», «Акварель», «Ботичелли», «Айсберг», «Янтарная Королева»...

Она купила книгу «Ваш розовый сад» и по вечерам читала, словно роман: о розах старинных, плетистых и штамбовых, о селекции, о садовниках, что выводили новые сорта. За день Полина так уставала, что засыпала над книжкой. Просыпалась – и первым делом подбегала к окну, чтобы взглянуть на оранжерею, сияющую в лучах утреннего солнца, словно гигантский ограненный алмаз.

У нее больше не оставалось времени на размышления. Жизнь была забита под завязку работой у Анжея Ковальского. Когда девушка входила в теплицу и склонялась над цветами, все случившееся с ней полгода назад отступало и таяло за стеклянными рамами.

Полина слышала много раз, что время лечит. Но ее лечило это место, как лечат людей стены родного любимого дома.

Срезав с дюжину цветков, Полина опустила их в ведро с водой. Подошла к соседнему кусту, внимательно оглядела. Эта роза – махровая, упоительно душистая «Дженерос Гарденер» – должна быть сорвана лишь тогда, когда раскроются почти все ее лепестки. Срежь ее в бутоне – и она поникнет уже к вечеру, не отдав и сотой части своей прелести. Но поставь в вазу во всей роскоши – и она будет стоять неделю, а то и больше, высоко вскинув кудрявую снежно-розовую головку и наполняя комнату

благоуханием.

Под конец Полина остановилась напротив розы Флорибунда с красивым названием «Эльф». Ветки были усыпаны острыми белыми бутонами. Они еще и не думали распускаться, но цветок уже изнемогал под их тяжестью.

– Многа роза! – подал голос Армен, издав далеко наблюдавший за Полиной. – Красивый роза, нежь-ний! Но слишкaм многа!

– Мы ей поможем, – пообещала девушка, решительно взявшись за секатор.

Через десять минут куст был прорежен, а срезанные побеги красовались в ведре. Бутоны по-прежнему крепко сжаты, но Полина уже знала, что она сделает: положит их на несколько часов в холодильник, в тот отсек, где хранятся свежие яблоки. Яблоки выделяют газ, от которого розы быстро раскрываются. Через два-три часа у нее будут чудесные распутившиеся цветы: белые, как сахар.

– Надеюсь, гостям понравится, – вслух подумала Полина, подхватывая ведро, и крикнула: – До встречи, Армен!

Первый гость появился ровно в полдень.

Длинный автомобиль, черный и блестящий, как лакированные ботинки Ковальского, неспешно подъехал к дому. В его боках отражались плывущие деревья. Когда автомобиль замер, в тонированном окне отразилась сама Полина.

Не дожидаясь, пока водитель откроет дверь, пассажир выбрался из машины.

Это был грузный мужчина лет пятидесяти, обрюзгший, но все еще красивый, с волнистыми седыми волосами. Нос – орлиный, с горбинкой. В очертаниях губ легкая брезгливость.

Светло-серый костюм помялся в дороге, узел роскошного серебристо-черного галстука съехал вниз. Мужчина застегнул пуговицу на пиджаке и легонько постучал в окно машины.

Стекло поехало вниз, а вместе с ним поехало и Полинино отражение. Владелец серого костюма приказал, не оборачиваясь:

– Выгружай вещи.

Полина не была физиономистом. Но ей с первого взгляда стало ясно, что перед ней человек влиятельный и властный.

«Если он окажется художником или актером, я съем пояс от своего платья!»

Гость снял солнечные очки и наконец-то взглянул на Полину.

– Здравствуй, здравствуй... – неспешно протянул он. – Вы – новая

экономка Анжея. Так?

Полина подтвердила, что именно так.

– Хм...

Полина не поняла, что значит это «хм». Но с прежней учтивостью предложила гостю пройти в дом и взглянуть на комнату.

– Потом, – отмахнулся мужчина. – Сначала...

Что «сначала», он не договорил. Дверь распахнулась, и на пороге появился Анжей Ковальский – как всегда, элегантный в своем бархатном пиджаке.

– Давид! – вскричал Ковальский.

– Анжей! – взревел гость и устремился навстречу хозяину, разведя руки.

Они сошлись и обнялись.

– Дорогой, как я тебе рад! – басовито зажурчал Давид. – Ты не представляешь, до чего устал. Сколько раз хотел все бросить – и к тебе.

– Так бросал бы!

– Ха! Скажешь! Тебе хорошо, ты у нас свободная птица! А я человек маленький, подневольный...

– Прибедняешься, – с удовольствием констатировал Анжей. Он отстранился и окинул гостя внимательным взглядом. – Дорогой, да ты похудел! Сколько не виделись... Три месяца? Четыре?

– Шутишь? С осени!

– Полгода, значит... Спортом занялся?

– Если бы. Ладно, об этом потом, я для того и приехал. Шофера отпускаю?

– Отпускай. С вещами Вася поможет.

За спиной Полины выросла тень.

– Василий, вы меня до заикания доведете, – тихо сказала Полина, не повернув головы.

– Надеюсь, – согласился водитель.

Подхватил выставленный на траву чемодан – и проследовал за Ковальским и его гостем.

Полина беспокоилась, что комната не очень понравится первому пациенту Доктора, но Давид остался доволен. Он огляделся и отметил:

– А у тебя стало уютнее!

Понюхал розы, одобрительно кивнул. Зачем-то выглянул в коридор. Провел рукой по новым шторам, потянул носом.

Ковальский наблюдал за ним с мягкой снисходительной усмешкой. Полина стояла у двери, ожидая распоряжений.

– Перекусить с дороги не хочешь? – спросил Анжей.

– Ты так говоришь, как будто я добирался пять суток на собаках! Спасибо, дорогой, дождусь обеда. В два?

– Как всегда.

Давид сел на стул, улыбнулся, и от этой улыбки вдруг помолодел на десять лет.

– Кое-что не меняется, – с удовлетворением сказал он и потянулся. – Обед в два, ужин в семь. Эх, Анжей, если б ты знал, как прекрасно, что есть на свете неизменные вещи.

Он неискусно скрыл зевок.

– Отдыхай, – рассмеялся Ковальский. – Если что-то потребуется, обращай к Полине.

Он вышел, пропустив вперед экономку. На пороге обернулся и сказал:

– Ты забыл еще кое-что неизменное.

Из коридора Полина не могла видеть лицо их гостя. Но ей почудилось, что голос его прозвучал напряженно, когда он спросил:

– Ты о чем?

– Полдник в пять, – улыбнулся Анжей и закрыл дверь.

Возле столовой он остановился и принялся.

– Что вы приготовили на обед?

– Как вы и просили, для вашего друга суп с копченостями, – отчиталась Полина. – Горячее – грибы с жареной картошкой. Клара Ивановна сегодня целый день на кухне, сейчас занимается салатами. Да, торт к ужину я заказала. Со свежими ягодами, очень красивый.

Ковальский одобрительно кивнул:

– Превосходно! Давид любит хорошо поесть, но изысканные блюда не для него. Послушайте, я ведь собирался поговорить с вами о наших гостях. И забыл.

Он рассерженно щелкнул пальцами.

– Моя мать всегда носила при себе крошечный блокнотик, который называла «склерозничек». Пора завести такой же. У меня начисто вылетело из головы, что вы не знаете никого из тех, кто сегодня приедет.

– Они у вас уже не первый раз?

– Двое – мои постоянные клиенты. Один придет по рекомендации, а еще двоих...

Ковальский замолчал и нахмурился. Полине вспомнилось, как они стояли вдвоем перед портретом старика, выйдя из потайной комнаты. На лице Анжея было точно такое же выражение мрачной решимости. Тогда он сказал, что вместо троих гостей они ожидают пятерых. Кто же эти двое,

при мысли о которых Ковальский теряет душевное равновесие?

– Вот что, – твердо сказал хозяин, не закончив фразу, – вас проинструктирует Василий. Я буду занят до вечера, а он отлично осведомлен обо всем, что касается привычек двоих гостей. О третьем он тоже собирал сведения, так что вы все узнаете от него.

И торопливо удалился, постукивая ненужной тростью.

А Полина отправилась за Василием, пытаясь представить, на что будут похожи его «инструкции».

Водитель в гараже ковырялся под капотом своей желтой машины. На лбу его чернела полоса – похоже, он вытирал пот испачканной рукой. Остро пахло бензином, а от тряпок, в изобилии валявшихся вокруг, исходил какой-то копченый масляный запах.

Полина бочком протиснулась в гараж и дважды кашлянула.

– Анжей попросил меня... – начала она.

– Знаю, он мне звонил, – перебил водитель и выпрямился. – Садитесь и запоминайте. А лучше записывайте.

Он указал на колченогую табуретку в стороне. Полина послушно села и достала блокнот.

Василий захлопнул капот, вытер тыльной стороной ладони лоб, отчего полоса только размазалась. Теперь он стал похож на боевика в засаде. Вытер руки и, не глядя, бросил скомканную тряпку через плечо. Тряпка свалилась в коробку. Полина с завистью подумала, что у нее бы так не получилось попасть даже специально.

– Давид Романович Далиани, – без предисловия сказал Василий. – Предприниматель. Занимается никелем. Пятьдесят два года. Старый приятель Анжея. Женат, есть сын и три дочери.

– Сын старший? – зачем-то встряла Полина.

Василий посмотрел на нее с удивлением.

– Младший, – после паузы произнес он. – Любит простую еду, терпеть не может морепродукты.

– Сын?

– Отец! По утрам встает рано, отправляется на пробежку в лес. К его возвращению должен быть готов свежавыжатый морковный сок. Обычно прибегает к семи.

Полина тихонько вздохнула. Значит, теперь придется подниматься еще раньше. От этих спортивных мужчин, следящих за здоровьем, только вред окружающим. Лучше бы Давид Романович был сибаритом, нежился в постели до одиннадцати и любил выпить с утра чашечку кофе. Приготовить кофе в одиннадцать куда проще, чем морковный сок в семь.

– Давид наверняка будет вас спрашивать, – продолжал Василий. – Он всегда проявляет интерес к людям. Может разговорить любого, поэтому осторожнее с ним.

– Он же друг, – удивилась Полина.

– Я сказал не «друг», а «приятель». Разницу улавливаете?

Полина смутилась. Действительно, сморозила глупость. Кем бы ни был уважаемый Давид Романович, она обязана хранить тайны, которые доверил ей Ковальский.

– Что еще? – пробормотала она, делая вид, что пишет в блокноте.

– Про Далиани все. Записывайте дальше: Ирма Ахметова.

– Отчество?

– Не помню... Кажется, Сергеевна. К ней можно обращаться по имени, она славная тетка.

Полина выронила блокнот. Что?! Василий, который терпеть не может женщин и, кажется, весь род человеческий в целом, назвал неизвестную ей Ирму славной теткой?!

Она подняла блокнот и подозрительно спросила:

– Ей восемьдесят лет?

– С чего бы это? Ей около сорока. Она художница. Вегетарианка, кстати.

Час от часу не легче. Полина не продумывала вегетарианское меню. Как же Доктор забыл предупредить ее? Хороша бы она была, подав гостю на ужин свиную отбивную.

Мысленно девушка перебрала запасы и пришла к выводу, что свежих овощей и зелени хватит на один день полноценного четырехразового питания. А если у вегетарианки хороший аппетит?! Тогда на полдню. А что потом? Перейдет на розы?

– Хоть рыбу-то она ест, эта художница? – с отчаянием спросила Полина.

– Она ест все, кроме мяса.

Что ж, рыбы у них хватает. Нужно немедленно сказать Кларе Ивановне, чтобы разморозила форель.

– Кто третий? – с опаской поинтересовалась Полина. Пусть хотя бы этот окажется нормальным человеком: обжорой и курильщиком, противником здорового образа жизни.

– Третий – Воловик.

– Зачем мне его профессия! Как его зовут?

– Зовут его Воловик, – отдельно произнес Василий. – Фамилия – Воловик, а зовут Тарас. Он юрист крупной автомобильной компании. Такой

крупной, что в нашей стране крупнее уже некуда.

«Тарас Воловик», – вывела Полина в блокноте.

– А отчество?

– Иммануилович.

Полина начала сердиться.

– Послушайте, мне не до шуток. Этот Воловик приедет в ближайшие два часа, и я понятия не имею, что для него готовить. А вы тянете время!

– Это вы тянете время, – флегматично отозвался Василий. – Нашего третьего гостя зовут Тарас Иммануилович Воловик. С двумя «эм» и одной «эн». Папа у него был Иммануил, понимаете?

– И назвал сына Тарасом?!

– А вы бы предпочли, чтобы он назвал его Иммануилом, в свою честь?

Полина представила, как она по утрам встречает гостя со словами: «Здравствуйте, Иммануил Иммануилович!» И решила, что Тарас – отличное имя.

– Хорошо. Что у Тараса Иммануиловича с пищевыми пристрастиями?

– Известных мне нет. Говорят, он гурман, но что предпочитает, я не смог выяснить.

«Значит, это тот самый клиент, который приедет по рекомендации», – сообразила Полина, вспомнив слова Ковальского.

– Еще что-нибудь о нем?

– Ничего.

– Тогда переходим к следующим двум...

Полина перелистнула страничку и приготовилась записывать.

– Не переходим, – отрывисто сказал Василий.

Девушка подняла на него удивленные глаза.

– Почему?

– Потому что я ничего о них не знаю.

– Хоть имена...

– Ничего. Ни имен, ни фамилий. Все вопросы – к Анжею Михайловичу. Он их пригласил.

«Ах, вот оно что! – подумала Полина. – Тебя задело то, что Анжей не посоветовался с тобой. Ты точно так же, как и я, не знаешь, кого ожидать».

Она повеселела: наконец-то с водителя хоть немного сбили спесь. Наконец-то они на равных! Пусть даже это равенство в неосведомленности.

Девушка захлопнула блокнот и поднялась. Мысленно она уже прикидывала, какой гарнир приготовить к рыбе.

Из задумчивости ее вывел вопрос водителя.

– Так я могу вернуться к работе?

Снова эта изысканная, издевательски вежливая интонация! Того гляди прибавит «мэм» и приподнимет несуществующую шляпу.

В том, что Василий спрашивает ее разрешения там, где оно не требуется, было что-то, выводившее Полину из равновесия.

– Возвращайтесь, – разрешила она подчеркнуто великодушно.

И еще рукой махнула: мол, не препятствую. Работайте, негры, солнце еще высоко.

Василий тут же засвистел себе под нос и отвернулся к машине.

Полина, нахмурившись, смотрела ему в спину. В уме у нее зрел вопрос.

– Василий, а у вас есть ключ? – вдруг спросила она.

Водитель нехотя повернулся к ней.

– Какой еще ключ?

– Один из тех, которые выдает Анжей. Если у кого-то большие проблемы.

Василий неприятно осклабился.

– Я похож на человека, у которого есть большие проблемы?

В низком гараже он внезапно показался Полине еще выше ростом, чем обычно. В ней ожили воспоминания о том, как она боялась его в первые дни. Девушка сглотнула и отступила назад. Похоже, она не на шутку рассердила его своим вопросом.

– Так похож или нет? – с опасной вкрадчивостью спросил Василий и шагнул к ней. Глаза блеснули болотной зеленью.

И Полина спасовала.

– Все нет! – воскликнула она, почти не лукавя. В эту секунду она действительно не думала, что у водителя большие проблемы. Он сам был одной большой проблемой. – Я просто так спросила! Из любопытства. Это чудесно, что у вас нет больших проблем! Я вот, знаете, не могу похвастаться тем же самым. Вам это, конечно, не очень интересно...

– Не очень, – подтвердил Василий.

– Тогда не буду надоедать вам историями своей жизни, – выкрутилась Полина и ретировалась.

Василий постоял, щурясь на солнце, как кот. Вернулся к машине. И вдруг пнул со всей силы коробку с грязными тряпками.

Вторая гостья появилась за двадцать минут до обеда.

Полина видела, как она выбирается из такси: тяжеловесная женщина с коротко стриженными черными волосами. На вид ей было не сорок, а все пятьдесят. Квадратный подбородок глубоко утоплен в ворот мешковатого серого свитера. Бесформенная длинная юбка едва приоткрывает носы

грубых «солдатских» ботинок. Полина ожидала увидеть тонкую фею кисточки и мольберта, а увидела валькирию с мужеподобным лицом.

Но «валькирия» улыбалась. И оттого сразу понравилась девушке. Стояла, держа в одной руке выдавшую виды спортивную сумку, и улыбалась, глядя на дом. Так улыбается человек при встрече со старым другом.

Полина спохватилась, что загляделась через окно на художницу. И со всех ног бросилась встречать ее.

Но Василий успел первым. Когда девушка выскочила из дома, гостя и водитель уже стояли рядом и непринужденно болтали.

– А это наша новая экономка, Полина, – сказал Василий, смерив девушку уничижительным взглядом. – Немного нерасторопна, но это пройдет.

Полина молча проглотила заслуженный упрек.

Художница протянула ей руку.

– Приятно познакомиться! Я – Ирма.

Рукопожатие у нее оказалось крепким. И вся она была крепкая, веселая и жизнерадостная. «Неунывающий оптимист» – так в первую секунду подумала Полина.

А во вторую секунду заметила опустившиеся уголки губ. Глубокие морщины на лбу, как у старухи. И безмерную усталость в темных глазах.

На губах женщины по-прежнему играла слабая улыбка. Но Полине вдруг показалось, что она вот-вот упадет.

Ощущение было таким сильным, что она шагнула вперед и подхватила Ирму под руку.

– Вам плохо?

– Мне?! С чего вы взяли!

Женщина порывисто отстранилась. Вгляделась в лицо девушки. Но не прочла на нем ничего, кроме бесхитростной заботы и тревоги.

– Мне показалось, вам сейчас станет плохо, – пробормотала Полина, страшно смутившись. – Извините...

Господи, что она делает?! Не встретила гостью вовремя, потом начала хватать за руки ни с того ни с сего! А ведь Ковальский говорил, что многие люди терпеть не могут прикосновений, потому что у них обостренное чувство личного пространства. Прикоснуться к такому человеку без его разрешения – значит настроить его против себя.

И, кажется, ей только что это удалось.

Но Ирма ободряюще похлопала ее по руке.

– Ничего-ничего, все в порядке. Послушайте, но где же Анжей? Уехал?

– Он скоро будет, – уклончиво ответил Василий. – Пойдемте, Ирма, вы успели как раз к обеду.

– Обед – это прекрасно! – воодушевилась художница и, подобрав юбки, устремилась к дому.

Полина смотрела ей вслед и не могла взять в толк, с чего она решила, что этой энергичной женщине нужна ее помощь.

– Я проголодалась, – донеслось до нее. – Между прочим, Василий, я отказалась от вегетарианской диеты.

– Неужели?

– Представьте, да! Мне настолько опротивела рыба, что я уже видеть ее не могу. Женщине моей комплекции нужно мясо. Много мяса! Когда я ела рыбу, то сама становилась как рыба: холодная и бесстрастная. А художникам нельзя быть бесстрастными. Из них, фигурально выражаясь, должен брызгать мясной сок! Вы согласны со мной?

«Нет! Не соглашайся! – мысленно взывала Полина (у нее на кухне запекались три крупные форели в пергаменте). – Скажи ей, что все великие художники ели рыбу!»

– Абсолютно согласен, – сказал мерзавец Василий. – Рыба хороша летом, в ухе.

Ирма остановилась возле двери.

– Снова этот ужасный дракон! Анжей все развлекается? Он доведет кого-нибудь до сердечного приступа. Помните, как я испугалась в первый раз?

– Я помню, как вы на него кричали, – со смехом отозвался Василий.

Его смех отозвался в Полине неожиданной болью. С ней он никогда не смеется. Ей он даже не улыбается.

– Что, правда? – изумилась Ирма. – Не может быть!

– Пригрозили, что если он еще раз напугает вас, то на двери будет красоваться его собственная голова.

Ирма от души расхохоталась.

– Боже мой, я совершенно этого не помню! Вы сочиняете!

– Такое не забудешь. Спросите Анжея!

...Десять минут спустя Полина вышла из дома в совершенно взъерошенном состоянии и села на скамейку. Веточка жимолости ласково коснулась ее щеки, словно утешая.

К счастью, комната пришлась Ирме по душе. Но надо было в срочном порядке переиначивать все меню. После краткого совещания с Кларой Ивановной остановились на бифштексах, и теперь Полина волновалась, успеет ли повариха с обедом.

А еще Василий, всегда молчаливый Василий, был с Ирмой так любезен и разговорчив, что Полина ощутила дикое и противоестественное желание стукнуть чем-нибудь тяжелым сначала ее, потом его. Хотя художница точно не была виновата. Проклятый водитель двигался вокруг нее с грацией оцелота и старался быть полезным. «Ухаживает, как племянник, ждущий наследства, за престарелой тетушкой», – с неожиданной злостью подумала Полина.

Конечно, Ирме нравилась его обходительность. Она явно находила Василия привлекательным и не скрывала этого. Они болтали, как старые приятели, и даже подшучивали друг над другом.

«Подшучивали!»

Полина безотчетно разорвала на десяток кусочков ни в чем не повинный хвостик жимолости.

И куда запропастился Ковальский?!

Все, хватит прохлаждаться! Нужно вернуться в дом и помочь Кларе Ивановне.

Девушка поднялась. А через секунду из-за поворота вылетел черный джип.

«Что, уже следующий гость?! Анжей говорил, остальные придут не раньше пяти!»

Джип затормозил у калитки так резко, словно впереди была стена. Из-под колес взлетели фонтанчики земли.

Водитель нервно хлопнул дверью и пошел навстречу девушке, сунув руки в карманы.

Полина почувствовала, что с гостями возникнут сложности. С этим – точно.

К ней приближался бледный лысый толстяк с короткой рыжеватой бородкой. Одет он был в черный костюм, застегнутый на все пуговицы. Черные начищенные ботинки, черная рубашка, синий галстук, а из кармашка пиджака выглядывает краешек шелкового черного платка.

Если бы этот костюм надел Анжей, он выглядел бы строгим франтом. Но на толстяке обилие черного цвета производило пугающее впечатление. Казалось, человек сам себя упаковал как можно прочнее: перевязал веревками, перетянул липкой лентой и для верности положил в коробку.

Приглядевшись, Полина поняла, что ее смутило. Костюм был толстяку явно мал. Его телеса выпирали из пиджака, живот рвался наружу, а короткой толстой шее было тесно в жестких объятиях воротничка.

Но запакованный толстяк, даже подойдя к калитке, не ослабил узел галстука и не расстегнул пуговицу. Он лишь дернул подбородком и толкнул

калитку – почему-то ногой.

Полина сразу прониклась к нему неприязнью.

Но и лицо приезжего не вызывало симпатии. Узкие губки недобро поджаты, бледные голубые глаза шныряют по сторонам. Завершая неприятный образ, на носу у толстяка, как жаба на кочке, сидела бородавка.

Гость выглядел, как похоронных дел мастер. У которого давно не было клиентов, и он с надеждой ждет, чтобы в город пришла эпидемия тяжелой болезни.

«Паук какой-то», – подумала Полина, тщетно пытавшаяся пробудить в себе добрые чувства к гостю Ковальского.

Как назло, от волнения имя мужчины начисто вылетело у нее из головы. Что там говорил Василий? Какое-то сложное, длинное отчество... И имя такое же! Или не такое же? Нет, все-таки такое же...

Вот черт! Не лезть же на его глазах в блокнот, судорожно листая в поисках нужной страницы!

Господи, как же его зовут?!

Мужчина уже подошел, недовольно хмурясь. И тут память вернулась к Полине.

– Здравствуйте, Манул Манулович! – радостно брякнула она.

Конечно, он был не Манул Манулович. Тарас Иммануилович Воловик не преминул доложить Василию о промахе экономки.

– Что у вас происходит? – скандально начал он, едва завидев водителя и явно решив, что тот здесь главный. – Какая-то девочка меня встречает, обзывает животным!

Василий уставился на Полину. Третий раз за этот день ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Простите, пожалуйста! – искренне повинилась она, хотя уже извинялась за минуту до этого. – Я растерялась и перепутала ваше имя. Простите еще раз!

– Зверем! – не унимался толстяк. – Жирным котом!

Василий поднял брови.

– Манулом Мануловичем, – пробормотала Полина, не в силах скрыть страшную правду.

В лице Василия что-то дрогнуло.

– Вы видели манулов? – визгливо выкрикнул гость. – Это тупое толстое животное! Волосатое!

«И червяком, дождевым червяком», – мысленно пробормотала Полина, чтобы хоть как-то скрасить ожидание расправы.

К ее удивлению, Василий не торопился принести за нее извинения. Он

осведомился, где вещи гостя.

– Два чемодана в багажнике, – раздраженно бросил тот. – Вы меня слышите, или я говорю со стенкой? У вас прислуга ни к черту не годится!

– Что-о? – негромко переспросил Василий.

В холле вдруг воцарилась удивительная тишина. Толстяк замер с приоткрытым ртом, как будто у него отключили звук.

Полина словно заново увидела водителя. Она успела привыкнуть и к его огромному росту, и к некрасивому лицу со шрамом, и к разорванному уху. Но сейчас он вновь показался ей таким же страшным, как при первой встрече.

Очевидно, Тарас Иммануилович тоже внезапно осознал, что перед ним не один из его подчиненных. Во всяком случае, он резво отскочил назад, хотя водитель не тронулся с места.

– У нас нет прислуги, – Василий ронял слова по одному, как тяжелые камни. – Если вы имели в виду Полину Аркадьевну, то она домоправительница. А если вы имели в виду меня...

– Не вас! – поспешно заверил толстяк. – Вы здесь ни при чем!

– Вас не удовлетворили извинения, которые принесла Полина Аркадьевна?

Тарас Иммануилович поколебался. Но неохотно признал, что удовлетворили.

– Тогда Полина Аркадьевна покажет вам комнату, – Василий упорно продолжал звать экономку полным именем, – а я принесу вещи. Разрешите, Полина Аркадьевна?

Девушка вздрогнула. Что? Это к ней так подчеркнуто церемонно обращается за разрешением Василий? Василий, который по их молчаливому соглашению на время приезда гостей стал считаться старшим?

Полина изумленно взглянула в прищуренные зеленые глаза.

То, что она прочла в них, заставило ее выпрямиться. В следующий миг она сказала со спокойной властью:

– Да, Вася, будьте так добры. А затем передайте Кларе Ивановне, что через десять минут можно накрывать на стол.

– Сделаю, Полина Аркадьевна.

– Э-э... Минуточку! – встрепенулся Воловик. – А где Ковальский?

– Он будет позже, – отрезал Василий.

Тарас Иммануилович хотел еще что-то спросить, но водитель уже прошел мимо него и прикрыл дверь. Толстяк взглянул на Полину и злобно оскалится:

– Показывайте, куда идти!

Поднимаясь по лестнице, девушка от души пожалела, что она украсила цветами комнату Тараса Воловика.

* * *

Анжей, как всегда, возник из ниоткуда. Материализовался за спиной Полины, застывшей в библиотеке перед любимыми напольными часами, и отразился в их дверце – ни дать ни взять, привидение.

– Как прошло кормление хищников?

Полина даже не вздрогнула. Человек, выдержавший обед в компании гостей Ковальского, на некоторое время становится невосприимчив к внешним раздражителям.

– Прекрасно, – ровно ответила она и повернулась к боссу. – По-моему, все остались довольны.

Внутренний голос Полины демонически захохотал.

О да, прекрасно! Если не брать в расчет, что Давид Романович, отведав супа, зашелся в приступе кашля. Кашель был такой силы, что Давид прижал руку к горлу и согнулся пополам.

– Отравили, – с мрачным удовлетворением констатировал Тарас Воловик. – Я, пожалуй, от супчика откажусь.

Полина побледнела и бросила отчаянный взгляд на кухню. В голове у нее молнией промелькнул сюжет: Клара Ивановна, брошенная жена, много лет спустя встречает бывшего мужа в доме Ковальского. Рука ее сама тянется к банке с крысиным ядом. И белый порошок растворяется в тарелке с супом...

В доме Ковальского не держали крысиного яда. Но Давид Романович выглядел как человек, собиравшийся умереть мучительной смертью.

Положение спасла потенциальная отравительница. Клара Ивановна выглянула из кухни, сориентировалась в ситуации и подбежала к Давиду со стаканом воды. Мужчина жадно опрокинул его и перевел дыхание.

– Перец... – хрипловато пояснил он и вытер слезы. – Вечно от него кашляю.

Полина выдохнула вместе с ним.

Ирма Ахметова, рассуждая о светописи Борисова-Мусатова, задумчиво съела один за другим пять бифштексов. Как будто наверстывала упущенное за время вегетарианства.

Клара Ивановна подносила художнице добавку за добавкой, и на лице

ее проявлялся тихий ужас. Бифштексов было всего десять: они с Полиной рассчитали, что этого хватит на троих. Принеся очередную порцию, повариха бросила на экономку отчаянный взгляд. «Остановите ее, Полина Аркадьевна!» – читалось в ее глазах.

«Как вы себе это представляете?!» – беззвучно воскликнула в ответ Полина.

Повариха сжала губы. Такое же выражение лица, вероятно, было у Франсуа Вателя, понявшего, что позор неизбежен: рыба для королевской трапезы не доставлена вовремя.

Ирма доела последний кусочек и отложила вилку.

– Очень вкусно! – похвалила она. – Хочется съесть еще...

«Не надо!» – мысленно хором взмолились Полина и Клара Ивановна.

– Но не буду, – закончила художница. – В моем возрасте надо беречь фигуру.

– Ха! – сказал Тарас Иммануилович.

И уткнулся в свою тарелку.

Ирма повернулась в его сторону, как башня танка. Глаза сузились и стали похожи на прицелы.

«О нет, – взмолилась про себя Полина, – только не это! Не хватало нам конфликта!»

Клара Ивановна, чутко уловив расстановку сил, спряталась в кухню.

– Что это значит? – прохладно поинтересовалась художница.

Первый снаряд упал неподалеку от Воловика.

Тот хохотнул и придвинул к себе салат.

– Ничего, ничего... Я подумал, вы пошутили.

– Когда?

Воловик изобразил недоумение и невинность:

– Когда сказали про возраст и фигуру. Разве вы говорили серьезно?

– Вполне. Что в этом удивительного?

Тарас Иммануилович пожал плечами:

– Мне казалось, в вашем возрасте вопрос фигуры уже неактуален. Значит, я ошибся.

«Вот мерзавец! – ахнула Полина. – Зачем же ты гадости говоришь незнакомой женщине?!»

Но если Воловик надеялся выбраться из этого сражения невредимым, то он просчитался. Ирма мило улыбнулась:

– Вы судите по себе, молодой человек. Но если вы не заботитесь о своем теле, это не значит, что остальные делают то же самое.

Ахметова протянула пухлую руку, двумя пальцами отломила

поджаренный тост и с видимым удовольствием положила в рот.

Толстяк порозовел, как креветка. Без сомнения, он сказал бы новую гадость, но его перебил Давид Далиани, спросивший у Ирмы, кого из современных художников она любит.

Ахметова ударилась в рассуждения о постмодернизме и паблик-арте. Половины слов из ее речи Полина не понимала. Тарасу Иммануиловичу оставалось только без аппетита жевать бифштекс, бросая враждебные взгляды на художницу.

Да, вне всяких сомнений, обед удался! Достижением следует считать уже то, что ничей окровавленный труп не остался лежать в столовой, когда гости один за другим покинули ее.

* * *

Анжей выслушал краткий отчет Полины, но не выразил ни малейшей обеспокоенности происходящим.

– Это им только на пользу, – пробормотал он. – Пусть понервничают.

– Зачем? – не удержалась Полина.

– Легче работать. Они здесь не просто так. У каждого из них серьезные проблемы, которые я должен решить. Чем сильнее человек волнуется, тем беззащитнее становится. И тем точнее я могу подобрать ключ. Где они сейчас?

– Разошлись по комнатам.

– Чудесно. Вот что, Полина, сделайте мне кофе.

– Принести сюда?

– В мой кабинет.

Поднимаясь с горячим кофейником на подносе, Полина прислушивалась. Определенно, дом звучал по-другому.

Усилился шелест любопытных листьев за окнами. Шаги стали отдаваться гулко в коридорах. Казалось, даже часы тикают быстрее и тревожнее: у-нас-гос-ти, у-нас-гос-ти, гос-ти-гос-ти.

К кофе Полина положила свежую булочку. Бесшумно накрыла в полутемном кабинете, взяла поднос и собиралась исчезнуть.

Но Ковальский остановил ее.

– Послушайте, Полина...

Девушка вернулась.

– Я давно хотел расспросить вас о некоторых обстоятельствах вашей жизни. Вы не против?

Попробуй сказать, что против, когда Анжей Ковальский внимательно изучает тебя своими черными глазами, блестящими, как у ворона. В такие моменты Полине становилось не по себе.

«Смотря какие обстоятельства вам интересны», – хотела сказать она.

Но вслух почему-то заверила Анжея, что совершенно не против.

– Прошу вас. – Ковальский указал на кресло. – Хотите кофе?

– Нет, спасибо.

Анжей сам налил себе из кофейника и поглядел на Полину поверх дымящейся чашки.

– Я никогда не спрашивал, где ваши родители.

«Родители?!»

Полина чуть не подскочила. Она успела подготовиться к любому вопросу. Кроме этого.

– Вы не отвечаете! – встревожился Ковальский. – Надеюсь, они живы? С ними все в порядке?

Полина молчала.

«Может быть, сказать, что они умерли?»

Но под пристальным взглядом Ковальского не осмелилась врать.

– Они в Америке.

– Да? И давно уехали?

Пауза: Полина считала в уме.

– Семнадцать лет назад.

– Семнадцать лет назад? – изумленно повторил Анжей. – А как же вы? Ах, понял! Вы уехали с ними и вернулись обратно!

Полина покачала головой. Нет, все было совсем не так.

– Я осталась с бабушкой. С папиной мамой.

– Вот оно что!

Анжей задумчиво помешал чайной ложечкой в чашке.

– И как часто ваши родители приезжают в Россию? Или это вы летаете к ним?

– Они не приезжают. Им тяжело летать в их возрасте, и дорого...

Брови Анжея полезли вверх. Господи, как же Полина ненавидела удивление, неизбежно появляющееся на лицах тех, кто узнавал о ее родителях.

– Значит, сейчас не прилетают. А раньше? Когда вы были ребенком, как часто они возвращались сюда?

– Редко.

– Редко?

– Несколько раз, – нехотя произнесла девушка.

Анжей поднес чашку к губам, но внезапно поставил на стол, чуть не расплескав.

– Подождите... То есть ваши родители оставили вас, уехали и с тех пор виделись с вами лишь несколько раз?

– Да, – сказала Полина.

* * *

Четыре раза, если быть точной. Она видела их целых четыре раза. Непринужденных, уверенных в себе, держащихся раскованно. Может быть, чересчур раскованно. Они все время говорили, говорили, говорили наперебой. Сначала Полина думала, что они боятся тишины. Потом ей пришло в голову, что они боятся другого: того, что заговорит она. Спросит вслух, громко, при всех: «Мама, папа, почему вы не берете меня с собой?»

Смешные... Она сама ужасно боялась, что родители предложат поехать с ними. Представляла, как они скажут с выражением искренней доброжелательности: «Полина, мы приглашаем тебя пожить у нас».

А она, конечно, откажется.

И успеет увидеть промелькнувшее на их лицах облегчение.

Этого Полина боялась больше всего. Что они не смогут скрыть, как рады ее отказу, и все остальные тоже увидят это (мать с отцом всегда ухитрялись сделать так, чтобы при их разговорах присутствовали посторонние люди: какие-то друзья, чьи-то родственники и их дети...)

Но они не предложили.

На бабушкиных похоронах собралось много народу. Большинство из них Полина видела в первый раз. Они жили тихо, из гостей у них бывали только друзья самой Полины да пара-тройка бабушкиных приятельниц по даче. За пару лет до смерти бабушка продала дачный участок, но соседки все равно продолжали приезжать.

Приехавшие на похороны люди были из родительского круга. Для них Полинина бабушка была не Ольга Леонидовна, а только мать Аркадия. Они пришли не попрощаться с ней, а повидаться со своими заграничными друзьями, Аркадием и Ликой Авериными, и выразить им сочувствие.

Стоя возле засыпанной могилы, мать поглаживала отца по плечу и приговаривала, утирая слезы:

– Аркаша, как же ты теперь будешь? Ох, Аркаша, как же так?! Как жить, как жить?...

Полина не плакала. Смотрела на них и пыталась понять: почему они

не спрашивают ее, как она будет? Почему не говорят: Поленька, девочка, как же ты будешь теперь? Поленька, ведь ты совсем одна.

Потом она вспомнила, что Поленькой ее называла только бабушка. И еще две бабушкиных соседки по даче, которые тихо стояли за спинами чужих, незнакомых людей.

Но все же Лике Борисовне пришлось услышать вопрос о том, как дальше будет жить ее дочь. Правда, задала его не Полина.

Случилось это ближе к концу поминок. Девушка выскользнула на балкон и встала за дверью, прижавшись спиной к холодной стене. Она не могла больше видеть всех этих людей, которые говорили хорошие правильные слова о матери Аркадия. Ей хотелось только одного: остаться одной и тихо оплакать бабушку.

Балконная дверь приоткрылась, из нее на улицу вырвался сигаретный дым. Кто-то закурил у выхода, не рискуя выходить на холод.

– Лика, – раздался приглушенный женский голос, – а что вы решили с Аркашей насчет Полины?

Полина замерла и вжалась в стену. Она узнала голос тети Марины, приятельницы матери. Единственной из всех их знакомых, кто иногда звонил Полине и ее бабушке.

Мать в ответ непонимающе спросила:

– А что мы должны решить насчет нее?

– Ну, все-таки она осталась одна. Конечно, девочка уже взрослая... С одной стороны. А с другой стороны, ей всего девятнадцать лет.

– И в девятнадцать лет у нее есть то, что большинству ровесников и не снилось, – суховати ответила Лика. – Ты знаешь, что по завещанию ей отходит вся квартира? Да, Мариночка, именно так. Родной сын побоку, про него думать не надо. Конечно, ведь в Америке у нас все благополучно! – в голосе матери зазвучала горечь. – Подумаешь: ипотека, кредиты.

Еще учти, что Аркадий каждый месяц высылал ей деньги. Каждый месяц! А, да что уж теперь говорить...

На Полину вдруг навалилась тошнота. То ли от запаха дыма, то ли от слов матери. Она прижала ладонь к губам.

Внутренний голос, поразительно бесстрастный, посоветовал зажать и уши. Но его совет запоздал.

– Но вы можете обжаловать, – неуверенно заметила Марина. – Аркадий наследник первой очереди, у него есть все права на квартиру.

– Ах, ну что ты! Попробуй скажи об этом Аркадию. Будет разглагольствовать о воле матери и ее последнем желании. А о том, что я пашу, как проклятая, что у меня язва открылась год назад, его говорить не

заставишь.

Она закашлялась.

– Пойдем, Марина, продует. Хватит здоровье гробить. Я дома совсем не курю, а здесь, как ни приеду, рука сама к сигарете тянется. Страна такая – прокуренная насквозь.

– Это ты верно заметила.

– А за Полину не переживай. У нее все будет хорошо. Ты обратила внимание, что она на похоронах ни одной слезинки не уронила?

Подруга что-то ответила, но Полина уже не расслышала ее: дверь прикрыли.

На следующий день родители улетели к себе домой. Она осталась одна в просторной трехкомнатной квартире на набережной Москвы-реки.

* * *

Кофе, сваренный Полиной, остывал в кофейнике. И в чашке, из которой Анжей не отпил ни глотка.

– Значит, вы росли с бабушкой, – повторил Анжей.

Он рассматривал Полину так, словно видел ее в первый раз.

– Другие родственники принимали участие в вашем воспитании?

– Нет. У нас никого не было.

Ей не хотелось продолжать, но было понятно, что Ковальский не отстанет, пока не выпытает все подробности. Пришлось закончить:

– Бабушка умерла четыре года назад.

Ковальский сочувственно кивнул.

– Да, тогда понятно... – пробормотал он, словно разговаривая с самим собой. – Это многое объясняет.

Полина стиснула зубы. Она не будет у него ни о чем спрашивать! Анжей говорит это специально, чтобы она попалась на крючок любопытства, самый простенький и верный из всех крючков.

Но ей не любопытно. Ей абсолютно все равно, что он там себе объясняет.

– Я могу идти? – сдержанно спросила она.

– Конечно. Спасибо за кофе.

«Который вы не выпили».

Ковальский достал из ящика трубку и принялся набивать ее табаком.

Полина поднялась, собрала посуду на поднос и пошла к выходу. На душе у нее было тошно. И запах сигарет снова мешал дышать.

Полина даже потянула носом над кофейником, чтобы снова почувствовать чудесный, домашний аромат кофе.

Бесполезно. Из-под фарфоровой крышечки просачивалась отвратительная сигаретная вонь. Пахло не вишневым табаком Ковальского, а тем самым запахом, который ее память сохранила на много лет. Запах горя и одиночества.

По спине пробежал озноб, точно она прислонилась к промерзлой кирпичной стене.

«Держим лицо и выходим», – отстраненно сказал внутренний голос.

Полине нужно было последовать его совету. Но, уже взявшись за ручку, она обернулась.

– Что это объясняет? – резче, чем следовало, спросила она.

– Простите?

– Вы сказали, что мой рассказ многое объясняет. Что именно?

Ковальский глубоко затянулся и выпустил дым. Несколько секунд, пока облако не рассеялось, девушка не видела его лица.

– Это объясняет кое-какие особенности вашего поведения, – сказал он наконец.

– Возможно, бабушка привила мне устаревшие манеры... – начала Полина.

И тут Доктор внезапно рассердился.

– Да бросьте! – оборвал он. – При чем здесь ваши манеры? Вы словно калека, который не замечает собственной хромоты. И твердит, что не умеет танцевать, потому что у него был негодный учитель танцев.

– Я – калека?!

– Конечно, вы! Не я же. Это ведь не меня родители сбросили на руки бабушке и уехали строить новую жизнь! Любого человека это травмирует почище перелома.

Полина задохнулась от возмущения.

– Моя бабушка любила меня!

– Ни секунды не сомневаюсь! – Анжей уперся ладонями в стол и наклонился к ней. – Но дело не в ней, а в них, в ваших маме и папе. Они поступили мерзко, крайне мерзко. Отвратительно!

– Да что вы знаете о моих родителях? – не выдержала Полина. – Они просто боялись везти меня с собой в неизвестность! Я была совсем маленькой!

– Неужели?! – фыркнул Анжей. – Что же страшного было для шестилетнего ребенка в Америке? Во всяком случае, не страшнее, чем в России того времени.

– Они не знали, что их ждет!

– О, конечно! Ведь это дикая страна, где кишат хищники и свирепствуют кишечные инфекции. Нет, моя дорогая! Не смейте лгать мне, а главное, себе. Есть только одна причина, по которой мужчина и женщина не берут с собой родного ребенка, уезжая в цивилизованную страну.

– Прекратите, – сказала Полина. Получилось беспомощно и еле слышно.

– Дело в том, что мама с папой вас не любили, – безжалостно припечатал Ковальский.

– Неправда!

– Правда. Такое случается гораздо чаще, чем принято считать. Но, как правило, ребенок все равно растет в уверенности, что его любят, потому что эта уверенность ему жизненно необходима. Он берет эту любовь из ничего, словно цветок, вытягивающий тонкими корешками воду из сухой почвы. Даже в пустыне растут цветы, вы знаете, Полина?

Девушка молчала. В глазах кололо, как будто в них швырнули горсть песка.

– Но в вашем случае не было и пустыни. Ваши родители дали вам самое убедительное доказательство своей нелюбви: они вас бросили! Не сомневаюсь, что их поступок был обставлен очень прилично. Конечно, вас уверяли, что так проявляется их забота. Но это чушь! И вы своим шестилетним умом прекрасно это понимали!

– Вы все врете, – беззвучно сказала Полина.

– Но для любого ребенка родители – это основа его маленького мира, – яростно продолжал Ковальский, не слушая ее. – В этом мире родители не могут быть плохими, это означало бы нарушение основ! Если они что-то делают не так, значит, ребенок плохой! Если они уехали от ребенка, значит, он не заслужил их любви! Он недостаточно старался!

Поднос накренился в руках Полины. Чашка поехала и остановилась на самом краю.

– Так рассуждает любой ребенок, – немного спокойнее сказал Доктор. – Мы-то с вами знаем, что это неверно. Но ребенок не знает. Даже выросший, он не в силах избавиться от страшного наследия – нелюбви своих родителей. Таких детей всегда видно. А знаете, почему?

Он опустил в кресло.

– Молчите? Не знаете... А я вам скажу. Потому что в жизни всего можно добиться. Абсолютно всего! Кроме любви родителей. Это невосполнимая потеря! Вы понимаете, какая трагедия заключена в этом слове? Не-вос-пол-ни-мая! Можно обзавестись заботливым супругом,

любящими детьми, можно стать богатым и знаменитым – все возможно! Но если родители недолюбили ребенка в детстве, этого уже не исправить. Любви все равно не хватает. И эту жажду не утолить ничем.

Анжей поднял глаза на застывшую девушку.

– Именно это я имел в виду, когда говорил, что по вам видны детские травмы. Вы отчаянно нуждаетесь в любви. Вы из тех женщин, которые пойдут на любые жертвы ради того, чтобы их любили. И будете тянуться к мужчинам старше себя, потому что они воплощают отца. Того, который вас бросил.

Анжей поднес трубку к губам и выпустил целое облако дыма.

Полина глубоко вдохнула – и выдохнула. Внутри что-то скулило и плакало, как щенок, запертый в комнате. И почему-то саднило горло.

– Вы закончили? – Голос у нее дрожал, но слез, слава богу, не было.

Ковальский пожал плечами.

– А теперь послушайте меня, – сказала Полина и медленно направилась к столу. – Я не разрешаю вам больше ничего про меня рассказывать. Вам ясно? Препарируйте кого-нибудь другого. Тренируйтесь на ваших гостях, на Василии, на садовнике – на ком угодно, но только не на мне! Не смейте рассказывать мне о том, какая я идиотка. Потому что я, черт возьми, и без вас это отлично знаю!

Долю секунды Анжею казалось, что сейчас она грохнет поднос об стол. Он даже услышал звон разлетающейся вдребезги чашки.

Но Полина протянула руку, взяла со стола забытую чайную ложечку и положила рядом с блюдцем. Развернулась, точно робот, и пошла прочь из кабинета.

Голос Ковальского догнал ее в дверях. Полина ожидала разноса, может быть, даже увольнения. Но услышала совсем другое.

– Бедная моя девочка, – сочувственно проговорил Доктор. – Вы так ничего и не поняли.

Полина вышла и аккуратно прикрыла дверь. С каменным лицом отнесла поднос на кухню, поднялась к себе наверх.

Но в комнате самообладание оставило ее. Она опустилась на диван и беззвучно расплакалась.

* * *

Вечером Полина помогала Кларе Ивановне в столовой. Повариха бросила сочувственный взгляд на ее опухшее лицо, но ничего не сказала.

Девушка была благодарна ей за молчание.

«Нужно выдержать ужин», – твердила она про себя. Господи, если они опять начнут ссориться, она закричит.

В кармашке заиграл телефон.

– Полина, жду вас в библиотеке, – сказал Ковальский и отключился.

Видимо, она изменилась в лице, потому что добросердечная Клара Ивановна заботливо дотронулась до ее руки:

– Ничего, Полина Аркадьевна... Вы идите, я тут справлюсь.

Девушка бросила на нее беспомощный взгляд.

– Не съест же он вас! – вдруг шепотом сказала повариха. Но уверенности в ее голосе не было.

Полина выдавила жалкую улыбку.

Перед дверью библиотеки она постояла, набираясь храбрости. За спиной звучно пробили часы, напоминая, что медлить не стоит.

Увидев девушку, Ковальский отложил книгу и поднялся.

– У меня для вас кое-что есть, – как ни в чем не бывало сказал он. – Возьмите.

И протянул раскрытую ладонь.

На ладони лежал ключ. Черный металлический ключ со стержнем-трубочкой.

В детстве Полина мечтала о похожем ключике. В него можно было свистеть, прижав конец трубочки к нижней губе. У многих мальчишек в их дворе были такие. Когда затевались «казаки-разбойники», оголтелый свист вспарывал воздух старого двора. Эхо билось между стен, как пойманная в силки птица, и старушки ругались и грозились отобрать «свистульки».

– Возьмите, возьмите, – поторопил Ковальский. – Это ваш. Уверен, он вам пригодится.

– Спасибо... – Полина неуверенно взяла ключ.

Ковальский погрузился в кресло и, казалось, сразу забыл про экономку.

Подарок был гладкий, как обкатанный морем камешек. И приятно холодила пальцы. Он был как кусочек детства, как осколок памяти, отлитый в виде ключа.

– Это один из *тех самых* ключей? Ваших?

Анжей, уже уткнувшийся в книгу, поднял голову.

– Что? Ах, да. Из *тех самых*.

– Но они же стоят денег! – слабо запротестовала Полина.

– А я вам его дарю.

Девушка хотела возразить, но Анжей сердито прикрикнул:

– И не вздумайте спорить! Никогда не отказывайтесь от подарков. Только ограниченные люди думают, что это вас к чему-то обязывает. Ничего подобного! Подарки обязывают в первую очередь дарителя. Сделав вам что-то хорошее, он вынужден относиться к вам хорошо. И потом, вы ведь не хотите меня обидеть, правда?

Полина не хотела.

– Тогда берите и пользуйтесь на здоровье.

– Спасибо!

– Пожалуйста.

И тут в памяти Полины всплыли слова, услышанные совсем недавно:

«Чем сильнее человек волнуется, тем беззащитнее становится. И тем точнее я могу подобрать ключ».

– Вы нарочно это сделали! – воскликнула она.

– Что сделал? – удивился Ковальский.

– Вы... – начала Полина.

И осеклась. «Вы заставили меня страдать» – звучало до ужаса напыщенно. Так могла бы выразиться героиня плохой мелодрамы. А других слов Полине не удавалось подобрать.

– Вас ждет Клара Ивановна, – напомнил Ковальский.

– Да-да...

Полина крепко сжала ключ в кулаке и вышла.

Но направилась не в столовую, а в свою комнату.

Оказавшись одна, прижала ключ к губам – и тихонько поддула в него.

Раздался сиплый прерывистый свист. Совсем некрасивый. Как будто ключ был давно простужен и хотел не свистеть, а молока с медом.

Но от этого звука в памяти Полины ожил летний двор с тополями, насквозь простреленными солнцем, и запах нагретого асфальта, и крики мальчишек, перемежавшиеся с воробьиными воплями. Скрипнули старые качели, и со счастливым восторгом засмеялся ребенок, взлетающий на них в небеса.

Полина нехотя отняла ключ от губ и спрятала в кармашек.

Плакать почему-то совершенно расхотелось. И ужин с гостями Ковальского больше не казался таким кошмаром.

Глава 6

Машина мчалась чуть быстрее, чем стоило на этой неровной дороге с множеством поворотов. Деревья по обочинам слились в зеленые стены извилистого лабиринта. Время от времени среди зелени вспыхивала белым черемуха. Тогда в приоткрытые окна врвался густой пьянящий аромат.

– Мы никуда не торопимся, – напомнил Макар, когда «БМВ», не снижая скорости, вошел в очередной поворот.

– Ты, может, и нет, а я тороплюсь, – огрызнулся Сергей. – Посмотреть скорее на твоего шарлатана – и домой.

– А вот не факт, что он шарлатан.

– Девяносто процентов из ста.

– Остается десять. Не так уж мало.

– Десять – на то, что псих, – отрезал Бабкин.

Он был чертовски зол. Илюшин вытащил его в эту поездку, не рассказав толком, в чем дело. Сергей только в дороге узнал, к кому они едут. И первым его побуждением было повернуть обратно.

Но Макар не разрешил. По необъяснимым причинам он счел это дело не совсем безнадежным. И вот они мчатся по лесной дороге, а навигатор показывает, что им осталось меньше десяти километров.

– Ключи он раздает всем желающим! – злобно сказал Бабкин. – Ключник, мать его.

– Во-первых, не раздает, а продает, – невозмутимо отозвался Макар. – Во-вторых, ключник – это управляющий хозяйством. Ковальский – не ключник. Скорее, продавец ключей.

– Удивительно, что находят покупатели! Хотя идиотов везде хватает.

– Удивительно не это. Удивительно то, что его ключи помогают.

– Откуда ты знаешь?

– Слушай, ну ты же не думаешь, что я бы отправился к нему вслепую? – развеселился Илюшин. – Я знаком с парнем, который приезжал к Ковальскому и выложил круглую сумму за то, чтобы получить ржавый ключик. Этот ключик не годится даже на то, чтобы запереть замок на сарае.

– Почему не годится-то? – проворчал Бабкин чуть спокойнее.

– Потому что в нем трещина.

– И что с ним потом случилось?

– А что с ним может случиться? Он же ключ.

– Тьфу! С твоим знакомым!

– А мой знакомый, – спокойно ответил Макар, – через месяц решил проблему, которую до этого не мог решить полгода. Спасся от кредиторов и спас свой бизнес.

– Это ничего не доказывает, – подумав, сказал Сергей. – Случайность. Совпадение.

– Возможно. А у остальных ста клиентов Ковальского – тоже совпадение?

Сергей замолчал. Возразить было нечего.

– В самом деле сто человек? – мрачно спросил он, когда проехали еще пять километров.

– Понятия не имею, – признался Макар. – Назвал число наобум. Про Ковальского никто ничего толком не знает, вот в чем проблема.

– Сдается мне, мы едем в эту глушь, чтобы удовлетворить твое любопытство.

Илюшин пожал плечами:

– Причина ничуть не хуже любой другой.

Сергей Бабкин тяжело вздохнул. Спорить с Макаром было бесполезно.

Илюшин встрепенулся и завертел головой.

– Похоже, подъезжаем! Сейчас направо.

– С чего ты взял?

Сергей бросил взгляд на навигатор. Но навигатор был согласен с Илюшиным. Судя по карте, они почти прибыли.

– Здесь одни деревья кругом, – недовольно сказал Бабкин. – Он что, в дупле живет, твой аферист?

И замолчал, увидев, куда они приехали.

Дом выплыл им навстречу из леса, словно зеленый корабль. Его фасад оплетали ползучие растения, подобно водорослям. Над крышей раскинулись ветви двух старых лип, скрывая красную черепицу.

Вокруг корабля бились волны шиповника. Всплески розовых цветов заставили Сергея присвистнуть от восхищения.

– Вот это да!

– Красиво, – согласился Макар.

Он вылез из джипа и потянулся.

– Ты уверен, что мы не ошиблись адресом? – крикнул Сергей ему вслед.

– Абсолютно. К тому же нас встречают.

От дома по тропинке между ярких клумб к ним шла молодая девушка, раздурманенная и очень хорошенькая. Одета она была строго. Но от нее веяло легкостью и жизнелюбием. Сама розовая и свежая, как цветок

шиповника, она очень подходила этому саду.

«На дочь хозяина не похожа, – подумал Бабкин. – Может, секретарша?»

Девушка подошла к Илюшину и застенчиво улыбнулась. От улыбки на щеках заиграли ямочки.

– Здравствуйте! Меня зовут Полина, я экономка Анжея Михайловича. Добро пожаловать!

«Экономка!»

Сергей выбрался из машины. Девушка перевела взгляд на него. Бабкину показалось, что в серых глазах мелькнуло удивление.

– Можно ваши вещи? Их отнесут в дом.

– Спасибо, мы справимся, – улыбнулся ей Макар. – У нас и вещей-то почти нет.

Определенно, она была чем-то озадачена, как ни старалась это скрыть.

* * *

Вещи у них, конечно, были. У старшего – черная спортивная сумка. У младшего – студенческий рюкзак с потертыми лямками.

Но ни тот, ни другой не дали ей прикоснуться к ним. Забросили сумки на плечи и деловито пошли к дому.

Полина смотрела вслед этой странной паре, и ее терзали недобрые предчувствия.

Они не были похожи на клиентов Доктора. Эти двое сами выглядели как люди, готовые решать чужие проблемы.

Первый – худощавый парень лет двадцати пяти, обаятельный и веселый. Прямой нос, четкие губы, уголки которых вздернуты в едва уловимой насмешливой улыбке. Русые волосы взлохмачены, вокруг шеи обмотан вязаный шарф лягушачьего цвета.

Чем-то он напомнил Полине айтишников, работавших в их фирме. Айтишники ходили в свитерах и джинсах, компьютеры называли железом, ругали юзеров, дарили друг другу бубны и говорили непонятные слова, иногда вызывая к страшному Ктулху. Перед ними трепетала вся бухгалтерия.

Только взгляд у приезжего был другой. Профессионально внимательный, как у врача.

Второй отличался от него, как медведь отличается от куницы. Высокий, очень крепкий мужчина с глубоко посаженными темными глазами и плотно сомкнутыми губами. Взгляд недобрый, пристальный.

Чем-то он был похож на Василия, и, взглядевшись, Полина поняла чем: в обоих чувствовалось что-то, отдающее девяностыми годами и *разборками*. Волосы одинаково коротко пострижены. Даже куртку «медведь» носил такого же фасона, как Василий, только не кожаную, а просторную джинсовую. И налет цивилизованности на нем был потолще.

Глядя на его широченную спину, Полина усомнилась, что он пройдет в дверь.

Зачем они здесь?

Гости подошли к дому и остановились. Младший, наклонив взъерошенную голову набок, рассматривал дракона.

Полина с замиранием сердца следила за ними. Чутье подсказывало ей, что на этот раз Анжею лучше воздержаться от забавы с шевелящейся головой.

– Не надо, – шепотом предупредила она, глядя на узкий просвет в листьях.

Просвет был незаметен посторонним. Но Полина знала, что в этой щели спрятан глазок, через который отлично видно все, что происходит в саду.

Двое визитеров со всех сторон осмотрели голову дракона. Наконец, старший шагнул в сторону и взялся за ручку двери.

Полина облегченно выдохнула. Слава богу: Ковальский все-таки не стал пугать приезжих!

Но она рано обрадовалась.

В этот момент дракон ожил. Его бугристая пасть открылась, золотистый глаз хищно сверкнул в солнечном луче.

Плавность и быстрота движений дракона ошеломляли. Ковальский был прав, сказав, что механическую игрушку делал настоящий мастер.

Но человек оказался быстрее.

Не успела Полина ахнуть, как угрюмый тяжеловес уже стоял возле головы. В руке его, прижатой к драконьему подбородку, что-то матово блеснуло.

И вдруг младший засмеялся. Это был беззаботный, веселый смех человека, оценившего хорошую шутку.

Угрюмый застыл – и с облегчением выдохнул:

– Вот черт!

Еще одно неуловимое движение, и матовый предмет исчез из его руки.

В памяти Полины вспыхнуло воспоминание о первом в жизни походе в зоопарк. Бабушка никак не могла утащить девочку от вольера с тигром. Это был роскошный зверь. Шерсть на его брюхе была как снег, а на спине – как

огонь и уголь. Он валялся на траве в двадцати шагах от ограды и презрительно щурился на посетителей.

Полине ужасно хотелось потрогать его. Особенно то место на голове, откуда росли смешные круглые ушки.

– Бабушка, а зачем здесь две решетки? – спросила маленькая Полина.

– Потому что... – начала бабушка.

Стоящий рядом мужчина вскинул руку вверх, подзывая кого-то из своих.

В ответ на его движение тигр перекатился вперед, как огненная волна. Его ударило о прутья клетки. Решетка дрогнула. Страшный хриплый рык огласил вольер, взметнулась вверх оскаленная пасть.

Зверь буйствовал. Он бил лапой по прутьям и рычал.

Люди с криком шарахнулись назад.

– Господи! – ужаснулась бабушка. – Клетку сломает! Пойдем скорее, Поленька.

Но тигр уже уgomонился. Хлестнул себя хвостом и лениво вернулся на место.

– Поняла, зачем две решетки? – нравоучительно сказала бабушка. – Ох, страшилище.

Полина до вечера не могла прийти в себя. Ее испугала не ярость тигра, а та волшебная легкость, с которой он переместился из одной точки в другую. Рраз! – и вот он уже в двух шагах.

Схожее чувство девушка испытала и сейчас. От громилы исходила такая же угроза, как от тигра.

Зато «айтишник», кажется, вообще ничего не испугался.

– Купился! – обрадовался он.

– Ну, купился, – неохотно признал стриженный. – А ты стоял, как истукан.

– Потому что у тебя голые рефлексy. А у меня интеллект.

– Потому что у меня рефлексy, а у тебя реакция, как у трактора.

Оба скрылись за дверью. Полина перевела дух.

Не зря, не зря сомневался Ковальский, приглашать ли ему этих двоих.

– Лучше бы не приглашал, – пробормотала Полина.

– Вот и я так думаю, – согласились сзади.

На этот раз она вскрикнула от испуга. И обернулась к Василию, горя желанием высказать ему все, что накопело.

– Что за идиотская привычка...

Но водитель прервал ее:

– Чшшш! Слушайте.

Полина затихла.

Из приоткрытого окна доносились голоса. Разговор шел на повышенных тонах.

– Распекают, – с непонятым выражением сказал водитель.

– Кого?

– Анжея.

– Анжея?! – не поверила Полина. – Кто?!

– А вы как думаете? – саркастически поинтересовался Василий. – Эти. Частные детективы, черт бы их побрал...

Не добавив больше ни слова, он ушел парковать машину приезжих.

А Полина осталась стоять на тропинке, растерянно бормоча:

– Как частные детективы? Зачем частные детективы?

* * *

За шутку с драконом Ковальскому пришлось извиниться. Но и после извинений Сергей Бабкин смотрел на него неприязненно. Анжея предупреждали, что договариваться нужно с Илюшиным: он главный в этом тандеме. И утверждали, что парнишка далеко не прост.

Но Анжей и сам был не прост. Он заметил совсем не то, что увидела Полина.

Ковальский сразу понял, что парень старше, чем кажется. Лет на десять. А притворяется мальчишкой, потому что это выгодно. Кто недооценивает противника, тот всегда уязвим.

Ни обаятельная улыбка, ни напускное дружелюбие не обманули Доктора. Он понимал, что сидящий перед ним человек опасен. Куда опаснее, чем его помощник.

«Очень умен, хитер и скрытен, – охарактеризовал Илюшина человек, когда-то имевший с ним дело. – Врать ему не стоит: раскусит сразу. Злопамятен. Если пойдет по следу, будет копать до тех пор, пока что-нибудь не отроет. Говорят, у него феноменальная интуиция. Не знаю, не проверял... Но он профессиональная ищейка. Его можно нанимать, только если ты в самом деле хочешь добраться до правды».

Ковальский хотел.

– Итак, вы занимаетесь поиском пропавших людей, – сказал он.

– Живых людей, – уточнил Макар Илюшин.

– Но ведь если человек исчез, нельзя сказать, жив он или умер.

– Можно. С большой долей вероятности.

Анжей сдвинул брови, вспоминая, что ему рассказывали о работе Илюшина.

– Иногда вы делаете исключения, – напомнил он. – В две тысячи четвертом году вы работали с Евгенией Генриховной... Забыл фамилию.

– Гольц. Да, мы искали ее дочь.

– И вы были уверены, что она погибла. Но все-таки начали поиски.

– Вы хорошо осведомлены. Тогда должны знать, чем они закончились.

Анжей кивнул.

– Мне не совсем понятно, к чему вы ведете, – заметил Илюшин. – Вы уверены, что ваш помощник мертв, и хотите, чтобы мы занялись этим делом?

Ковальский покачал головой.

– Я не уверен, что он мертв. Я вообще ни в чем не уверен.

– Расскажите основное, – попросил Макар.

Сергей Бабкин вытащил из кармана блокнот и приготовился записывать.

– Около трех месяцев назад я взял себе помощника, управляющего хозяйством, – неторопливо начал Ковальский. – Попросту – эконома. До него у меня работала пожилая женщина, но она захотела вернуться к дочери в Киев. Мне пришлось искать замену.

– Его прислало агентство? – спросил Макар.

– Нет. Анатолий пришел по рекомендации моего старого друга, Давида Далиани. Он сейчас как раз гостит у меня. Давид охарактеризовал парня как исполнительного, неглупого и молчаливого.

– Последнее для вас особенно важно, как я понимаю.

– Да, это так. Анатолий проработал у меня чуть больше месяца. Он оказался хорошим экономом. Мне не к чему было придраться.

Макар Илюшин вскинул голову. Глаза его блеснули. В эту секунду Анжей Ковальский отчетливо понял, что имел в виду его знакомый, говоря про ищейку.

– Придраться? – понятливо повторил Илюшин. – Вот оно что.

Доктор выругал себя за невнимательность. Ясно ведь, что с этим сыщиком нужно быть начеку.

– Итак, он вам не нравился, – подытожил Макар. – Вы его терпеть не могли.

– Нет-нет! Вы ошибаетесь. Толя добросовестный и скрупулезный. Ненавязчивый. Уравновешенный. Идеальный эконом! Но я довольно замкнут и трудно привыкаю к людям. Мне просто не хватило времени, чтобы узнать его лучше.

«Врешь! Он тебя раздражал. Бесшумностью своей, кошачьими повадками. Непроницаемым розовым лицом. Услужливостью. Даже тем, что сиял здоровьем».

– О чем вы сейчас думаете? – неожиданно спросил Макар, наблюдавший за Ковальским.

– О том, что Толя производил впечатление очень здорового человека, – честно ответил Анжей. – Вылитый богатырь Алеша Попович. Знаете, румянец во всю щеку и кудри вьются надо лбом. Только низенький.

– Фотографии есть?

– Найдутся.

– И копия паспорта, – подал голос Сергей Бабкин.

Анжей послушно кивнул.

– При каких обстоятельствах он исчез?

Ковальский развел руками:

– Самое удивительное, что я не знаю! Дело было так: мы с моим помощником, Василием, уехали по делам на три дня. Толя остался здесь. Когда мы вернулись, его не нашли. Дом был открыт, но ничего не пропало – сюда редко заходят чужие. Часть его вещей исчезла, но многое осталось.

– Например?

– Книги, одежда... Что-то он взял с собой, например, зимнюю куртку. Но рубашки остались висеть в шкафу.

– А телефон, деньги?

– Телефон мы обнаружили в столовой, на подоконнике. Деньги исчезли.

– Обувь?

– Пропало все, кроме летних ботинок. Толя одевался довольно скромно, у него было не так много вещей. А, вот еще что: он любил в свободное время собирать кубик Рубика...

– И?

– Кубик я обнаружил в его комнате, в шкафу. Все было прибрано, никаких следов борьбы. Соседей у меня нет, в поселке его никто не видел. Дом оборудован сигнализацией, но тревоги не было.

– Я видел глазки камер, – вмешался Бабкин. – Если есть видеонаблюдение, то в чем проблема?

– Да нет никакого наблюдения, – с досадой сказал Анжей. – Камеры – обычные «обманки» для устрашения домработниц. Чтобы не заглядывали куда не следует.

– Жаль. А что с его машиной?

– Анатолий ходил пешком. Здесь есть рейсовый автобус, но он не

пользовался им в тот день.

– Откуда это известно?

– Мой помощник опросил людей.

– А вы ему доверяете?

Ковальский не задумался ни на секунду.

– Как самому себе, – твердо сказал он. – К тому же у Василия нет причин врать мне.

– Они дружили с экономом?

– Нет. Василий называл Анатолия скользким типом. Но он ко всем относится с подозрением. Если вы думаете, что Вася мог быть замешан в его исчезновении, то это исключено: он все время был со мной в той поездке.

– Я пока еще ничего не думаю, – вежливо сказал Макар. – Только собираю факты. Значит, вы вернулись и обнаружили, что дверь не заперта, а ваш эконом исчез. Вы уверены, что не было никаких следов борьбы? Взлома?

– Абсолютно.

– Хорошо. Значит, вы осмотрели дом, обошли сад...

– Не только сад, но и лес, – уточнил Анжей. – Было маловероятно, что мы найдем там Анатолия. Понимаете, он не мог выйти из дома, не закрыв дверь. Но Вася настоял, предполагая какое-нибудь дикое стечение обстоятельств. Наш осмотр ничего не дал.

– Чего и следовало ожидать, – заметил Сергей. – На что, интересно, рассчитывал ваш помощник? Что он надеялся найти?

Ковальский открыл рот, чтобы ответить. Но его опередил Макар Илюшин.

– Медведя, – сказал он. – Скорее всего, он хотел найти медвежьи следы.

Ковальский и Бабкин уставились на него: первый – с восхищением, второй – недоуменно.

– Примерно в то время в газетах мелькала новость о пропавшем старике, – объяснил Макар напарнику. – Старик жил на окраине села. Дочь заглянула к нему днем и обнаружила пустой дом. Улавливаешь сходство? Причину удалось установить довольно быстро, и как раз по следам. Медведь забрел на участок, напал на старика и уволок тело. Жуткий случай, о нем писали целую неделю.

– Как вы узнали? – недоверчиво спросил Ковальский. – В смысле, как вы узнали, что Василий руководствовался именно этим, когда потащил меня в лес?

– Из вашего рассказа следует, что эконо́м пропал около двух месяцев назад или чуть больше. У меня неплохая память на даты: я помнил, когда видел новость о медведе-людоеде. Ваш помощник – деятельный человек, раз он не поленился опросить людей в поселке. Он решил исключить «природный фактор».

– Зачем идти в лес? – нахмурился Бабкин. – Если медведь действительно забрался в сад, то возле дома все было бы в крови.

Анжей хотел ответить. И снова Макар опередил его.

– Так снег же выпал, – не задумываясь, сказал он. – Другой причины быть не может.

И пояснил, неправильно истолковав изумление в глазах Ковальского:

– В эти три дня был сильный снегопад. Поэтому ваш водитель и отправился в лес: если кровь и была, ее засыпало снегом. Он искал тело.

Анжей покачал головой. Илюшин с точностью восстановил все, что говорил и делал Василий.

Сыпал снег, сыпал, не переставая, как будто был январь, а не март, и Вася твердил, что давно нужно поставить нормальную ограду вместо изгороди. «Завалило же все к чертовой матери! – ругался он. – Вы со своими англофильскими замашками, Анжей Михайлович, живете в средней полосе России. Здесь снег восемь месяцев в году!»

Они действительно утопали в снегу. Был бы забор, никто не смог бы подойти к дому. А от живой изгороди только веточки торчали над крахмальным снежным одеялом.

– Вы связались с его родными? – спросил Илюшин. – Обратились в милицию? Его должны были искать.

Ковальский ощутил, что ступает на тонкий лед.

– О его родных я ничего не знаю, – медленно сказал он. – По-моему, Анатолий одинок. А в милицию я не обращался.

Илюшин с Бабкиным переглянулись.

– Я все понимаю, – заторопился Ковальский. – Это выглядит странно, согласен! Но я тогда решил, что Толя просто ушел!

– А летние ботинки оставил вам на память, – с пониманием кивнул Илюшин.

– И кубик Рубика тоже, – поддержал его Бабкин.

Ковальский в отчаянии всплеснул руками:

– Честное слово! Не знаю, как вас убедить!

– Например, сказать правду, – предложил Макар. – Хотя я не настаиваю. Это ваш интерес, а не мой.

Анжей потер вспотевший лоб:

– Правда состоит в том, что я был рад его уходу. Я не мог сказать про Анатолия ни одного дурного слова. Но лишь после его исчезновения я понял, как сильно он давил на меня.

– Он?

– Его присутствие, – поправился Анжей. – Я испытал такое облегчение, что мне не хотелось и думать о том, чтобы искать и возвращать его. Мы с Васей обыскали все вокруг, потому что предполагали несчастный случай. Но когда я убедился, что это не так, мне стало безразлично, куда пропал Анатолий и почему.

– Тогда я не понимаю, что заставило вас обратиться к нам сейчас.

– Если я скажу, что у меня нехорошее предчувствие, вы мне все равно не поверите?

Ответ сыщика стал для Анжея неожиданностью.

– Отчего же, – задумчиво сказал Макар. – У вас есть основания для нехороших предчувствий. Ваш эконо́м исчез при странных обстоятельствах. Кстати, вы уверены, что из ваших вещей ничего не пропало?

Ковальский замялся.

– Анжей Михайлович... – в голосе Макара Илюшина звучало предостережение. – Или вы рассказываете обо всем откровенно, или наш разговор не имеет смысла.

– Вы правы, – сдался Ковальский. – Нет, ничего не пропало. Но кто-то пытался забраться в одну из моих комнат, где я храню очень ценные вещи. Объективно их стоимость невелика, но для меня они важны. Я обнаружил следы взлома совсем недавно. Не сомневаюсь, что это дело рук Анатолия!

– Уверены, что его, а не той девушки, которая встречала нас?

– Абсолютно! Это не она, потому что ей нет смысла... – Ковальский сбился и закончил: – В общем, поверьте мне: Полина здесь ни при чем.

Макар помолчал, что-то обдумывая. Наконец он заключил:

– Значит, кто-то пытался забраться в комнату, где вы храните ключи. Любопытно...

Анжей вздрогнул: он ни словом не упомянул о ключах.

– Я хочу понять, чего вы ждете от нас, – продолжал Илюшин. – Потому что шансов найти человека, пропавшего два месяца назад, практически нет.

Тарас Воловик последние полчаса провел в библиотеке. Сначала он выбрал Кафку. Но первые же страницы убедили его, что ни один нормальный человек не будет это читать.

– Бред какой-то, – удовлетворенно пробормотал Тарас Иммануилович. – Притворяются! «Кафка, Кафка! Потрясающие книги!» Лжецы.

Воловик любил, когда жизнь подкидывала ему доказательства несовершенства окружающих. Если о каком-нибудь верном муже становилось известно, что он изменяет жене, Тарас Иммануилович расцветал, как роза. Услышав о том, что его коллега проиграл в казино все свое имущество, Воловик два дня пребывал в хорошем настроении. А когда тот же коллега попал в клинику лечения зависимостей, Тарас Иммануилович засветился от радости.

– А вы мне что говорили? – сладостно пенял он окружающим. – Что хороший человек Денис Грищук! Ну, полюбуйтесь на вашего Грищука. Где он теперь? Хе-хе-хе.

Тарас Иммануилович не переносил людей, которые были лучше его самого. Исключение составляло начальство.

В своих близких Тарас выискивал ущербность и культивировал ее, как садовник культивирует цветы. Женщины не задерживались рядом с Тарасом, потому что с ним они начинали казаться себе моральными инвалидами. Любимая фраза Воловика была: «Вы это делаете не потому, что вы добрые, а потому, что вы хотите такими казаться».

Однажды нашелся человек, который в ответ спросил Тараса Иммануиловича: «Какая разница, если результат одинаков?» Воловик возненавидел его от всей души.

Бросив Кафку, Тарас достал из другого шкафа книгу кулинара Похлебкина. Но и о еде не читалось. Он сел в кресло и поерзал, представляя себя хозяином этого дома.

Сидеть оказалось неудобно. Кресло подходило для худого Ковальского, но не годилось для толстого Тараса. К худым у Воловика были отдельные претензии.

– Тощие, потому что у них глисты, – бормотал он. – Или таблетки жрут, организм гробят. Идиоты.

Год назад в его отдел устроился мужчина лет пятидесяти, находившийся в прекрасной физической форме. Он занимался спортом, правильно питался, а зимой с наслаждением купался в проруби.

Тарас Иммануилович исстрадался, глядя на него. Живое доказательство того, что здоровый образ жизни приносит свои плоды,

ходило рядом с ним по офису. Доказательство не ело таблетки для похудения и не изнуряло себя диетами. Более того, оно счастливо жило в браке и воспитывало пятерых внуков.

И это было непереносимо. Тарас яростно жевал булочки и пытался найти изъян в своем коллеге. Рядом с ним Воловик ощущал себя человеком второго сорта.

Зависть точила Тараса до тех пор, пока коллега не уволился.

Тогда Тарас Иммануилович вздохнул свободнее. Но предпочитал думать, что в бывшем сотруднике все-таки скрывался какой-то порок. Просто он не был вовремя обнаружен.

Достоинства других людей Воловик ощущал как прямую насмешку над собой. Он – толстый, некрасивый, без друзей и семьи. А Денис Грищук синеглазый, общительный, веселый и пахнет «Фаренгейтом». Из всего этого списка Тарас мог повторить только «Фаренгейт».

У Ковальского Тарасу очень не понравилось. Дом был огромен, и при этом содержался в полном порядке. Тарас пытался найти пыль хотя бы на шкафу, не преуспел и расстроился. Прекрасный сад цвел и благоухал, повариха отменно стряпала. Придаться было совершенно не к чему!

Разве что к Кафке. Если хозяин держит его в своей библиотеке, значит, тоже притворщик и сноб. Пускает пыль в глаза, а сам наверняка не читает ничего, кроме желтой прессы!

Эта мысль несколько примирила Тараса с действительностью.

Он вспомнил, что видел где-то бильярд. Надо сыграть! Воловик подошел к двери, но услышал снаружи голоса и остановился.

– Какой в этом смысл? – спросил низкий, тяжелый голос. – Здесь не нам двоим работать надо, а целой следственной группе.

– Задача уж очень интересная, – ответил ему другой, легкий и насмешливый. – Из дома вышел человек с веревкой и мешком и в дальний путь, и в дальний путь отправился пешком.

– Макар, поехали домой, а? – попросил первый. – Нечего здесь ловить.

– У тебя есть хоть какие-нибудь версии произошедшего?

– А как же! Целых три!

Голоса стихли в глубине коридора, и Воловику не удалось узнать, что за версии и что произошло.

Он задумчиво почесал бородку. Следственная группа, значит... Так-так-так.

Крадучись, Тарас вышел из комнаты, не поставив Кафку на место.

Десять минут спустя в библиотеку заглянула Полина.

Она взяла за правило делать обход несколько раз в день. Всего трое

гостей – а хлопот от них, как от тридцати! Приходилось проявлять дипломатию пополам с настойчивостью, чтобы держать их в рамках.

Тарас Иммануилович, затаивший злобу с той секунды, как она назвала его Манулом Мануловичем, норовил облазить все углы в доме. Хотя Ковальский недвусмысленно сказал, что для гостей открыты лишь столовая, библиотека и бильярдная. И все равно вчера вечером Полина застала Воловика, гулявшего возле кабинета Анжея. Что, спрашивается, ему там понадобилось?

В ответ на замечание Тарас Иммануилович окрысился: он, мол, рассматривает картины! Что ж, может быть, и так. Только на двери кабинета нет никаких картин.

Вальяжный Давид Романович на правах старого приятеля тоже бродил где вздумается. А художница Ирма могла забраться по рассеянности на чердак и потом не помнить, как она туда попала. У Полины даже возникло предположение, что она выпивает.

Нет, без присмотра этих людей оставлять нельзя! И Полина бдила, добровольно взяв на себя функции охраны.

Вскоре выяснилось, что Василий делает то же самое. Почти все время он болтался в доме без видимой цели. Полина сталкивалась с ним на лестнице и в коридорах. Она натыкалась на водителя, сидящего на подоконнике или бездельничающего в бильярдной. Если экономка отсылала его с каким-нибудь поручением, он неохотно подчинялся. Но вскоре возвращался обратно.

Впрочем, вскоре Полина поняла, что Василий глаз не спускает с клиентов Доктора. Он знал, где находится каждый из них. Когда после Ирмы на чердак попытался подняться Давид, Василий возник из ниоткуда и бесстрастно сообщил, что наверху нет ничего интересного, а Доктору неприятно, когда нарушают его требования.

И самоуверенный Давид Романович отступил. Даже извинился от всей души. Василий улыбнулся одними губами, но глаза его смотрели холодно, недоверчиво.

Когда Далиани ушел, Полина спросила почему-то шепотом:

– Зачем ему туда?

Они стояли на ступеньках. Над ними виднелась узкая чердачная дверь.

Водитель посмотрел на нее с высоты своего огромного роста. Как всегда, Полине показалось, что он не удостоит ее объяснениями. Но Василий ответил:

– Во-первых, Давид не переносит ограничений. Давиду Далиани везде должна быть красная ковровая дорожка и распахнутые двери.

– А во-вторых?

– Во-вторых, он не может быть как все. Считает, что у него особый статус. Значит, ему должно быть позволено больше, чем остальным. Для него оскорбительно, что какой-то бабе дали подняться на чердак, а ему – нет.

– Но ведь он действительно в хороших отношениях с Доктором, – рискнула заметить Полина. – Когда они встретились, Анжей даже уговаривал его заезжать почаще...

Водитель рассмеялся:

– Так и сказал? А вы знаете, что в промежутках между «гостями» Анжей Михайлович вообще никого не принимает? С его стороны эта фраза – обычная любезность. И Давиду это отлично известно. Как-то раз он приехал без предупреждения с мясом для шашлыков. Ну а Доктор не пустил его дальше калитки. Давид орал так, что деревья тряслись в лесу. Кричал, что больше сюда ни ногой.

– Почему же он опять приехал?

– А что ему оставалось делать? Проорался – успокоился. Пару месяцев назад снова попробовал наведаться. У него проблемы с сыном, он был готов заплатить любые деньги, чтобы Анжей помог.

– А что Анжей?

– Отказал. Мы с ним на следующий день должны были лететь в Прагу, а Доктору свой интерес всегда дороже чужого...

Василий спохватился, что сказал лишнее, и помрачнел.

– А вообще-то это нас не касается. Это дело Доктора.

Он спустился на четыре ступеньки. Теперь они с Полиной стали одного роста.

– И вам не нужно в это лезть. Ага?

– Ага, – согласилась Полина.

Страшный рубец на его лбу притягивал ее взгляд. «Что же это была за травма, от которой остался такой след?»

– Это от осколка, – любезно объяснил водитель.

Полина торопливо заверила, что она ни о чем не спрашивала.

– Вы слишком громко думали.

И ушел, ступая бесшумно, словно кот.

Полина не стала спрашивать, от какого осколка. Что-то подсказывало ей, что вряд ли это была чашка.

Зайдя в библиотеку, Полина сразу увидела небрежно брошенную книгу. И рассердилась. Ковальский никогда не забыл бы ее так: на спинке кресла, раскрытую, переплетом кверху. Конечно, это сделал неряшливый

Воловик. Везде, где он был, оставались следы его пребывания. Словно Манул Манулович метил территорию.

Полина вернула бедного Кафку на полку. Взгляд ее упал на книгу Похлебкина, которой, на ее памяти, никто не пользовался.

И тут она ощутила, что хочет есть.

Обед закончился два часа назад, а Клару Ивановну она отпустила до ужина. Но на кухне стояла целая корзина красных яблок: сезон хурмы подошел к концу, и Василий перешел на другие фрукты.

Девушка спустилась вниз. Выбрав самое крепкое и крупное яблоко, она взяла нож, чтобы почистить его, но передумала и вонзила зубы в хрустящую сладкую мякоть.

Из мякоти брызнул сок, Полина приглушенно чихнула и не услышала, как открылась дверь в столовую. Она стояла возле окна, грызла яблоко и строила догадки о причине приезда частных детективов.

Поэтому голоса в столовой застали ее врасплох.

– Потому что только они могут помочь! – воскликнул Ковальский, продолжая какой-то спор. – Ты знаешь, чем занимается большинство частных детективов? Слежкой за неверными супругами. А эти ищут людей. И успешно!

Полина замерла с надкушенным яблоком в руке.

– Да нельзя его найти! – приглушенно рявкнул Василий. – Слишком много времени прошло! Раньше надо было рыпаться, понимаете? Раньше!

В другое время Анжей, ревнитель чистоты языка, не преминул бы сделать замечание водителю. Но не сейчас.

Он сказал устало:

– Хотя бы попробуем. Понимаю, что поздно, Вася, понимаю! Но я ведь как тогда решил? Нет человека – нет проблемы. А она есть, Васенька.

– Да где?! Все же нормально.

– Не знаю. Такое ощущение, что вот-вот где-то взорвется. А где – неизвестно.

– Сразу надо было идти в милицию, – хмуро бросил Василий. – Почему мы этого не сделали? М-м, Анжей Михайлович?

Девушка набрала воздуха, чтобы раскашляться посильнее. Самый верный способ дать понять Доктору и его помощнику, что они не одни.

– Потому что я не Анжей Михайлович, – печально ответил Ковальский.

Полина не сразу поняла, о чем он говорит.

– Что? – тихо спросил Василий.

– И даже не Ковальский.

– Что за бред?!

– Могу и третий раз повторить. Но ты ведь меня слышал.

Полина поймала себя на том, что стоит посреди кухни с открытым ртом. Ладони у нее вспотели.

Сжав яблоко с такой силой, что заболели костяшки пальцев, она отодвинулась за дверь и замерла. Господи боже ты мой, что творится в этом доме?! На кого она работает?!

«– Павел Андреевич, вы шпион? – Видите ли, Юра...»

В наступившей тишине испуганно скрипнул стул.

– Садись, – пригласил Ковальский. – Да садись же!

Молчание.

– Ладно, как хочешь. И не смотри на меня, как будто я матерый эсэсовец, сбежавший от трибунала. У меня были причины, чтобы взять другое имя. И чтобы держаться от милиции подальше. В конце концов, разве ты сам живешь под своим настоящим именем? Только не рассказывай, что до Легиона тебя тоже звали Василием Кузнецовым.

«До Легиона, – повторила про себя Полина. Кажется, она уже ничему не удивлялась. – Ага. Вон оно, значит, что. Можно было и раньше сообразить».

– Ну, со мной все сразу было понятно, – усмехнулся Василий. – Так что у нас с побегом от правосудия, штандартенфюрер?

– Не шути так, – попросил Анжей. – Это старая история. Я не говорил тебе – зря, конечно, но мне хотелось забыть обо всем этом. Почти получилось.

Полина услышала, как подвинули стул. Значит, Василий все-таки сел.

– Рассказывайте свою историю, – сказал он.

И вздохнул, как человек, который не ожидает услышать ничего хорошего.

– Много лет назад я отдыхал с любовницей на курорте, – начал Анжей. – Мы тогда жили в Польше. Она была взбалмошная, истеричная женщина, но очень привлекательная. Я бы сказал, чертовски притягательная. В ней было что-то от ведьмы. И от пиявки, потому что она присосалась ко мне и, кажется, даже одного дня не могла провести без меня. Ее внимание и злило, и радовало. Я по глупости считал, что это доказывает мою привлекательность.

– Как ее звали?

– Вика, – после паузы ответил Анжей, и Полина поняла, что женщину звали иначе.

– Вика, – с сомнением повторил Василий. – Ладно, Вика так Вика.

– Ты прав, ее звали не так. Но сейчас это не имеет значения. Мне до сих пор неприятно произносить ее настоящее имя. Так вот, осенний курорт. Там мы познакомились с одним из отдыхающих. Его звали Роберт. Ни до, ни после мне не встречался человек настолько разносторонне образованный и обаятельный. Свела нас, как ни странно, Вика: она обратила на него внимание и шепнула, что это единственный дельный индивидуум во всем курятнике. Она всегда выражалась несколько заковыристо. Но насчет Роберта оказалась абсолютно права. Вика отлично разбиралась в людях, несмотря на юность.

– Сколько ей было?

– Девятнадцать. Но она относилась к тем женщинам, которые из девочек сразу превращаются в дам. Девичьего в ней не было ничего. Мне это нравилось.

Знакомства на курортах завязываются легко. Два дня спустя мы уже ездили втроем на экскурсии. У нас нашлись общие темы для разговоров: я в то время увлекался нумизматикой, и он тоже; я изучал арабский – он был переводчиком с одного из редких диалектов. Короче говоря, мы быстро подружились. Смешно сказать, но мне больше нравилось проводить время с ним, чем с Викой. Я втайне жалел, что она всюду увязывается за нами. Надо отдать ей должное, она вела себя с Робертом очень мило. Никогда не вмешивалась в наши разговоры, только утихомиривала нас, когда мы спорили. А спорщиками мы оба были отчаянными. Схватывались на пустом месте и орали до хрипоты.

Конечно, на нас косились. Мы всюду ходили вместе и представляли собой прекрасный объект для сладострастных сплетен. Что делать отдыхающим, как не обсасывать других отдыхающих, точно пес сочную косточку! Об этом тоже рассказала Вика, посмеиваясь и упиваясь своим двусмысленным положением.

Мне нужно было насторожиться... Но что я понимал! Отдых был чудесен: и очаровательная женщина рядом, и новообретенный почти-что-друг. А сплетням я не придавал никакого значения. Кажется, забыл об этом сразу же, как только мы сменили тему разговора.

Василий снова вздохнул. И очень обыденно спросил:

– Как вы его убили?

– Отравил, – после паузы сказал Ковальский.

Полина беззвучно охнула и привалилась к стене.

– Небанально, – хладнокровно заметил водитель. – Но в вашем духе. Чем?

– Однажды между нами произошла стычка. Не помню причины спора,

но пошумели мы изрядно. К тому же все трое были пьяны. Роберт, едва держась на ногах, утверждал, что он никогда не пьянеет и сохраняет ясность мысли, сколько бы ни выпил. Я пытался высмеять его, но сам был посрамлен: язык у него не тупился от воздействия ракии и резал, как бритва.

Вот тогда-то в уме Вики и зародился план, которым она поделилась со мной, как только Роберт ушел.

Ей вспомнился жестокий и смешной розыгрыш, который она видела в какой-то передаче. Суть его заключалась в том, что проснувшийся человек обнаруживал себя в перевернутой комнате. Люстра торчала из пола, шторы висели карнизом вниз. Почти все, над кем проводился эксперимент, спросонья хватались за ближайшие предметы, чтобы не упасть: они думали, что оказались на потолке.

Конечно, реализовать такую идею нам было не под силу. Но Вика предложила устроить Роберту «чужой» номер: изменить интерьер так, чтобы, проснувшись, он не понял, где находится.

Ее страстно увлекла эта затея. Хохоча, она в лицах изображала, какое выражение будет у Роберта, когда он придет в себя после попойки. Понемногу ее азарт передался и мне. Хотелось и высмеять приятеля, и опустить с небес на землю. Вика расписывала, как бедный Роберт в панике вывалится из номера в коридор, а там его будем подстерегать мы. И чем дольше она говорила, тем сильнее я убеждался – нам необходимо раскрасить однообразную курортную жизнь. А что может лучше подходить для этой цели, чем розыгрыш!

Мы все подготовили. Вика запасла новую обивку для дивана: полосатый отрез, стянутый по краям на живую нитку. Мы собирались поменять картины в его номере, переставить мебель, подобрать шторы, чтобы окно смотрелось по-другому. Хитроумная Вика даже придумала, как сделать другой вид из окна: всего лишь несколько веток, закрепленных снаружи на подоконнике, меняли пейзаж до неузнаваемости.

Оставалась только одна загвоздка: несомненно, во время этих манипуляций Роберт может проснуться. Как бы пьян он ни был, нам не удастся передвинуть мебель, не разбудив его.

И тогда Вику осенила вторая гениальная идея. Снотворное! Я подсыплю Роберту таблетки, он уснет, и тогда нашему плану ничто не помешает.

Снотворное Вика взяла на себя. Врач прописывал ей что-то от бессонницы, у нее даже был с собой рецепт. Она заверила меня, что все рассчитала: дозировка чуть больше, чем у нее, чтобы хватило для

мужчины.

На подготовку ушла пара дней. Когда все было запасено, мы договорились с Робертом, что зайдем вечером и устроим у него маленькую дружескую попойку.

Но в назначенный день наш план пошел наперекосяк. Вике позвонила родственница, у которой что-то случилось, и моей подруге пришлось ехать в ближайший городок, чтобы перевести деньги.

Подумав, мы решили, что это не повод отказываться от нашего плана. Снотворное я могу подсыпать и один, а к ночи, когда Роберт отключится, Вика уже вернется и поможет мне.

Она согласилась. Итак, Вика уехала, а я отправился к Роберту.

До сих пор меня не оставляет в покое мысль: как я мог не проверить дозировку? Как мог положиться на взбалмошную женщину? Она клялась, что двадцать раз пересчитала дозу. Что ж, она двадцать раз ошиблась. Потому что через два часа после начала нашей проклятой вечеринки Роберт был мертв. И убили его таблетки, которые я растолок и всыпал ему в бокал.

– Что это был за препарат? – спросил Василий.

– Не помню. Даже не уверен, что посмотрел название. Таблетки как таблетки, в ярко-оранжевом блистере.

– Как он умер?

– Просто повалился на бок, дважды дернул головой – это выглядело неестественно и жутко – и застыл. На ноге у него нелепо задралась штанина. И когда я увидел эту штанину, меня будто обухом ударили по голове: я понял, что он мертв.

– Вы пытались что-нибудь сделать?

– Конечно! Искусственное дыхание, массаж сердца... Бесполезно. Все было кончено.

Ковальский замолчал. Целую минуту Полина не слышала ничего, кроме своего учащенного дыхания. Ей уже стало казаться, что он не заговорит. Но голос Анжея раздался снова.

– Потом в дверь постучали. Я чуть не заорал. Но это была всего лишь Вика, вернувшаяся из города.

– Она не сбежала?

– Нет! Поняв, что случилось, она действовала быстро и с поразительной выдержкой. Для начала унесла из номера Роберта все, что свидетельствовало о нашем присутствии. Протерла все, к чему я прикасался. Помыла бокалы. Положила Роберта так, как будто он спит, и раздела его.

Я наблюдал за ее действиями с тупым отвращением, ужасаясь, что она

прикасается к нему с деловитостью уборщицы. Когда она взяла меня за руку, я вырвался. Я понимал, что она пытается помочь, но ничего не мог с собой поделать.

Мы вышли из номера и вернулись к себе. Нас никто не видел – было около полуночи.

В комнате я сначала заметался, потом упал в кресло и попытался собраться с мыслями. Мне стало ясно одно: нужно звонить в полицию. Я должен был признаться! Что бы ни случилось дальше, молчать было нельзя.

Но Вика напала на меня с яростью кошки. Она шипела, что я сошел с ума и собираюсь погубить себя. Убеждала, что меня посадят минимум на десять лет, потому что я не смогу доказать, что это было убийство по неосторожности. Потом разрыдалась и обвинила меня в том, что я хочу погубить и ее тоже. Ведь лекарство в аптеке покупала именно она. Ее привлекают как сообщницу, а ей всего девятнадцать, она не хочет в тюрьму!

Под этим бешеным натиском я совершенно растерялся. Поняв, что я не пойду сдаваться, Вика тотчас успокоилась. Она собрала наши чемоданы, спустилась к портье и объяснила, что нам придется срочно уехать.

Мы расплатились, взяли такси до вокзала и через час уже неслись по шоссе... В направлении, противоположном вокзалу.

– Заметали следы?

– Верно. Рассвет мы встретили в маленьком городке за сотню километров от того места, где все произошло. Вика спала. Я стоял на балконе и курил одну сигарету за другой, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Наше бегство представлялось мне все более бессмысленным. Нас объявят в розыск, найдут, и нам не оправдаться. Зачем мы это сделали?! Но винить я мог только себя.

Я спустился вниз, купил утреннюю газету. Руки у меня дрожали, когда я разворачивал хрустящие страницы. Мне казалось, на первой же полосе будет новость об убийстве отдыхающего. Но в газете я ничего не нашел. Очевидно, тело еще не обнаружили. Я представил, как Роберт лежит в своем номере, неестественно вытянувшись, и мне стало так плохо, что пришлось сесть на землю.

Новостей не было ни в этот день, ни на следующий. Вика твердила, что нас не подозревают, что никто не свяжет наш отъезд со смертью Роберта. И в конце концов уговорила меня поехать к ее друзьям, у которых был домик на Балтийском море. Когда заканчивался сезон, они возвращались в город, а ей оставляли ключи.

– И вы согласились?

– Видишь ли, Васенька, она начинала приобретать надо мной власть, силу которой я еще не осознавал. Что-то в ее отношении ко мне поменялось, и я это чувствовал. Появилась деспотичная уверенность в том, что я буду делать все, что она захочет. Окончательно это стало ясно, когда мы переселились в домик на море.

Ковальский закашлялся.

– Воды, Анжей Михайлович? – озабоченно спросил Василий.

– Да, налей холодненькой.

Полина побледнела. Взгляд ее остановился на графине с водой, рассыпавшем солнечные зайчики на кухонном столе.

Из столовой донеслись шаги.

Полина за дверью превратилась в статую. Она перестала дышать и вжалась в узенькое пространство между стеной и дверью, пытаясь слиться с обоями.

Василий прошел мимо нее. Скрипнула дверца шкафа, тихо звякнул стакан.

Услышав звук льющейся воды, Полина в страхе зажмурилась. Все. Сейчас Василий обернется и увидит ее.

Секунда, другая, третья... Стоять, зажмурившись, больше не было сил, и Полина открыла глаза.

В кухне никого не было. Василий ухитрился бесшумно пройти мимо девушки, не заметив ее.

– Спасибо, Васенька, – сказал в столовой Ковальский.

Полина вытерла мокрый лоб.

– Значит, вы стали жить вместе?

– Да. Очень скоро я понял, что совершил чудовищную ошибку. Вика становилась невыносима. Она придумывала идиотские игры и заставляла меня участвовать в них, она таскала меня с собой повсюду, словно комнатную собачонку. Отказаться – означало вызвать у нее истерику. Несколько раз она в ярости визжала, что вытащила меня из тюремной камеры, а я – неблагодарная мразь. Иногда она казалась мне помешанной. Я поражался, что не замечал раньше, насколько она неуравновешенная.

– Почему вы не уехали от нее?

– Пытался. После очередного ее припадка я сказал, что нам нужно поговорить. Объяснил, что мне тяжело с ней, что я хочу пожить один. Она слушала меня с окаменевшим лицом. Я боялся новых рыданий, но Викин ответ показал, насколько я ее недооценивал.

«Только попробуй бросить меня, и я тебя выдам, – предупредила она. – Не думал же ты, что я стану хранить твою тайну? Ты убийца, и все узнают

об этом».

«Что ж, – ответил я, – выдавай. Давно нужно было это сделать. Я сам во всем признаюсь».

Когда она услышала это, по губам ее пробежала улыбка. Я не понимал, чему она улыбается, но у меня мурашки побежали по коже. Я не самый трусливый на свете человек, Вася, но эта женщина меня пугала.

«Признаешься?! – повторила она, смеясь. – В чем же? В том, что ты убил его из ревности? Я дам показания, что изменила тебе с ним и ты задумал убийство. Ты выпросил у меня снотворное и подсыпал ему. Я не догадывалась, что ты собираешься делать, и доверчиво отдала тебе таблетки».

Я онемел. А она расхохоталась, глядя на мое лицо.

«Ты убил его, а меня использовал! Двадцать человек подтвердят, что в тот вечер я была в городе. Другие двадцать докажут, что вы постоянно ссорились. Или ты забыл, как вы орали друг на друга? Как чуть не подрались, а я разнимала вас?»

Это была ложь. Но я вспомнил ход событий и понял, что именно так все и будет истолковано.

«Ты заставил меня уехать с тобой, шантажировал тем, что таблетки принадлежали мне. О, я только обрадуюсь, когда ты пойдешь в полицию! Наконец-то у меня появится возможность рассказать все, как было. И, клянусь тебе, я это сделаю».

Я спросил, зачем ей это нужно. Просил отпустить меня, нес какую-то чушь. Она слушала меня, как мать слушает капризничающего ребенка. Ей уже было понятно, что я никуда не денусь. Что она выиграла.

Ночью она снова плакала, цеплялась за меня и клялась в любви. Стонала, что не сможет жить, если я уйду, что ей никто не нужен, кроме меня. Я гладил ее по голове с таким чувством, будто глажу змею. Знаешь ли, они приятные на ощупь. Но от этого не становятся менее ядовитыми.

– Только не говорите мне, что вы и ее убили, – попросил Василий.

Анжей глуховато рассмеялся.

– Нет, мальчик мой. Я поступил куда умнее. Я убил себя.

От изумления Полина выпустила из пальцев яблоко. Попыталась подхватить его – но не успела: яблоко упало на ее туфлю, мягко отскочило и выкатилось на середину кухни.

Полина прикусила губу.

Но в соседней комнате яблоко, кажется, не заметили.

– Как вам это удалось?! – озадаченно спросил Василий.

– О, это было нелегко! Я перебрал сотни вариантов, прежде чем

остановился на одном. Неподалеку от того места, где мы жили, была скала. Не очень высокая, но крутая. Она торчала из берега, как игла, и море под ней всегда было белым от бурунов. Местные рыбаки обходили ее далеко стороной, и даже в спокойную погоду не находилось смельчаков купаться внизу.

Во время одной из наших прогулок я увидел эту иглу другими глазами. Заметил острые камни, торчавшие из воды, и заросшую тропинку, по которой можно было подняться на самый верх. План сложился в моей голове сразу же. Но не хватало еще одного человека, чтобы он помог мне осуществить его.

Я нашел помощника среди рыбаков. Не буду говорить, сколько я заплатил ему. Но это было все, что я тогда имел. Старик согласился мне помочь: он думал, что я хочу сбежать от опостылевшей жены. Что ж, в какой-то степени так оно и было.

Наступил ветреный и пасмурный день. Мы с Викой отправились на прогулку, дошли до скалы. Старый рыбак, сидевший на берегу, завел разговор с Викторией. И пока они болтали, я сказал, что хочу забраться наверх. К вершине с другой стороны скалы вела тропинка, и по ней-то я и отправился, помахав моей подруге на прощанье.

Через пятнадцать минут я уже был на самом верху и перевесился через каменистый край, крича во все горло. Они меня слышали. На их глазах я встал, поднял руки... А затем меня буквально сдуло порывом ветра в море, в ту сторону, где они не могли видеть, как я лечу вниз.

– Вы в самом деле упали?

– Конечно, нет! Мои шансы на спасение в ледяной воде были ничтожны. Я спрыгнул на крохотную площадку в трех метрах ниже вершины. Мне пришлось заранее облазить всю скалу с риском для жизни, прежде чем я обнаружил ее и убедился, что камни выдержат мой вес.

Как я и ожидал, Вика бросилась наверх. А рыбак прыгнул в лодку и поплыл к месту моего предполагаемого падения. Все это время я сидел, спрятавшись под нависающим каменным карнизом, и молился, чтобы эта женщина меня не обнаружила.

Удача была на моей стороне. Меня не нашли. Запыхавшийся рыбак вернулся час спустя и рассказал собравшейся толпе, что мое тело понесло в открытое море. Сказал, что греб за мной из последних сил, но штормовой ветер оказался сильнее. Старик испугался, что сам погибнет, и возвратился, оставив мой искалеченный труп в суровых волнах.

Конечно, меня искали. Но море есть море. Оно может съесть свою добычу так, что не останется ни крошки. Я боялся, что на дознании старик

не сможет солгать, но он оказался крепким орешком. Десять лет спустя он еще был жив и рассказывал всем желающим его слушать, как героически пытался вытащить мое тело из воды. Иногда его рассказ заканчивался тем, что ему это удалось и меня похоронили на городском кладбище. Я с особенным удовольствием выслушал эту версию, когда побывал в тех местах. Хотел попросить, чтобы мне показали могильный камень, под которым я лежу... Но потом решил не рисковать.

– После этого вы сменили имя?

– Да. Взял похожее на настоящее. Все-таки я наполовину поляк, и мне хотелось оставить привычное звучание. Нашелся человек, который помог с легализацией. Вот когда пригодился мой разнообразнейший круг знакомств! Я смог выбраться из страны, много путешествовал, пока не осел здесь. Остальное ты знаешь.

– И вы никогда больше не видели ту женщину?

– Никогда! И слава богу. Я пытался осторожно наводить справки, но ничего не смог узнать. Где она сейчас, жива ли – мне неизвестно.

Ковальский поднялся и отошел к окну. Голос его зазвучал тише и глуше.

– Теперь ты понимаешь, почему я не обратился в милицию и не собираюсь этого делать? Следователь начнет проверять меня. Он просто обязан разглядеть под лупой всех, кто общался с Анатолием. А я не могу позволить, чтобы кто-то рылся в моей биографии. Раскопки могут завести слишком далеко.

– А сыщики?

– А что – сыщики? Им все равно, кто я такой.

– Они ограничены в возможностях. Они не могут объявить человека в розыск, например.

– Не могут, – со вздохом согласился Ковальский. – Но выбирать не приходится. Они еще не согласились, кстати говоря.

Он помолчал и добавил:

– Ты, наверное, хочешь узнать мое настоящее имя...

– Мне незачем его знать, – грубовато оборвал его водитель. – Не говорите ерунды, Анжей Михайлович. Пойдемте, эти двое вас заждались.

Когда голоса стихли, Полина выбралась из своего убежища. Она пыталась переварить рассказ Ковальского. Но чувствовала себя так, будто в ее голове кто-то мешает половником теплую кашу.

«Это было не настоящее убийство. Это было случайное убийство».

Но он сбежал! Он не пошел в полицию.

«Он испугался. Я бы тоже испугалась».

Он инсценировал свою смерть!

«Да, правда. Но это не слишком серьезное преступление».

И кстати о смерти... Так что же случилось с бывшим экономом?

Полина посмотрела на яблоко и нервно сглотнула. Есть расхотелось.

Глава 7

Ирма Ахметова обрывала лепестки у роз, стоящих в вазе. Их принесла новая помощница Анжея. Она так мило краснела... Если бы Ирма стала ее писать, то использовала бы бело-розовые тона. В розовом цвете и наивность, и нежность, и мечта. Она бы взяла не инфантильный кукольно-розовый, а с оттенком лаванды. Не леденец, а цветок.

Но она не будет ее писать. Славная девочка, но ничего особенного. Ирме нравились заостренные печальные лица. Ломаные черты, болезненность, хрупкость ангела, оставшегося без крыльев. Так выглядит Стивен. Стивен, любовь моя, живущая на берегу моря, с глазами цвета волны, с кожей цвета песка. Он бездельничает, бродит по берегу, кидает камешки в воду. Думает о ней.

Анжелика, увидев его фотографию, поморщилась и сказала только: «Фу, какой морщинистый». А Ирма не замечала морщин. Вообще. Она даже не думала о том, что у Стивена есть возраст.

Шелковистые лепестки падают на стол один за другим. Одна роза, вторая, третья... На четвертой Ирма спохватилась.

Три голых сердцевинки смотрелись жалко среди богато одетых цветов. Зачем она это сделала?

Ей все время хочется что-нибудь рвать и резать: ткань, бумагу, лепестки цветов. Ирма знала, что это невроз. Ковальский прямо сказал в прошлый раз, что он не волшебник, что нужен врач. Но Ирма боялась таблеток.

И еще она боялась звонков.

Какое прекрасное было время, когда люди жили без сотовых телефонов! А сейчас плоские коробочки стали непременным спутником каждого человека. Невозможно уйти без телефона, тебя не поймут и осудят. Ты же взрослый человек, ты должен быть всегда на связи.

«На связи». Ирме слышалось: «Ты должен быть связан». Связан, притянут десятком длинных невидимых нитей к своим родным, знакомым, начальству. Нить прочна. Ее натяжение не ослабевает, куда бы ты ни отправился. Есть определенный парадокс в том, что чем дальше ты находишься от звонящего, тем прочнее обвивается вокруг тебя несуществующий телефонный провод.

«Почему я не могла до тебя дозвониться? – Потому что я оставила телефон дома. – Не смей так больше делать!»

Почему не сметь? Почему?! Она не ребенок, не больной, не врач. От нее не зависят людские жизни. Почему она не может раз в жизни выйти из дома без телефона?!

Со Стивеном телефон был не нужен. Он писал ей письма. Каждый день электронная почта приносила краткие сообщения.

12. 04. «Сегодня я видел чайку, похожую на тебя. Она пыталась отобрать у меня кусок хлеба. Помнишь, как ты отнимала у меня хлеб, когда мы ходили к Бойлу? Кстати, он добавил в меню булочки с корицей».

13. 04. «Прости, что я сравнил тебя с чайкой. Это было глупо. Я забыл, что ты их не любишь».

14. 04. «Но булочки у Бойла самые вкусные на всем побережье».

15. 04. «Я набрел на морскую звезду на берегу и бросил ее в море. Я назвал ее в твою честь. Теперь в океане будет звезда с твоим именем. Главное, чтобы ее кто-нибудь не съел. Ты не знаешь, кто-нибудь питается морскими звездами?»

16. 04. «Сегодня я нашел еще одну морскую звезду. И тоже назвал ее твоим именем. Ты не сердишься?»

17. 04. «Сегодня встретил медузу. Но у нее уже было имя: Цианея. Я бы переименовал ее, но она отказалась и даже обожгла меня».

18. 04. «Ты не будешь мне отвечать?»

19. 04. «Я знаю, что ты читаешь мои письма. Не отвечай. Но я выяснил, что морских звезд никто не ест. Можешь не беспокоиться».

Ирма не отвечала. Но каждое утро, едва проснувшись, открывала почту.

В начале мая он перестал писать.

Телефон зазвонил. Ирма ждала этого с той минуты, как вышла из машины возле дома Ковальского. И все равно вздрогнула. Нервно провела рукой по горлу, словно пытаясь ослабить обвившийся вокруг шеи телефонный шнур.

– Алло.

Нежный голос обрадованно отозвался:

– Алло! Привет, моя радость! Куда ты исчезла?

– Привет! Я здесь, милая, никуда не пропадала.

– У тебя домашний не отвечает.

– А я не дома. – Ирма через силу улыбнулась, чтобы прозвучало весело.

– Правда? А где?

Она попыталась отбиться:

– Дорогая, может у меня быть личная жизнь? Женщина в моем

возрасте может позволить себе ночевать не дома.

Но Анжелика уже насторожилась.

– Я чего-то не знаю о моей сладкой девочке? – проворковала она. – У нас мужчина?

– Не у нас, а у меня, – не удержалась Ирма. – Да, мужчина. И я сейчас у него.

Молчание в трубке. Молчание, молчание, молчание, молчание. Анжелика взвешивала, может ли это быть правдой. Может ли у ее старой, толстой, некрасивой сестры завестись любовник.

Ирма закрыла глаза, остро желая, чтобы ей поверили.

– Врешь, – пронзительно сказала Анжелика. – Кого ты хочешь обмануть? Ты у своего мошенника! Опять попалась на его удочку?

– Боже мой, ну о чем ты говоришь?!

– Ты знаешь, о чем! – отрубил Анжелика. – Я помню, какой ты вернулась два года назад. Это секта. Он прокрутил твои мозги через мясорубку. А теперь ты опять поехала к нему! Господи, Ирма, какая же ты дура!

Ирма напомнила себе, что должна быть терпеливой.

– Поверь мне, он не имеет никакого отношения к секте, – мирно сказала она. – Это просто врач, использующий нетрадиционные методы лечения.

– Деньги он выкачал из тебя вполне традиционные.

– Это обычный гонорар хорошего практика. Но он мне помог.

– Помог?! Ты чуть не бросила нас. Ирма, они все с этого начинают! Сначала ты порываешь с родными. Потом отдаешь ему квартиру и идешь в монастырь. Этот человек зомбирует тебя! Неужели это все из-за твоего Стивена?

– При чем здесь он?

– Тебе нужно уехать оттуда немедленно. Я прошу тебя, не отказывайся от нашей помощи!

– Анжелика, дорогая моя... – Голос Ирмы был мягким, как шелк. – Я уже большая девочка. Поверь мне, я разберусь. Все будет хорошо.

– Ирма!

– Анжелика, давай закончим этот разговор. Я все решила. Теперь расскажи, как у тебя дела на работе.

Спокойно, спокойно... Все правильно. Без злости, без криков, и в конце обязательно перевести разговор на ее дела. Пусть теперь Анжелика отчитывается, а не она. Так учил ее Ковальский.

Но на этот раз его советы не помогли.

– Если так, у меня нет выбора, – жестко сказала Анжелика. – Я звоню маме.

Ирма побледнела.

– Не надо!

– Меня ты не слушаешь. Я не могу спокойно смотреть, как тебя засасывает в эту трясику. Может, хоть мама с папой смогут что-то сделать!

– Анжелика, я запрещаю тебе звонить им!

– Пусть знают. Имеют право!

– Подожди! Послушай...

Еще пять минут она уговаривала сестру. Хотя понимала, что снова проиграла. Она сдалась в ту секунду, когда Анжелика упомянула родителей.

– Приезжай и убедись, что Ковальский – не мошенник и не сектант! – от безысходности предложила Ирма.

Анжелика неожиданно задумалась.

– Поговори с ним, Анжела! Я попрошу его разрешить тебе пожить здесь пару дней. Уверена, он не будет против.

– И что потом?

– Если ты скажешь, что он обманщик, то я уеду с тобой.

– Обещаешь?

– Честное слово, – с облегчением выдохнула Ирма.

В трубке хихикнули.

– Ты ж моя прелесть, – пропела Анжелика. – Ты моя лапушка! Я примчусь завтра. Позвони мне вечером и скажи, куда ехать.

– Да-да, – согласилась обессиленная Ирма.

– Люблю тебя!

– И я тебя тоже.

Положив телефон, Ирма тяжело поднялась, чувствуя себя очень старой.

Нужно найти Анжею.

* * *

Когда родители Ирмы и Анжелики окончательно осознали, что их старшая дочь талантлива, они обрадовались. Ирма прекрасно рисовала, ее работы получали первые места на всех выставках. В пятнадцать лет девочке доверили проиллюстрировать книгу сказок Андерсена. И книга тоже получила премию – в Дании и в России. Все было хорошо и чудесно.

Но родители не только обрадовались, но и обеспокоились. Их младшая дочь, Анжелика, ничем не выделялась. Она нормально училась в школе, но и только. Вторым ребенком рос самым обыкновенным, совершенно не примечательным.

Само по себе это не было плохо. Но это было плохо с учетом способностей старшей сестры.

Ирму хвалили. Ирму награждали. Известная художница еще старой советской школы взяла девочку под свою опеку. Про Ирму говорили, что она умница и талант, что у нее свой взгляд на мир. Про нее писали в журналах.

Про Анжелику не говорили ничего. Не фотографировали для газеты. И съемочная группа воскресной утренней передачи приезжала в гости к Ахметовым не ради нее, а ради старшей сестры.

Мама и папа желали добра обеим своим дочерям. За Ирму можно было не беспокоиться. Но что делать с младшей? Как жить девочке, которая все время находится в тени своей сестры?

«Она будет закомплексована и несчастна», – сказала мама. «Она будет считать себя человеком второго сорта», – согласился папа.

И они решили: если вышло так, что одному дано от природы многое, а другому – не больше обычного, это нужно как-то уравновесить.

Родители поговорили с Ирмой. Они объяснили ей: кому многое дано, с того многое и спросится. Раз вышла такая жизненная несправедливость, что у девочек разные способности, старшая должна помогать младшей.

К концу разговора Ирма уяснила одно: она виновата в том, что умеет рисовать. Родители, кажется, за что-то сердились на нее.

Если бы на месте этой девочки был другой подросток, самостоятельный и волевой, затея родителей с треском провалилась бы. Но Ирма, чувствительная и ранимая, очень любила своих родных. Мама с папой сумели вбить в ее голову простую мысль: если Анжелике плохо, то виновата в этом старшая сестра. И девочка принялась изо всех сил искупать вину перед младшей.

Родители вносили свою лепту. Если Ирма выигрывала конкурс, они принимались хвалить Анжелику и компенсировать нанесенную ей травму. Ведь та наверняка расстраивалась, осознавая свою бездарность!

Если Ирму награждали, приз делился пополам. Иногда он доставался Анжелике целиком, потому что у старшей и так была радость победы. А что у младшей? Хотя бы материальное утешение.

Поддерживая младшую дочь, родители незаметно забыли о том, что старшей тоже нужна поддержка. Со стороны казалось, что Ирме все дается

легко. Но она, как вол, тащила на себе груз вины за свой талант.

Анжелика росла в полной уверенности, что Ирма позаботится о ней лучше всех. И это было справедливо. Ведь у Ирмы способности! А что у нее?

В девятнадцать лет Анжелика переехала в другую страну и попыталась жить самостоятельно. Но спустя всего год вернулась.

И больше не выпускала протянутую руку старшей сестры.

Изредка она устраивалась на работу. Каждая попытка оканчивалась неудачей и моральной травмой. Начальник оказывался негодяем. Коллеги подсиживали Анжелику. И снова приходилось возвращаться домой, горюя о том, что у нее нет способностей. Иначе она рисовала бы себе пейзажики в мастерской и не думала о куске хлеба.

Ирма выслушивала это и уходила, стыдясь самой себя. Того, что у нее есть мастерская. Что не нужно бежать к восьми на работу, терпеть мерзавца начальника и подлых коллег.

Она осторожно предложила Анжелике деньги и была счастлива, когда сестра приняла их. Как-то само собой вышло так, что Ирма стала ежемесячно переводить на ее счет некую сумму. Этой суммы Анжелике хватало, чтобы не работать.

Но на поездки и отдых денег было мало. Тогда Ирма стала брать сестру с собой. У нее часто проходили выставки в разных странах. Нелепо даже подумать, что она будет гулять по Флоренции, пока сестра сидит в пыльной Москве! Ирма с Анжеликой ездили вдвоем и отлично ладили друг с другом. Родители были счастливы, Анжелика тоже. А Ирму не терзали муки совести.

Первый большой скандал случился, когда старшая сестра захотела выйти замуж.

Ее избранник резко не понравился Анжелике. Маленький, плюгавенький, лысый... Ничтожество, а не мужчина.

Ирма любила маленьких мужчин и сказала об этом сестре. Та притихла. Но за неделю до свадьбы принесла Ирме неоспоримые свидетельства измены ее жениха: фотографии, сделанные частным детективом.

Ирма плакала, Анжелика тоже. «Пойми, я забочусь о тебе, – говорила она сквозь слезы. – Я не хочу, чтобы ты была несчастна! Он тебя не стоит, дорогая моя!»

Брак расстроился.

Второй раз вышло еще хуже. Ирма мечтала об Англии. Дважды побывав в этой стране, она не могла выкинуть из головы мысли о ней. И

однажды осторожно заговорила о переезде.

«А как же мы?» – потрясенно спросила Анжелика.

«Вы будете приезжать ко мне, а я к вам», – ответила Ирма.

«Значит, ты хочешь нас бросить?!»

Не слушая оправданий сестры, Анжелика кинулась к родителям.

Ирма так никогда и смогла узнать от матери, что Анжелика рассказала им. Но отца увезли в больницу с инфарктом, а спустя всего два дня и мама слегла с сердечным приступом.

Ирма металась по больницам, проклиная себя. Родители плакали и умоляли ее не уезжать.

Разумеется, она осталась.

* * *

В коридоре Ирма столкнулась с экономкой.

– Полина, вы не видели Анжея?

Девушка взглянула на нее диковато, будто Ирма спросила про черта. Но пробормотала, что он должен быть в кабинете.

– Спасибо.

– До вечера, – невпопад ответила экономка и побрела к лестнице, кажется, плохо соображая, куда идет.

Ирма удивленно посмотрела ей вслед. Что случилось с деловитой, энергичной Полиной?

Анжей действительно был в кабинете. И тоже выглядел не так, как обычно. Будь Ирма чуть наблюдательнее, она заметила бы, что Доктор не на шутку встревожен.

– Ключа пока нет, – предупредил он. – Сначала нам с вами нужно будет побеседовать. Завтра... Наверное, вечером.

– Нет-нет, я не за этим.

Ирма объяснила свою просьбу, со страхом думая, что Ковальский может и отказать. Он известен своими странностями и причудами. Но ей так нужно, чтобы Анжелика побывала здесь!

– Да-да, пусть приезжает, – кивнул Доктор, не выходя из задумчивости. – Я скажу Полине, чтобы она приготовила комнату.

Ирма просияла.

– Спасибо, дорогой Анжей!

– Я рад помочь вам, моя милая.

Если бы кто-нибудь сказал Ирме, что ее просьба испарилась из памяти

Ковальского в тот же миг, как за ней закрылась дверь, художница бы очень удивилась.

Ужинали опять прежним составом. Два новых гостя, о которых никто ничего не знал, уехали в город по своим делам. Давид Романович осведомился у Полины, стоит ли их ждать обратно. Но Полина не знала, зачем и куда уехали сыщики. Она подозревала, что они вернутся, но сообщать об этом Давиду не стала.

Впрочем, ее это мало беспокоило. Все мысли Полины были о подслушанном рассказе Анжея. И еще о загадочном исчезновении эконома.

Она так глубоко задумалась, что очнулась только в середине светской беседы.

– Этюд с артишоками! – глубокомысленно изрек Далиани. – Я видел работы Савичева на прошлой выставке. Это фантастика, что он творит с ними.

Полина уставилась на него. О чем он говорит? Какие артишоки?

Из дальнейшего разговора стало ясно, что речь идет об известном художнике. Который построил целую концепцию вокруг артишоков.

– Символ! – соловьем разливался Давид Романович. – Что-то чрезвычайно далекое от российской повседневности! А как звучит? Ар-ти-шок! Шок – слышите, да? Чувство, которое испытывает любой человек, столкнувшись с этим не то плодом, не то цветком. Это метафора встречи с чуждой культурой. Как ее готовить? Как варить? Подойдет ли она нашему организму, привыкшему к репе и картошке?

Ирма внимала. Тарас Иммануилович заинтересованно жевал тефтельки.

– Вам не кажется, что все это полная чушь? – вдруг спросил Воловик, на секунду забыв про тефтели.

– Кажется, – басовито рассмеялся Давид. – Но в этом-то и заключается самое интересное. Ведь Савичев действительно талантлив. Зачем ему это заигрывание со зрителем? По-моему, он просто издевается над нами.

Ирма встрепенулась:

– Ну вот, артишоков захотелось! Я их обожаю. Это вы виноваты!

– Готов искупить!

– Поздно. Вы уже зародили во мне желание подражать Савичеву. Вам нет прощения.

Далиани с Ахметовой продолжали подшучивать друг над другом, а Полина незаметно достала из кармана блокнотик и поставила пометку. Надо завтра с утра съездить с Василием на дальний рынок и купить артишоки.

Полина от всей души хотела порадовать художницу. Сегодня она столкнулась с ней в коридоре и снова поразилась застывшему страданию в ее глазах. «Хоть бы Анжей ей помог, – подумала девушка с жалостью. – Похоже, у нее какое-то несчастье... Обязательно привезу ей завтра артишоки».

* * *

Ночью Полина спала плохо. Ей казалось, что кто-то бродит по дому. Скрипели полы, часы тикали громче обычного, словно пытаются докричаться до хозяев. Один раз ей послышался звон колокольчика, но звук тут же смолк.

К тому же поднялся ветер. Принес на хвосте шум рассерженного леса и свалил его возле дома: слушайте, бойтесь! Вот деревья машут ветками, словно дерутся, и слышен звук лиственных оплеух. Вот раскачивается и горестно хнычет сосна. А вот и вовсе что-то непонятное: темный гул, идущий из самой глубины земли, из-под травы и корней.

Не выдержав, Полина взяла фонарик и отправилась в ночной обход.

Спящие зеркала от его света с трудом просыпались. И не Полина отражалась в них, а расплывчатое пятно. Стоило ей отвести фонарь, как зеркала облегченно закрывали глаза.

Часы встречали ее оглушительным тиканьем.

Ночь – время часов. От полуночи до рассвета они делают с минутами что захотят. Хотят – гонят, подхлестывая стрелками: давайте же, скорее, торопитесь! Тогда ночь пролетает, как один час. Хотят – затягивают время, завязывают его в узлы и петли, наматывают на циферблат, будто нить на катушку. Минуты тянутся, тянутся, тянутся бесконечно. Это время самой тяжелой бессонницы.

Полина заглянула в библиотеку. Ее любимые напольные часы приветственно сверкнули медью маятника.

– Здесь есть кто-нибудь? – негромко спросила Полина, водя фонариком по углам.

Ей показалось, что часы замешкались. Медленно, словно капли воды из незатянутого крана, упало: «Тик. Так. Тик. Так».

– Здесь был кто-нибудь? – шепотом спросила Полина.

Опустила фонарик – и прислушалась.

Тик-так-тик-так-тик-так! – прострекотали часы. «Был-был-был-был», – услышала Полина.

«Теперь спросить бы их, куда ушел и зачем приходил».

Полина поклялась бы в эту минуту, что в библиотеку и впрямь кто-то заглядывал до нее.

«Ну и что? Заходил, взял книгу и ушел. Ты ведь не спишь – и кому-то из гостей не спится».

Может быть, может быть... В одном девушка была твердо уверена: здесь был не Ковальский.

– До свиданья, – прошептала она часам.

Пусть это смешно и нелепо, но она попросается с ними.

В ответ часы глубоко вздохнули – и выдохнули:

– Донннн!

Стрелки вытянулись вверх, отдавая честь.

– Донннн!

Воздух задрожал и поплыл от звона.

– Донннн!

Полночь.

Часы во всем доме откликнулись. На разные голоса: басом, звонко, хрипло – они начали отбивать двенадцать ударов.

Как только звон стих, послышался стук закрывшейся двери. Кто-то все-таки бродил по дому. И Полину не покидала уверенность, что это не хозяин.

Она выключила фонарик и прокралась в коридор. Кто расхаживает по первому этажу? Может, проголодавшаяся Ирма спустилась в столовую? Заскучавший Давид Романович решил сыграть сам с собой партию в бильярд?

И в бильярдной, и в кухне никого. Полина даже заглянула за дверь, где подслушивала разговор Доктора с водителем. На стене, испуганный светом, затаил паучок, растопырив ломкие ножки.

Полина вздохнула и выключила фонарь. Все ей показалось. Шумно, ветрено, вот и чудится всякая ерунда.

Шаги! На этот раз точно шаги у входа в столовую! У Полины был острый слух. Она могла поклясться, что кто-то прилагает все усилия, чтобы его не услышали.

На цыпочках, как балерина, девушка добежала до двери. Выглянула...

И луч фонаря ослепил ее. Длинная тень метнулась навстречу, чьи-то пальцы обхватили горло. Полину прижало к стене, она стукнулась затылком и выронила фонарик.

«Все, – успела подумать ослепшая Полина. – Конец».

Обидно было не столько умирать, сколько умирать так глупо, не зная,

чьи грубые пальцы сжимают ее шею.

Она не успела даже пискнуть, как вдруг свет погас, и она почувствовала, что ее больше никто не держит.

– Дьявол вас раздери! – шепотом прорычал знакомый голос. – Какого черта вы здесь делаете?!

В глазах ослепшей Полины еще плясали желтые пятна. Она не видела ничего, кроме смутного силуэта перед собой.

– Вы? – просипела Полина. – Вы меня чуть не задушили!

– Не преувеличивайте. Я даже не пытался.

Пятна растворились, и в темноте Полина разглядела водителя в джинсах и широкой черной футболке. В этом камуфляже он почти сливался со стенами.

Пережитый страх вдруг накрыл ее волной. Глаза наполнились слезами. Она шмыгнула носом, чувствуя, что вот-вот разревется.

– Спокойной ночи, – сдавленным голосом пробормотала Полина.

Она собиралась уйти. Как вдруг крепкие пальцы бережно обняли ее руку чуть повыше локтя.

– Простите, – мягко сказал Василий, не отпуская ее. – Я не хотел вас пугать. Думал, это один из них.

Полина изумленно взглянула на него. От неожиданности даже слезы высохли.

– Не сердитесь на меня, – добавил Василий. – Пожалуйста.

С каких пор он придает значение тому, сержусь я или нет?!

Она кивнула и вытерла глаза.

– Я сама виновата. Выскочила на вас...

Василий отпустил ее. Кожа сохранила ощущение тепла его пальцев.

А потом до Полины дошел смысл всей фразы.

– «Один из них»? Вы про гостей?

– Про кого же еще?

Он оглянулся на лестницу и завел Полину в столовую. Усадил на стул и сел рядом. Зеленые глаза заблестели в темноте.

– Теперь объясните мне, зачем вы тут прятались?

– Я не пряталась, – обиделась Полина. – Я выслеживала! Мне показалось, что кто-то ходит по дому.

– Значит, мы выслеживали друг друга. Поздравляю. В библиотеке – это вы были?

– Я.

– Понятно... – Василий потер подбородок. – И в столовой тоже вы, как мы выяснили.

– И в столовой, – со вздохом подтвердила Полина.

– И в галерее.

– В галерее?

Водитель пристально посмотрел на нее.

– В галерее, – отдельно повторил он. – Вы были там минут десять назад?

– Не была, – открестилась Полина. – Вы что! Там картины. Я их боюсь.

– Ночью шарахаться по дому не боитесь, а картин боитесь, – рассеянно произнес Василий, думая о чем-то другом.

– А что мне здесь ночью может грозить? – удивилась Полина и не удержалась от шпильки: – Кроме вас, конечно.

И по выражению его лица поняла, что только что сморозила ужасную глупость.

– Насчет вас я пошутила, – торопливо сказал она. – Пожалуйста, не обижайтесь!

Василий покачал головой, и Полина окончательно почувствовала себя непроходимой тупицей.

– Я вас провожу до комнаты.

– Да я, в общем-то, и сама могу дойти, – пробормотала девушка. – Что тут со мной может случиться...

Василий остановился и взглянул на нее.

– У меня фонарик, – добавила Полина. И для убедительности помахала перед его лицом фонариком.

– Это прекрасно, – согласился Василий, уворачиваясь от удара фонарем. – Но мы все-таки пойдем вместе.

Полина отчего-то так обрадовалась, словно ей пообещали не прогулку по дому в компании водителя, а увлекательную поездку на море.

На лестнице она споткнулась. И тут же ее подхватила сильная рука.

– Осторожно, – только и сказал Василий.

Но до конца лестницы уже не отпускал ее. Полина испытала разочарование, когда ступеньки закончились и водитель отстранился.

Возле комнаты Ирмы из-под двери пробивалась слабая полоска света.

– Художница не спит, – шепотом сказала Полина.

– И не только она. Не выходите сегодня ночью больше из комнаты.

– Вам бы писать диалоги к фильмам о вампирах!

– А вам бы играть жертву, которую съедают в первые десять минут.

И, не дав Полине возразить, сдержанно добавил:

– К Анжею приезжают разные люди. Будьте осмотрительнее.

На следующее утро оказалось, что ветер не прошел бесследно. Сломалась толстая ветка одной из лип. Она свалилась на клумбу и раздавила половину тюльпанов Армена. А в оранжерее треснуло стекло, и пришлось срочно заказывать новое.

Поэтому Василий и Полина выехали на рынок с получасовым опозданием. Девушка на ходу дописывала пункты в список покупок. Номером первым в нем стояли артишоки. Она представляла, как обрадуется Ирма, и улыбалась.

Они ехали к большому овощному рынку. Василий не отрывал взгляда от дороги. Время от времени он посматривал в заднее зеркало, но никто не следовал за ними.

Сегодня водитель был на редкость неприветлив и хмур. Полина попробовала узнать, в чем причина. Но получила в ответ резкое:

– Простите, я не разговариваю за рулем.

Девушка почувствовала себя так, словно ей дали пощечину.

Значит, утро все расставило по своим местам. Василий точно так же не желает общаться с ней, как и в первый день ее работы.

Это было тем более обидно, что Полина знала: с Ковальским они прекрасно болтают в машине. «Не разговариваю за рулем» относилось только к ней. Оно означало: «Я не разговариваю именно с вами».

Хорошее настроение исчезло, как будто ее окатили грязной водой.

Десять минут прошло в гнетущем молчании. В Полине поднималась горькая обида, как вода во время прилива. И наконец затопила ее целиком.

– Что бы я ни делала, это бесполезно, – ровным голосом сказала она, глядя перед собой. – Вы по-прежнему терпеть меня не можете. И не даете себе труда это скрывать.

Водитель не шелохнулся.

– Знаете, – продолжала Полина, – когда-то мне казалось, что любовь можно заслужить. Пусть не любовь, хотя бы симпатию. Если быть хорошей и вести себя хорошо, то к тебе и будут хорошо относиться. Но все это чушь, Вася. Не будут. Вы подтверждаете это правило.

Водитель не ответил. Каменное изваяние индейца «Молчаливый Лосось» – и то могло бы проявить больше отзывчивости.

Полина и не ждала ответа. Ее душила горечь. Она сама не понимала, почему именно в этот раз ее так жестоко задел его тон.

Может быть, потому, что она решила, будто что-то сдвинулось с

мертвой точки. Ночью, когда Василий проводил ее до комнаты, ей даже показалось, что он беспокоится за нее. И душу переполнило ликование.

Честно говоря, Полина страшно боялась, что в конце концов антипатия Василия пересилит хорошее отношение Анжея, и ее уволят. Она вернется обратно, в комнатку размером с гроб. Все начнется сначала: трубы, закопченные стекла и окошко в английский сад на экране монитора – напоминание о том, что она потеряла во второй раз.

Засыпая, она впервые подумала, что, может быть, ей пора перестать бояться. Может быть, ее приняли? Признали?

И тем сильнее был полученный удар.

– Я могу быть отличной экономкой! Но это ничего не изменит. Вы настолько не желаете пускать меня в ваш прекрасный дом, что я чувствую себя нищенкой, просящей подаяние.

Она замолчала.

Дорога привела их к полноводной реке, над которой протянулся длинный мост на сваях. Это место Полина недолюбливала: ограждение моста казалось ей слишком хлипким. И сам мост был каким-то запущенным, разбитым, словно его не ремонтировали с войны. Но отсюда хорошо было любоваться рекой.

Машина неторопливо въехала на ухабистое полотно. Василий снизил скорость.

С противоположной стороны на мост взобрался КАМАЗ – гигантский оранжевый жук – и пополз над рекой. «Если на нас кто-то смотрит с берега, – подумала Полина, – то он увидит жука и муравья. Муравей – это наш „рено“».

Она уже жалела о том, что сорвалась и наговорила глупостей. Чтобы отвлечься, она стала смотреть на КАМАЗ. Машина приближалась. Полина попыталась разглядеть цифры номера, но широкая морда гиганта была заляпана грязью.

Отчего ее понесло? Надо было молчать. Улыбаться и молчать. Бабушка утверждала, что это самое правильное поведение для женщины. Правда, она имела в виду ответ на вопрос: «замужем ли вы?» Но можно распространить ее тактику на все случаи, без исключений.

Они добрались до середины моста. Отсюда смотреть вниз было уже страшно.

Полина боялась высоты. Высота все меняла. Здесь воздух превращался в отточенный ветер. Вода искрилась, как будто разбили зеркало и рассыпали с неба тысячи осколков.

«Рено» почти поравнялся с грузовиком. Девушка видела на капоте

наклейку с длинноволосой красоткой в бикини.

– Послушай, – внезапно нарушил молчание Василий, – если бы не...

Колесо КАМАЗа попало в выбоину. Гигантские передние колеса развернулись в их сторону.

В следующий миг машина ударила «рено» в бок.

Полину подбросило. Она взвизгнула и вцепилась в кресло. Ремень впился в грудь.

Но этим все и ограничилось. И еще неприятно хрустнувшим позвонком в шее.

«Хорошо, что мы ехали на маленькой скорости, – успела подумать она. – На большой нас бы просто размазало об ограждение».

И внезапно поняла, что их машина продолжает двигаться.

По какой-то причине КАМАЗ не мог остановиться. Оранжевой мордой он толкал маленький автомобиль к краю моста. Василий дернул на себя рычаг, но это не помогло. Боковая дверь с его стороны вспучилась, раздался хруст. По стеклу разбежалась паутина трещин.

– У него тормоза сломаны! – крикнула Полина. – Он нас раздавит!

– Ремень!

Полина поняла его с полуслова. Дрожащими руками попыталась отстегнуть ремень.

Но не успела. Искореженный «рено» врезался в ограду.

Чудовищный скрежет оглушил Полину. В машине что-то закричало визгливым металлическим голосом. Капот смялся, словно картонный лист. А потом раздался такой звук, как будто разом лопнули двести стеклянных трубок.

– Не трогай! – рывкнул Василий и ударил ее по руке, шарившей возле крепления ремня безопасности.

– Почему?!

Они еще могут успеть выскочить, пока их не расплющило в этой консервной банке!

КАМАЗ с усилием толкнул их еще раз. Точно кукушонок, выпихивающий из гнезда родного птенца.

Полина поняла, что сейчас произойдет, раньше, чем водитель успел ответить. У него вдруг стало почти отрешенное лицо.

– Держись, – сказал он одними губами.

«Рено» накренился на краю моста. Перед глазами Полины мелькнул вырванный столб. Она видела грязную глыбу грузовика, напиравшую на них. Видела красотку в бикини, подмигивавшую ей покрашенным глазом.

«Все», – осознала Полина. И в последнее мгновение схватила Василия

за руку, чтобы не было так страшно.

Ее подбросило вверх, а горячее сиденье провалилось куда-то вниз. Мгновение Полине казалось, что сейчас она воспарит. А затем ее швырнуло на спину, впечатало в кресло, будто в самолете, идущем на взлет. Небо оказалось прямо над ними. Сначала оно упало на Полину, а затем стало стремительно отдаляться.

Как огромный снаряд, «рено» рухнул в воду.

Река взорвалась брызгами. Но Полина этого не видела. Перед ней лопнуло что-то белое и расплющило о спинку кресла. Полина стала не человек, а раздавленная ягода. Из горла криком выплеснулась боль, девушка рванулась, пытаясь освободиться. Почему-то намокло плечо, словно от крови, и холод крепко стиснул щиколотки.

Вырваться не получалось. Ремень держал цепко, а белая масса не давала пошевелиться. Василий выдернул свою руку из ее, и стало совсем жутко, как будто она осталась одна.

Полина зажмурилась. Звуки выплеснулись из тишины: журчание, стон, какие-то всхлипы. И треск вспарываемой ткани.

Белый шар со свистом обмяк. Она подалась вперед, хватая ртом воздух.

– Ремень! – сквозь зубы прошипел Василий.

Но ремень застрял. Изо всех сил она жала на кнопку, но черная лента не выпускала ее.

– Не могу! – отчаянно выкрикнула Полина. – Заклинило!

Коротко выругавшись, Василий наклонился к ней. Лоб у него залило кровью. В руке он сжимал нож.

– Держи!

Он попробовал ослабить ремень. От его рывков машина, державшаяся на поверхности, покачнулась и начала тонуть. Из невидимых щелей внутрь хлынула вода. Ледяные змейки обвили Полину, как живые. Она вжалась в кресло, пытаясь избежать их прикосновений, и Василию удалось поддеть ремень ножом.

– Не дергайся!

Несколько резких рывков – и ремень был распорот.

Но машина уже целиком ушла под воду. Их принял голубой полумрак, тугое упругое нечто, дышавшее холодом сквозь металл. Полине почудилось, что их искореженный автомобиль сжимают снаружи, сплющивают, перекатывают между невидимыми ладонями.

– Дверь! – прокричал он, наклонившись к ней. – Набери воздуха! Вода пойдет! Давай!

Не задумываясь, слепо повинуваясь его командам, Полина глубоко вдохнула, дернула мокрую ручку и толкнула дверцу.

Ничего не вышло. Река слишком сильно давила снаружи. Полина закричала, ударилась в нее всем телом, как птица.

– Открывайся! Ну же! Давай!!!

Получилось!

Но Полина рано обрадовалась. Дверь не просто приоткрылась. Она вырвалась у нее из рук, словно кто-то дернул с той стороны. Вода устремилась внутрь, не давая девушке выбраться. Струя ударила ее в лицо, ослепила и с силой затолкала ее обратно в машину.

Несколько страшных секунд Полина ничего не видела. Только ощущала, что воздуха больше нет. Что вокруг нет ничего, кроме воды.

А когда открыла глаза, она осталась в машине одна. Василий исчез.

Автомобиль тонул, и Полина тонула вместе с ним. С каждой секундой темнота всасывала их все глубже.

Она предприняла последнюю попытку: зацепилась за распахнутую дверь, вытягивая себя из ловушки. Но пальцы соскользнули с края.

И тогда изнутри, откуда-то снизу, поднялся и захлестнул Полину неустойчивый страх. Она всегда боялась глубины и не могла плавать, зная, что под ней толща воды. Но сейчас глубина была вокруг. А самое жуткое заключалось в том, что глубина каким-то образом оказалась и в ней. Полина ощущала себя странно пустой внутри, будто бы резиновой, и в эту пустоту вливалась густая черная вода, заполняла ее ноги, пальцы, живот...

Очень быстро она добралась и до сердца. Черное и густое распирало изнутри грудную клетку, жаждало вырваться из горла и слиться с рекой. Тогда Полина и река стали бы одним целым.

«Тогда я умру».

Чей-то силуэт мелькнул напротив. Из расплывчатого сумрака выплыл Василий, как длинная рыбина, ухватил ее за руку и потянул за собой, вверх, в сверкающую прорезь голубого.

Они вынырнули под мостом и зашлись в кашле. Полина успела наглотаться воды. Она перевернулась на спину, лежала, тяжело хватая воздух, и все никак не могла надышаться. Казалось, воздуха все равно мало.

Черная густота, едва не поглотившая ее, исчезла. Осталась только река, в которой они чуть не утонули.

Рядом раздавалось хриплое дыхание Василия.

«Господи, мы живы».

– Вася, – выдохнула она. – Васенька, спаслись!

Водитель отозвался не сразу. А когда отозвался, Полина не узнала его голос.

– Плыви... – выдавил он. – Плыви... сама.

Она обернулась.

Василий лежал, раскинув руки в стороны. Лицо его приобрело землистый оттенок, скулы резко заострились. С левой щеки в воду капала кровь.

Они не дотянули до берега каких-то сорок метров. Василий, который греб все медленнее и медленнее, издал странный звук – не то всхлип, не то вздох. И на глазах Полины начал погружаться в воду.

Она подплыла к нему, обхватила за шею, лихорадочно вспоминая все, что слышала о спасении утопающих. Потащила за собой, сцепив зубы и что есть силы загребая свободной рукой. Время от времени девушка выворачивала голову назад в надежде увидеть берег рядом.

Но казалось, что она не движется. Что жадная река оттаскивает ее назад, не желая расставаться с добычей. Что она тянет не человека, а обломок скалы.

А один раз показалось, что под окоченевшей рукой – безжизненное тело.

От охватившего ее ужаса Полина заплакала, бешено замолотила ногами в воде – и расстояние до берега сократилось. Их сносило течением, безжалостный ветер гнал к середине реки. Но спустя бессчетное количество минут они уткнулись в песок, поросший травой.

Плача и ругаясь сквозь слезы, Полина вытаскивала Василия, неумело делала искусственное дыхание, прослушивала пульс. Пульса, кажется, не было.

А потом на мосту появилась машина. Притормозила перед КАМАЗом, вставшим наискось между уцелевшими столбами ограждения. Из машины вышли трое.

Полина увидела людей и закричала во весь голос. С неизвестно откуда взявшимися силами она орала как сумасшедшая и размахивала руками. Она продолжала делать это даже тогда, когда они заметили ее и побежали по мосту.

И только увидев их совсем рядом, Полина потеряла сознание.

Глава 8

Сергей Бабкин перегнулся через перила и посмотрел вниз. Пожалуй, что и невысоко. Но если представить, что падаешь в машине... Он поежился.

В безмятежной реке купались облака. Вдоль берега дрейфовала коряга, а на ее корме сидела чайка. О вчерашнем напоминало только наспех поставленное новое ограждение и предупреждающий знак у въезда на мост.

Он взгляделся в толщу воды.

– Машину не видно.

– Здесь вода мутная, с примесью глины, – ответил Макар.

Сергей мысленно поделил реку на квадраты, прищурился и стал исследовать один квадрат за другим.

– К тому же ее еще вчера увезли, – невинно добавил Илюшин.

Бабкин оставил попытки рассмотреть дно и укоризненно посмотрел на него.

– Вот с этого и надо было начинать. Когда успели?

– Вечером вытащили. Посмотри, на том берегу кусты примяты. Там она и лежала, пока не забрали.

– Ты видел саму машину?

– Нет. Но Ковальский говорит, повреждения были серьезные.

– Еще бы...

Бабкин представил, как это было. Сначала удар КАМАЗа. Вряд ли слишком сильный, иначе люди погибли бы мгновенно. А затем автомобиль, проломив ограду, падает в реку.

Он покачал головой:

– С трудом верится, что они уцелели.

– По словам экономки, подушки безопасности сработали только от удара о воду. Шофер, как выяснилось, всегда держал под рукой нож. Подушки он вспорол, но у девушки заклинило ремень, и они провозились с ним. А машина тем временем ушла под воду. Он сумел каким-то образом выбраться со своей стороны.

– Может, окно было открыто, – предположил Сергей. – А девушка?

– А девушка не смогла. Шофер ее вытащил. Уже на поверхности он потерял сознание, и ей пришлось буксировать его до берега.

Сергей вспомнил маленькую светловолосую экономку. Мысленно

поставил рядом с ней двухметрового водителя.

– Не сходится, Макар. Или она мастер спорта по плаванию. Но тащить за собой такую каланчу было бы тяжело даже мне, а она к тому же была в шоке после аварии.

– Может, и врет. Но зачем? Мне интересно другое: почему они выжили?

Бабкин еще раз наклонился над рекой. Смерил глазами расстояние от поверхности воды до моста.

– Теоретически – возможно, – с сомнением в голосе протянул он. – Если при падении они были пристегнуты, если сработали подушки, если под рукой оказался нож, если машина утонула не сразу, а некоторое время держалась на плаву... Слишком много «если». Но вылезти из тонущей машины и вытащить пассажира может только физически подготовленный человек. И очень хладнокровный. Откуда у простого шофера такие способности?

Макар усмехнулся:

– А он и не простой шофер.

– Что, заодно телохранитель Ковальского? У меня мелькнула такая мысль, как только я его увидел.

– Не знаю, нужен ли Ковальскому телохранитель, но у этого Василия за спиной шесть лет во Французском Легионе.

Бабкин присвистнул от удивления.

– Так он из бойцов! Что ж ты сразу не сказал? Тогда половина вопросов снимается. Подожди, а почему в таком случае он в реанимации, а девочка жива-здоровая?

– Потому что он раскроил голову о стойку – это раз. И потому что во время службы у него была контузия – это два. Ковальский разговаривал с лечащим врачом. Тот говорит, что последствия полученной травмы абсолютно непредсказуемы. Представь, как их потрянуло, когда машина ударилась о воду.

– Понятно... Выплыть-то выплыл на резервах организма, и даже девчонку спас, но потом отключился. Он до сих пор без сознания?

– Да, и что будет дальше, никто не знает. Ковальский сказал, что не исключено любое развитие событий. Парень может через час очнуться и уйти из больницы на своих двоих, а может провести там еще много недель, прежде чем что-то прояснится.

Сергей отошел подальше от края и задумчиво оглядел мост. Чем-то ему не нравилась вся эта история. Весь опыт бывшего оперативника подсказывал, что дело было не совсем так, как описывает экономка.

Он обернулся к Илюшину. Макар сосредоточенно обматывал вокруг шеи вязаный зеленый шарф и делал вид, что его несколько не интересует это происшествие. Что тоже было странно. Чтобы Илюшин с его кошачьим любопытством не выяснил досконально, что произошло?

– Водителя КАМАЗа так и не нашли? – спросил Сергей.

– Нет. Похоже, сбежал, когда понял, что натворил.

– Интересно-интересно... – пробормотал Бабкин. – Сбежал, значит. А машину бросил.

Макар Илюшин бросил на него пристальный взгляд.

– Почему бы и нет? Если он был пьян, например. Экономка утверждает, что КАМАЗ занесло.

– Занесло, говоришь...

Оставив Макара бороться с шарфом, Сергей прошел по мосту сначала в одну сторону, потом в другую. Остановился, разглядывая выбоину в асфальте. Солнце припекало макушку, но ветер дул устойчивый и холодный.

– Что-то нашел? – крикнул Илюшин.

– Что здесь можно найти, кроме ям? – издали отозвался сыщик. – Но и ямы – это тоже неплохо.

– Что с ними не так?

Бабкин подошел ближе.

– С ними как раз все в порядке. Нормальные российские ямы.

– И что?

– То, что КАМАЗ тоже российский. Лишь детище французского автопрома может потерять управление на такой дороге. А нормальному русскому грузовику все эти ямы – как бегемоту кочки.

Он покрутился на мосту и резюмировал:

– Ерунду рассказывает экономка. Как я и подозревал. КАМАЗ не могло занести на этой дороге. А если бы и занесло, он стукнул бы «рено», и этим все закончилось.

– Тормоза отказали, ты забыл? Водитель испугался, потерял контроль, дернул руль...

– Тормоза? – усмехнулся Бабкин. – Тогда почему он не свалился в реку вслед за «рено»? Или ты хочешь убедить меня в том, что многотонный грузовик задержала хилая оградка? Нет, Макар, не годится. Оградка к этому времени была уже проломлена машиной Ковальского: ныряй – не хочу! А КАМАЗ не нырнул. Остановился аккуратно на краешке. Понимаешь, к чему я клоню?

Илюшин с самым искренним видом заверил, что не понимает. Но

Бабкин знал друга слишком хорошо.

– Только не притворяйся, будто ты поверил во всю эту белиберду с отказавшими тормозами и перетрусившим водилой. Заметил, что мы стоим здесь уже двадцать минут?

– Ну и что?

– За это время по мосту не проехало ни одной машины. Тихое местечко. Удобное. Можно шлепнуть кого-нибудь, не опасаясь свидетелей.

– Хотели бы шлепнуть, пристрелили бы без затей, – возразил Макар.

– Пристрелить – это уголовное дело, это расследование, это ненужный риск для организатора. Смерть в аварии не вызовет никаких кругов по воде.

Макар поднял камешек и швырнул его в воду. Вода проглотила камешек и сморщилась.

– Руку даю на отсечение: кто-то попытался убрать помощников Ковальского, – настаивал Сергей. – Утопить их в реке не удалось по чистой случайности. И еще потому, что кто-то недооценил водителя.

– Допустим, – согласился Макар. – Но даже если так, нас это не касается.

– Неужели? Сначала исчезает экономайзер Ковальского. Затем кто-то покушается на его водителя и новую домоправительницу. И тут появляемся мы и собираемся влезть в это дело. Зачем?

– Мы найдем эконома, и дело будет закрыто.

– Мы его не найдем, потому что он закопан где-то в окрестных лесах. После вчерашнего я в этом совершенно уверен. Его выманили из дома и убрали.

Мимо них пропыхтел старенький «жигуль», заставленный ящиками с рассадой. Бабкин проводил его взглядом и, когда таратайка съехала с моста, сказал:

– Я бы не стал подписываться на это дело. Так и самим недолго последовать за экономайзером. Вокруг Ковальского что-то закрутилось. Но нам с тобой не обязательно прыгать в этот водоворот.

Макар посмотрел на реку, потом на Бабкина и весело сказал:

– А я люблю водовороты. Пошли!

И бодро пошагал к машине, оставленной в кустах перед мостом.

Бабкину ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Значит, он все-таки был прав. Илюшин не хуже него понял, что авария не случайна. Но если Сергея это остановило бы, то Макара лишь раззадорило.

Бабкин запоздало сообразил, что раньше Илюшин колебался, братья ли за поиски Анатолия Бугрова, но происшествие с экономайзером и водителем

перевесило чашу весов в пользу расследования. Макару стало интересно.

А если Макара что-то заинтересовало, то остановить его невозможно.

Сергей догнал напарника возле машины и обреченно спросил:

– С чего начинаем?

Илюшин обернулся. Глаза у него горели охотничьим азартом, и Бабкин окончательно убедился, что они уже застряли в этом деле по уши.

– Понял, – вздохнул Сергей. – С самого Ковальского.

– Нет-нет! – перебил Макар. – Только не с него.

– С экономки? По ней я пока ничего не выяснил.

– Она сама все о себе расскажет, – отмахнулся Илюшин. – Начни с тех троих, что живут у Анжея. Скажем, с Давида Далиани... Кстати, – перебил он самого себя, – ты заметил, какие странные двери на первом этаже? Все зеленые, и ни одной похожей.

* * *

Давид Романович открыл компьютер и быстро просмотрел закладки. Твиттер, Фейсбук, Живой Журнал... Так он и думал. Алексей везде оставил новые сообщения. Здесь кратко сообщал, что завтра едет на рок#концерт, тут расписал преимущества айфона, там затеял пикировку с другим пользователем (похоже, девчонкой).

Значит, ничего не поменялось. Его сын по-прежнему торчит в социальных сетях.

Давид в ярости захлопнул ноутбук. Он ведь нашел ему работу, и неплохую работу! На нее претендовали десятки молодых людей, каждый из которых заслуживал ее больше Алексея. Но досталось место его бестолковому, ленивому сыну.

А тот не желает ударить палец о палец. И проводит время в болтовне с такими же, как он, никчемными идиотами.

Давид несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. «Успокойся, дорогой, успокойся... Анжей подберет ключ, и все наладится».

Но в глубине души он в это не верил.

Давид Романович женился тридцать лет назад на молодой стеснительной девушке. Нина была пышногрудой, с тяжелыми бедрами и тонкой, в рюмочку, талией: мечта, а не женщина.

Правда, Давиду нравились совсем другие: верткие, тонкие, рыжие, с бесстыжими козьими глазами. Они волновали кровь и пробуждали желание. Но в жены он выбрал послушную тихую Нину.

Нина происходила из хорошей семьи. Женщины ее рода всегда рожали много сыновей. Сама она была единственной сестрой пяти братьев. Давида такое соотношение полностью устраивало.

Он мечтал о мальчишках. Из него получится отличный отец! Он будет гонять с ними зимой в хоккей, а летом кататься на велосипедах и плавать. Они научатся стрелять из лука, драться, добиваться своего. Он будет гордиться своими сыновьями!

На первом году брака Нина родила девочку. Ребенок получился до смешного похожий на Давида: черноглазый, с волнистыми волосами и таким же орлиным носом с тонкими ноздрями. Но отец был слишком огорчен, чтобы это заметить. Дочь! Дочь, а не сын! Что толку с девчонки?

Второго ребенка он ждал как подарка небес. Возил жену по врачам, проводил без очереди мимо тусклых беременных теток, провожавших их завистливыми и ненавидящими взглядами. Но Давид плевать на них хотел. Чтобы его жена, вынашивающая сына, сидела рядом с ними? Никогда. А вдруг инфекция! Вдруг заразная болезнь! Он договаривался с врачами, платил мимо кассы и шел рядом с женой как победитель.

Родилась девочка. Хорошенькая здоровая девочка, еще одна копия отца.

Давид напился. На поздравления отвечал заплетающимся языком. А коллегу, по глупости пожелавшему «развести цветник из восьми девиц», обложил такой жаркой бранью, что тот перестал здороваться с Далиани.

Когда девчонки немного подросли, Давид с женой твердо решили родить сына. Они отправились к шаману на Алтай. Шаман был настоящий: он сидел перед шалашом, колдовал над кастрюлькой с травами и по направлению пара высчитывал благоприятные для зачатия дни.

И деньги он с них взял тоже настоящие. Давид расплатился без сожаления и еще сверху добавил немного: на обновление котла.

Нина забеременела. На этот раз все шло иначе, чем первые два раза: у нее не было тошноты, и ее не тянуло на соленое. «Хорошие признаки!» – радовался Давид. Когда же врачи подтвердили, что его жена ждет мальчика, он снова напился – но уже от радости.

Родилась девочка. Давид мог бы поверить в то, что ребенка подменили, если бы сам не помогал принимать у жены роды. Сияя от счастья, он перерезал пуповину, акушерка перевернула ребенка и одобрительно заметила: «Отличная девка получилась, папаша! В рубашонке родилась».

Давид подстерег врача, клятвенно заверявшего их с женой, что будет мальчик. Мальчика показывал аппарат УЗИ, и врач смеялся и говорил:

видите, что у него тут? Давид не видел, но верил врачу и тоже смеялся.

«Что ты там у нее нашел?! – орал Давид на весь больничный коридор и на скакивал на врача. – Что увидел, если это девка?!» Бледный врач пятился и лепетал про допустимый процент ошибок. В конце концов Давида Романовича вывела охрана.

Три девочки подрастали в семье Далиани. Рослые, красивые, они и мастью, и характером пошли в отца. Летом носились на велосипедах, зимой на катке могли дать десять очков вперед любому мальчишке. Старшая увлеклась единоборствами, средняя бредила лошадьми и пропадала на конюшне, младшая выбрала художественную гимнастику и с восьми лет не вылезала из соревнований.

Давид не замечал успехов ни одной из дочерей. Он страдал по несбывшемуся сыну, который мог быть прекрасным наездником. Или гимнастом. Или побеждать в соревнованиях по айкидо.

Девочки обожали отца. Мягкая добросердечная мать не была для них авторитетом. Они любили ее, но не старались ей ничего доказать. Давид – другое дело: умный, напористый, предприимчивый, жесткий. Каждая из сестер старалась заслужить его одобрение. Победить, добиться своего, стать первой.

Он не видел, сколько усилий они прилагают для этого. А результат его не слишком интересовал. Если бы все три дочери сидели дома, вязали и читали книжки, для него бы ничего не изменилось.

И вдруг Нина снова забеременела. Давид уже ничего не ждал. И к словам врача, разглядевшего на УЗИ мальчика, отнесся пренебрежительно. Он уже знал цену их заверениям.

Когда ребенок родился, Давида не было рядом с женой. Он в соседней стране заключал важный контракт. И на звонок не ответил: шли переговоры, ему было не до новостей о четвертой девочке.

Он сам перезвонил жене вечером. И от всегда заискивающей, робкой Нины услышал неожиданно сухое:

– Дождался ты, Давид. Сын у нас родился.

Мальчика назвали Алексеем. Алексей в переводе с греческого «защитник». Давид не сомневался, что его сын будет именно таким.

Сложности начались со школы. Мальчик рос вялый, ничем не интересующийся. Читать начал поздно и делал это нехотя, из-под палки. Он не был ни медлительным, ни болезненным, но отставал от других детей. Ему просто не нравилось учиться. Нина каждый вечер корпела с ним над домашними заданиями. Она была терпелива и ласкова, но даже у нее опускались руки от безразличия и лени мальчика.

Никаких увлечений у него не нашлось. Давид пытался мастерить с сыном модели кораблей, но Алексею это быстро надоело. Давид бегал запускать воздушных змеев, но мальчик зевал и через пять минут уходил. Спорт терпеть не мог. Мечта Давида кататься с сыном на коньках или на лыжах так и не исполнилась. Алексей ревел, кричал, возмущался, швырял палки в снег, но не ехал.

Притом он был здоров. Давиду было бы легче, если бы сыну поставили какой-нибудь диагноз. Но два лучших педиатра в городе, обследовав Алешу, объяснили, не сговариваясь: у мальчика такой характер, никакого отклонения от нормы здесь нет. «Да, как правило, дети любопытны и подвижны, – сказал первый из профессоров, поглаживая бороду. – Но бывают исключения. Вам остается только понять и принять вашего мальчика таким, какой он есть».

«Могут быть сложности с социализацией, – предупредил второй. – Постарайтесь найти для него занятие по душе. В идеале оно должно стать его будущей профессией».

Легко сказать – занятие по душе. Больше всего Алеше нравилось бездельничать. Он мог часами валяться на полу, слушая музыку. Лучшей компанией считал телевизор. Для обучения сына английскому Давид купил хороший компьютер и наспиговал его самыми продвинутыми программами. Вместо английского Алексей освоил игры. Теперь по вечерам из его комнаты доносились пальба и рычание инопланетных монстров.

Чем старше становился сын, тем ярче в нем проявлялось все то, что Давид Далиани презирал в мужчинах. На его глазах выросла трусоватый, инертный подросток, предпочитавший компьютер любому другому досугу. Хватаясь за соломинку, Давид предложил ему пойти на курсы программистов. Алексей отказался: «Скучно. Не хочу».

Старшая дочь убедила отца поговорить с психологом. Одному богу известно, какое усилие пришлось сделать над собой Давиду, но он послушался ее совета.

Выслушав его, психолог заявил, что не видит у подростка никаких проблем. Проблемы есть у Давида: сын не соответствует его ожиданиям.

«Правильно, – мрачно ответил Давид, который и без психолога прекрасно это понимал. – И что с этим делать?»

«Понять, что он другой», – сказал психолог.

«Я это понимаю, – согласился Давид. – И мне этот другой не нравится. Другим тоже можно быть по-разному. Представьте, что у вас вместо сына – крокодил. В аквариуме. И что вам с этим делать?»

«Искать в нем положительные черты, – не задумываясь, ответил психолог. – Ваше зрение избирательно. Вы оцениваете только те области, где мальчик не совпадает с вашим образом идеального сына. Попробуйте посмотреть на него целиком».

«И что я должен увидеть?»

«Например, что он добрый. Неглупый. Что он помогает матери. Что у него богатая фантазия. Заставьте себя посмотреть на Алексея как на постороннего человека, а не как на своего сына. Это кажется вам смешным? Но далеко не каждый родитель способен на это».

Давид Романович подошел к вопросу практично. Он решил, что если уж выложил за прием у психолога круглую сумму, то глупо было бы не воспользоваться его советом. Хотя бы попытаться.

И он попытался.

Однако и тут его ждало разочарование. Добрый? Нет. Зла не делает, но и добра тоже. Умный? Может быть, но только тщательно это скрывает. С богатой фантазией то же самое. Где оно, это богатство? В чем оно проявляется? Или заперто в черепной коробке, как сокровище в пещере, которое никому не увидеть?

Все положительные черты, которые Давид находил в сыне, получались с частицей «не». Не пьет, не курит, не ворует. Не развлекается с девушками. Хотя лучше бы развлекался... Не наркоман, слава богу.

И все?

Получалось, что все. Не за что уважать сына. Нечем гордиться в нем.

Давид вызвал сына на разговор.

– Алеша, чем ты хочешь заниматься? В жизни, я имею в виду?

Парень пожал плечами.

– Да ничем.

– Что значит – ничем? – закипел Давид. – А жить на что будешь?

– Уж как-нибудь заработаю.

– Чем?! Ты же ничего не умеешь!

– Дворником пойду, – огорошил Алексей. – Нормальная работа. Маши себе метлой, зимой лед коли да снег убирай.

Давид взял за сердце.

– Слушай, – тихо сказал он, – а у тебя какие-нибудь цели, стремления есть?

– Да ладно, пап!

– Нет, постой! Я серьезно тебя спрашиваю. Вот скажи, чего ты хочешь? Ты с утра до вечера сидишь в интернете, болтаешь с незнакомыми людьми. Игры свои с ними обсуждаешь. Машины, которых у тебя нет.

Девушек, которые тебя никогда не любят.

– Откуда ты знаешь...

– Что не любят? В зеркало посмотри.

– ...О чем я в сети общаюсь.

– Так ты и не скрываешься. С утра позавтракал, в институт сходил для порядка, чтобы мы с матерью тебя не пилили, и за компьютер. И ведь там для тебя тоже ничего особенно привлекательного нет. Ты только убиваешь время. Неужели нет ничего, на что тебе хочется его потратить?

– А сам-то ты на что его тратишь? – огрызнулся уязвленный Алексей. – На пахоту с утра до вечера? На твоих совещаниях такой мат-перемат стоит, что грузчики отдыхают. У тебя не люди, а сплошной функционал. Из меня хочешь такого же сделать?

– Уже не хочу, – честно сказал Давид. – Но хоть какой-то человек может из тебя получиться?

– А я кто, по-твоему?! – с вызовом поинтересовался Алексей.

– Ты – биомасса!

После этой стычки они долго не разговаривали. Пока Давид, немного успокоившись, не заставил себя прийти к сыну и предложить ему хорошее место.

– Будешь под Николаем Петровичем работать, – обещал он. – Постепенно войдешь в курс дела. У него многому можно научиться: он профи, каких мало.

Алексей не выразил энтузиазма. Но все-таки согласился.

И вот теперь Давид в социальных сетях отслеживает активность сына. За прошедшие сутки Алексей только и делал, что болтал о пустом. Он провел в интернете восемь часов.

– Ничтожество, – прошептал Давид Романович. – Полное ничтожество.

Что бы там ни говорил психолог, есть и такие люди – никудашные, ничего собой не представляющие. И они тоже чьи-то дети. Выходит, ему, Давиду Далиани, не повезло.

Что же теперь – смириться? Но Алексей его сын! Он его любит, в конце концов! Он не может позволить, чтобы все усилия, вложенные в этого мальчишку, ухнули в никуда!

– Я из тебя сделаю человека! – пробормотал Давид. – Дворником он хочет быть... А я, значит, отец дворника?! Разбежался, пакость эдакая.

Электронная почта пискнула – в ящик свалилось письмо. Давид открыл его. Писала старшая дочь: Мария победила в международных соревнованиях, звонила из Германии, она счастлива. Перезванивать ему не

стали, потому что он запретил отвлекать его. Но за Машиной победой стоит большая работа. Ей будет очень приятно, если отец оценит это!

Давид отбил безучастное поздравление, закрыл программу.

Через минуту он уже не помнил, о чем писала ему дочь. Все его мысли были о сыне. И о том, что у Ковальского есть то, что может ему помочь.

* * *

Полина бродила по дому, чувствуя себя привидением. Ходит неслышно, пугает гостей страхолюдным обликом, но вреда не причиняет.

После того, что случилось накануне, Ковальский запретил ей работать. У Полины диагностировали легкое сотрясение мозга – и не нашли ни одной сломанной косточки.

– Крепкая вы девушка, – с видимым удовольствием сказал хирург, закончив осмотр. – И везучая.

«Это не я везучая, – хотела сказать ему Полина. – У меня не получилось бы выбраться оттуда самой. Это все Василий».

Но Василий в реанимации. Странно говорить «везучий» о человеке, лежащем в реанимационном отделении, опутанном трубками, как липкой паутиной. И Полина промолчала.

После осмотра Ковальский забрал ее и отвез домой.

– Считайте, что у вас отпуск. Отсыпайтесь, лежите, гуляйте. Вы пострадали на рабочем месте, я обязан вам это компенсировать.

Полина кивнула, не возражая. Ей было все равно. Даже, пожалуй, лучше работать – не так одолевали бы разные мысли, после которых становилось тоскливо и тошно от самой себя.

Может, спуститься поесть? Заодно хоть чуть-чуть поправить душевное равновесие разговором с Кларой Ивановной. Она спокойная, уютная, как шерстяной клетчатый плед.

Полина доковыляла до кухни.

– Доброе утро, Клара Ивановна.

Повариха всплеснула руками, бросилась к Полине, на полпути остановилась и принялась мять фартук от смущения.

– Как вы себя чувствуете, Полина Аркадьевна?

– Не очень, – призналась девушка. – Можно мне чаю?

Она нахохлилась на стуле возле окна, бездумно глядя в сад. По тропинкам ходила Ирма в своем сером свитере, похожая на какую-то унылую одинокую птицу, и поглядывала на дорогу.

Следом за ней на тропинку выкатился Воловик. На нем был его неизменный похоронный костюм. За прошедшие два дня Полина ни разу не видела, чтобы он переделался во что-то более подходящее загородному дому. На завтрак, обед и ужин Тарас спускался в костюме. Полина представила, что он даже спать ложится в нем. («И закрывается крышкой гроба»).

Если Ирма напоминала ворону, то Воловик был вылитый откормленный пингвин. Но, в отличие от смешной птицы, не вызывал у Полины ни капли симпатии.

Широко расставив коротенькие ножки, Тарас подставил лицо солнцу. Рыжая борода задралась вверх. С самодовольным видом он принимал солнечные ванны, и Полине вдруг остро захотелось дать ему не ключ, а хороший пинок. Как он может стоять здесь с таким лицом, когда Василий лежит без сознания в больнице! Почему Ковальский пустил к себе этого кичливого наглеца?

– А где Анжей Михайлович? – обратилась она к поварихе. – Он был сегодня на завтраке?

– Раньше всех спустился, кофе выпил и ушел. Гости без него кушали.

В руке женщины блеснуло позолоченное ситечко. Она налила Полине полную чашку и поставила перед девушкой.

– Спасибо, Клара Ивановна.

Повариха не отходила от столика. Полина подняла на нее взгляд и увидела, что в ее глазах стоят слезы.

– Василий-то наш! – всхлипнула она. – Что же это такое делается, Поляночка Аркадьевна?!

Забывшись, Клара вытерла слезы кухонным полотенцем. Розовое добродушное лицо сморщилось, и Полина поняла, что сейчас услышит рыдания.

– Это еще что такое?! – возмутилась она. – Вы зачем раньше времени его хороните?!

– Господь с вами, Полина Аркадьевна! – испугалась несчастная Клара Ивановна. – Разве хороню!

– А как это еще назвать? Оплакиваете его, как покойника. Он, между прочим, живой!

Девушка сердито отодвинула чашку и встала.

– Да я бы никогда... Ни за что... – лепетала ей вслед оробевшая повариха. – Я ведь только здоровья ему желаю, Полина Аркадьевна! Поляночка Аркадьевна, а как же чай!

Но рассерженная экономка уже шла по коридору.

«Позавтракала, называется».

Полина знала, что останься она в кухне – и через минуту они с поварихой выли бы по-бабьи на два голоса. Этого она допустить не могла. Не дай бог, кто-нибудь из гостей – например, Воловик – услышит их концерт. Они должны держать лицо, что бы ни случилось. Так ее учила бабушка.

А бабушку Полина слушалась.

Кстати, о Воловике... Где он? Все принимает солнечные ванны, рискуя опалить бледную физиономию?

Полина выглянула в окно. Тарас исчез, и в первую секунду она обрадовалась. А в следующую заметила, что возле калитки стоит черная машина с желтым «гребешком» на крыше и таксист помогает выгрузить чемоданчик какой-то даме.

Полина ахнула.

– Это еще что?!

Снова гости? Отчего же Ковальский не предупредил ее?

Экономка промчалась по этажу, заглядывая в открытые двери и выкрикивая: «Анжей! Анжей Михайлович!» Хозяин не отзывался.

Оставив попытки разыскать его, Полина побежала к выходу. Перед дверью приостановилась, прижала ледяные ладони к разгоряченным щекам.

И чинной походкой вышла навстречу гостье.

По тропинке к ней шли двое. Сзади – Ирма, с вымученной улыбкой на грустном лице. А перед ней – маленькая женщина неопределенного возраста: худая, бледная, с высоким лбом и вьющимися черными волосами, спускавшимися ниже плеч. Широко расставленные глаза прозрачны, как вода, и цвет их под солнцем так же неуловимо меняется.

В первый миг Полина поразились ее красоте. Но потом взгляд ее упал на маленький капризный рот с опущенными уголками, на остренький мышинный подбородок, и ей показалось, что в лице незнакомки есть что-то отталкивающее. Но женщина улыбнулась – и это впечатление развеялось. Улыбка у нее была чарующая.

Две женщины, большая и маленькая, остановились перед Полиной.

– Это моя сестра, Анжелика, – представила Ирма. – Анжелика, это Полина, управляющая всей этой чудесной усадьбой.

– Очень-очень приятно, – сверкнула голубоватыми зубками Анжелика.

Шею госты обвивало ожерелье из стеклянных цветов, такое же необычное, как его обладательница.

Полина подумала, что имя ей очень идет. Что-то было в ней

ангельское, неземное. Рядом с хрупкой сестрой Ирма выглядела особенно тяжеловесной. «Принцесса и гренадер».

– Вас, наверное, предупредили про Анжелику? – заторопилась Ирма и умоляюще посмотрела на Полину.

Под этим взглядом невозможно было сказать, что Ковальский и словом не обмолвился о новой гостье.

– Конечно-конечно, – заверила Полина. – Все практически готово. Вы, кажется, приехали немного раньше?

– Таксист срезал путь.

– Через пятнадцать минут я покажу вам вашу комнату. Прошу в гостиную.

– Лучше я пока побуду у Ирмы. Можно?

И, не дожидаясь ответа Полины, Анжелика Ахметова прошла в дом. Она не сомневалась, что ей разрешат все, что она захочет.

Полина метнулась в единственную гостевую комнату, оставшуюся свободной. К счастью, домработницы убирались на совесть, и комната порадовала ее чистотой. Полина все равно пробежалась с влажной тряпкой по всем углам, распахнула окна, проворно застелила постель. Перед тем как уйти, оглядела сад. Может быть, Анжей гуляет? Или бродит в оранжерее?

Но Ковальского на улице не было.

Вздыхнув, Полина затащила в комнату чемодан Анжелики. Неудивительно, что Ковальский забыл предупредить ее. После того, что случилось вчера, ему, наверное, совсем не до гостей.

Доктор объяснял, что для точного подбора ключей ему нужно сосредоточиться. Как же он будет работать в этот раз? Несчастье с Василием выбило его из колеи.

Девушка позвонила хозяину, уверенная, что он отзовется. Но уверенность ее не оправдалась. Где бы ни находился Ковальский, трубку он не брал.

Ах, как не хватало сейчас Василия... Оказывается, это не так уж приятно – быть старшей и знать, что никто не прикроет тебя в случае промаха. Был бы тут водитель, отыскал бы Анжею в две минуты, а заодно и объяснил, зачем прибыла сестра Ирмы. Интересно, она тоже художница?

Полина забежала на кухню и сообщила, что прибавилась еще одна гостья. Бедная Клара Ивановна поспешно закивала. Она, кажется, даже вздохнуть боялась в присутствии экономки, и Полине стало стыдно.

– Клара Ивановна, голубушка, – проникновенно сказала она, – все будет хорошо. Нам всем сейчас Василия не хватает («И Ковальского тоже!»

Куда он пропал так невовремя?!»). Но врачи говорят, что шансы на полное излечение – восемьдесят семь процентов.

Повариха неуверенно улыбнулась. На глаза ее набежали слезы, и она быстро-быстро заморгала.

– Восемьдесят семь процентов – это ведь много, Полина Аркадьевна?

– Очень много, – заверила Полина. – Его лечат лучшие врачи. Анжей Михайлович позаботился.

Клара Ивановна вытерла слезы и сказала с глубокой убежденностью:

– Анжей Михайлович – он такой. Для своих все сделает. В лепешку расшибется, а поможет.

Полина с сомнением посмотрела на нее, но ничего не сказала. Она вовсе не была уверена в том, что Доктор – именно такой человек. Собственно говоря, она до сих пор знала о нем ненамного больше, чем в первый день их знакомства. Да, Ковальский рассказал ей про ключи. Он пустил ее в свою жизнь, он, кажется, доверял ей. Но Полине временами казалось, что перед ней иллюзионист, который всего лишь сбрасывает маски: одну за другой, одну за другой. А что там, под этими масками, не знает никто.

Они быстро обсудили меню, и Полина побежала наверх, за Анжеликой Ахметовой. Бегом, бегом, все бегом. «Откуда я взяла восемьдесят семь процентов? – перескакивая через ступеньку, думала она. – Почему столько, а не девяносто или не восемьдесят? Наверное, к некруглым числам больше доверия».

Дверь в комнату Ирмы была приоткрыта, и Полина замедлила шаг. До нее донеслись голоса.

– ... и представиться сразу. Это простое правило вежливости!

Требовательный голос принадлежал Анжелике.

– Ты только что приехала, дорогая. Он мог даже не узнать об этом. Он врач, у него много работы.

Если бы не знать, как выглядят сестры, то можно было перепутать их голоса. Резко и повелительно должна говорить грузная Ирма с квадратным подбородком. А устало и просительно – ее сестра. Этот мягкий голос больше подошел бы хрупкой Анжелике с ожерельем из стеклянных цветов на тонкой шее.

Полина на цыпочках вернулась к лестнице. И повторила свой путь до комнаты Ахметовой, стараясь ступать как можно громче.

Ее слышали. Голоса стихли. Девушка постучалась, заглянула в комнату. Ирма сидела на кровати, Анжелика с недовольным лицом стояла возле окна.

– Ваша комната готова.

Проводив новую гостью, Полина обошла весь дом. Необходимо предупредить Ковальского о том, что его дожидается враждебно настроенная женщина.

Она подходила к каждой закрытой комнате, стучалась и прислушивалась в ожидании ответа. Но везде ее встречала тишина. Ковальский не откликался, и девушка начала тревожиться.

Накануне, когда ехали из больницы, Анжей сказал, что теперь будет обедать вместе со всеми. Часы показывали без пятнадцати два. Что заставило его изменить решение?

Полина осмотрела сад, заглянула в гараж. Все машины на месте. Она подошла к оранжерее. Через стекло ей был виден расплывчатый силуэт Армена. Сидя на корточках, садовник копался в земле.

Девушка приоткрыла дверь, и наружу вырвалось облако упоительных ароматов. Окутало ее – и поплыло к лесу.

– Здравствуйте, Армен! Вы не видели Анжея Михайловича?

Садовник вскочил и помотал головой.

– Точно? – убитым голосом спросила Полина.

Армен откашлялся и припомнил:

– Утрам захадиль! Давно-давно!

– Спасибо, Армен.

Полина заторопилась обратно в дом, но на полпути почувствовала чей-то пристальный взгляд. Из окна за ней, не скрываясь, наблюдал Тарас Воловик.

«Он единственный из троих, кто приехал по рекомендациям, – всплыло в памяти Полины. – Остальных Ковальский знал».

«Ну и что?» – поинтересовался внутренний голос.

«А вдруг это не Воловик? А кто-то другой, пробравшийся в дом под его именем. Сложно поверить, что такого неприятного человека могли рекомендовать Анжею».

«Зачем кому-то пробираться в дом?»

Полина остановилась и поразмыслила. Появившаяся идея удивила ее саму.

«Может быть, кто-то не хочет, чтобы Ковальский помог одному из своих гостей выпутаться из сложного положения!»

«Логично... Но водитель, несомненно, видел фотографию Воловика, прежде чем тот приехал».

Да, Василий не пустил бы в дом неизвестно кого. Он собирал информацию о каждом из гостей.

– Но у него были подозрения, – пробормотала она. – Не зря же он рыскал тогда, ночью, выслеживая кого-то.

Кстати, кого? Они выяснили, что в галерее была не Полина. Но кто?

Подумав про галерею, девушка вдруг сообразила, что осталось единственное место, где может находиться Доктор. Как же она не вспомнила о нем сразу! Конечно, он должен быть там: в Комнате Старинных Ключей. Перебирает ключи, вслушивается в их звучание. Гладит тонкие стержни, впитывает в себя звенящие голоса. Может быть, даже шепчется с ними. Зная отношение Ковальского к вещам, Полина бы не удивилась.

Вопрос лишь в том, как попасть в убежище Доктора. Достучаться? Но за двумя дверями Анжей ничего не услышит. Окон нет, на звонки он не отвечает. И это тоже подозрительно... Ковальский требует от нее всегда быть на связи и сам платит тем же.

Полину второй раз кольнуло нехорошее предчувствие. Быстрым шагом, то и дело срываясь на бег, она направилась в галерею.

С картин на нее с негодованием взирали мужчины в старинных одеждах. «Что ты делаешь здесь? – молчаливо спрашивали они. – Как ты посмела сюда прийти?» Угрюмый старик в синей мантии смотрел так, будто кого-то убил и скрывает под складками ткани бездыханное тело.

Полина с вызовом взглянула на него.

«Я тебя не боюсь! Ты всего лишь сторож у дверей».

Язвительная улыбка змеилась по губам старика.

«Что ж, может быть, и сторож. Но ты сюда не войдешь. Убирайся!»

Полина вздохнула. Как ни крути, он прав. Придется ей уйти, не увидев Ковальского.

Она повернулась, и у противоположной стены заметила трость с драконьей головой. Ту самую, которой Анжей открывал потайную дверь.

Пару секунд Полина непонимающе смотрела на нее. Как трость оказалась здесь? Неужели Ковальский забыл про нее?

И вдруг, решившись, схватила ее. Трость оказалась увесистой. Вспоминая, что делал Анжей, девушка подошла вплотную к портрету, избегая смотреть на старика. Тот сверлил ее ненавидящим взглядом. «Это просто картина!»

Вот и нарисованный череп. Только изображен он не на холсте, а на латексе. Полина прижала голову дракона к черепу и почувствовала, как сошлись через тонкую мембрану выступы и впадины. «Это тоже ключ, причем несложный, – подумала она. – У меня все получится».

Девушка положила ладонь на шершавый затылок дракона и уперлась

всем телом, пытаясь вдавить его, как показывал Ковальский. В глубине души она была уверена, что ничего не выйдет. Но под ее нажатием трость провалилась в картину, щелкнули невидимые механизмы, и Полина почувствовала, что дверь открылась.

Она с торжеством взглянула на старика.

«И что же дальше? – спрашивали черные запавшие глаза. – Или ты забыла, что у Ковальского был второй ключ, которым он отпирал следующую дверь?»

Нет, Полина не забыла. Но изнутри достучаться до Анжея будет легче.

Если он там, конечно. Но где ему быть еще?

Она перебралась через высокий порог, искала на стене рубильник. Но остановилась, поняв, что лампа не нужна.

Вторая дверь была приоткрыта. Из щели падал белый свет, узким длинным клинком разрезая сумрак.

– Анжей... – шепотом позвала Полина, вдруг чего-то испугавшись. – Анжей Михайлович!

Ни звука.

Полина неуверенно обернулась на дверной проем. Если кто-нибудь закроет ее снаружи, сможет ли она выбраться отсюда?

«Что за чепуха! Кому понадобится тебя закрывать? Но лучше поторопиться. Если Тарас Воловик или Давид Романович вздумают прогуляться до галереи и обнаружат отодвинутую картину, то Ковальский тебя потом не похвалит. Он, кажется, высказывал пожелание сохранить все это в тайне?»

Эта мысль подстегнула Полину, словно кнутом.

– Анжей, простите! К вам приехали...

С этими словами она заглянула в комнатку.

И сразу поняла, что внутри никого нет. Здесь негде было спрятаться. На столе разбросана дюжина ключей, стул отодвинут... Похоже, Ковальский покидал это место в спешке.

Для верности Полина посмотрела вверх, как будто Доктор мог висеть на потолке вниз головой, подобно летучей мыши.

Нет, он не висел. Она даже почувствовала легкое разочарование. По крайней мере у нее появилось бы объяснение его исчезновениям и появлениям из ниоткуда, его театральности, пристрастия к старомодной одежде. Разве можно представить вампира или оборотня в обтягивающих джинсах, футболке и кроссовках? Это несерьезно.

Полина обошла вокруг стола, стараясь ни к чему не притрагиваться. Ключи на стенах с любопытством смотрели на нее. Она протиснулась в

щель и выбралась наружу, в галерею.

К облегчению девушки, никто не поджидал ее возле портретов с вопросом: «Куда ведет этот потайной ход?» и «Как вы попали за картину?» Полина вернула портрет на место и взяла трость. Ее нельзя бросать здесь. Пока не появится Анжей, пусть она побудет в ее комнате.

Пробегая мимо библиотеки, девушка услышала какой-то шум и обрадовалась: все-таки Ковальский успел вернуться до обеда! Но это оказался Давид Далиани. Он разглядывал часы и, увидев экономку, торопливо отдернул руки от дверцы.

– Простите, вы не видели Анжея? – девушка сделала вид, что ничего не заметила. Далиани не хуже ее знал, как трепетно Ковальский относится к часам.

– Видел.

– Когда?

Давид Романович по привычке взглянул на запястье, хотя часы стояли рядом с ним.

– Да, собственно, с полтора часа назад... Может, чуть больше.

– Здесь?

– В его кабинете.

– И куда он пошел потом? – скрывая беспокойство, спросила Полина. – Или остался там?

На лице Давида отразилось сомнение пополам с удивлением. Он не привык, что ему задают вопросы с такой настойчивостью. И кто – девчонка на хозяйстве! Но сердиться не стал, только отшутился:

– Это допрос?

Полина молча смотрела на него. Удивляясь самому себе, Давид Романович пожал плечами и сказал:

– Он ушел, но куда, не знаю.

И, повинувшись настойчивому, почти требовательному взгляду, прибавил:

– Мы разговаривали... Вернее, начали разговор. Но Анжея что-то отвлекло, он извинился и поспешно вышел.

– А вас оставил?

– А меня оставил, – сухо подтвердил Далиани. – У вас еще есть ко мне вопросы?

Полина подумала немного. С каждой минутой в ней крепла убежденность в том, что с Ковальским что-то не так.

– Ему позвонили? – уточнила она.

Давид, казалось, вот-вот взорвется. Интересуясь, есть ли у нее вопросы, он хотел лишь поставить зарвавшуюся экономку на место. И

никак не ожидал, что его слова будут восприняты буквально.

– Нет, не звонили, – процедил он сквозь зубы.

В другое время Полина ретировалась бы, но не сейчас. Василий в больнице, Ковальский куда-то исчез... И еще два сыщика бродят неподалеку. А каждому известна примета, что частный сыщик в доме – не к добру.

– То есть посреди разговора он просто встал и ушел? И вы не знаете, что именно его отвлекло?

– Нет, не знаю. Мне показалось, он что-то вспомнил.

– Вспомнил... – повторила Полина.

Это было еще больше не похоже на Анжея. Забыл трость, не отвечает на звонки, прервал разговор... Что все это значит?

Пока Полина стояла в раздумьях, Давид Далиани ушел. Часы пробили два.

Она медленно спустилась вниз, добрела до гаража, зачем-то еще раз осмотрела все машины, стоявшие на своих местах.

Итак, Анжей был вместе с Давидом. Это меняло дело. Поначалу Полина думала, что он исчез рано утром, как утверждала Клара Ивановна. После завтрака Ковальский мог вызвать такси и незаметно уехать, пока Полина спала.

Но он остался, и еще два часа назад находился в доме. Более того, он был в процессе работы с клиентом. Потом, если верить Далиани, ему что-то вспомнилось, и это «что-то» заставило его покинуть клиента. Сопоставив трость в галерее с открытой дверью и рассказом Давида, Полина прониклась уверенностью, что Ковальский из кабинета прошел в Комнату Ключей. Это произошло после разговора в кабинете, иначе потайная комната была бы закрыта не второпях.

Да, Доктор спешил, очень спешил. Оставил на столе разбросанные ключи, выскочил, не закрыв дверь, и забыл трость возле стены.

Какой отсюда напрашивается вывод? Что он приходил за ключом.

Что ж, допустим. Но куда направился потом?

Полина могла бы успокоить себя тем, что Анжей скрывается в одной из запертых комнат, куда вход ей воспрещен. Но обманывать себя не хотелось. Если б так, Ковальский ответил бы на ее звонки.

На всякий случай Полина снова набрала его номер, снова выслушала длинные гудки и предложение перезвонить позже. И внезапно сообразила, как она может осмотреть весь дом.

Она вытащила из кармана связку своих ключей и быстро, чтобы не передумать, направилась к комнате водителя.

Из столовой слышались возбужденные голоса. На секунду Полине стало стыдно перед бедной Кларой Ивановной, брошенной в одиночестве на растерзание гостям. Но она успокоила себя тем, что повариху они не тронут. Будут оттачивать клыки друг на друге.

Она остановилась перед дверью, глубоко вдохнула и повернула ключ в замочной скважине. Обитель Василия выглядела спартанской, но возле окна стоял хороший, богатый письменный стол.

Полина никогда не заглядывала в чужие ящики, но сейчас она решительно выдвинула все. Сердце у нее колотилось, девушка чувствовала себя преступницей и, если б не уверенность, что с Ковальским что-то случилось, сбежала бы отсюда.

Ключи нашлись в верхнем ящике, под тетрадами. Полина почти не сомневалась, что они там будут. Анжей не мог не отдать второй комплект Василию.

Девушка стиснула в кулаке тяжелую связку. Ох, что будет, если она ошибается!

Стоя на пороге, она колебалась. Еще можно положить ключи обратно, спуститься к гостям в столовую и притвориться, будто она вместе со всеми дожидается Ковальского.

Полина решила, что это и будет самым правильным.

И, приняв такое решение, немедленно поступила наоборот: захлопнула дверь и двинулась на обход.

Она начала с левого крыла на втором этаже. Открывала одну комнату за другой, заходила внутрь, осматривалась. Двери недоуменно поскрипывали, встречая ее: кто это здесь? где привычный нам хозяин?

В потревоженных комнатах, просыпавшихся от вторжения, взлетали пылинки, словно крошечные феи. Танцевали в лучах, вились вокруг Полины: кто ты? зачем ты?

Зеркала, очнувшиеся от дневной дремоты, ловили Полину в сети отражений и перекидывали друг другу маленькую фигурку в клетчатом платье: посмотрите, кто здесь? вы знаете ее? мы никогда прежде не видели!

Зеркал было много. В одной из комнат две стены оказались целиком зеркальные, будто собранные из осколков, и в своих стрекозиных глазах они отразили сотню Полин. В первый миг она так испугалась, что чуть не бросилась бежать. Одно порывистое движение – и фигурки тоже метнулись прочь, будто желая вырваться из зазеркального плена.

Полина остановилась и заставила себя оглядеться. И только убедившись, что Ковальского здесь нет, вышла.

Но пока она шла по коридору, ее не отпускало чувство, что ее

крошечные двойники остались внутри и бьются о стекло. Пришлось остановиться, отдышаться. Кто бы мог подумать, что эта комната окажется такой страшной...

Она заставляла себя не концентрироваться на том, что видела за закрытыми дверями. Ничего особенного, комнаты как комнаты, просто... со странностями. Вот именно, со странностями! Как сам Анжей.

Но Ковальского в них не было.

Полина сделала круг и задержалась возле лестницы. Часы по всему дому отбили половину третьего. Словно предупреждали: у тебя мало времени, скоро гости начнут расходиться с обеда.

«Остался первый этаж».

Девушка сбегала вниз, обернулась, проверяя, не следит ли за ней кто-нибудь, и скрылась в ближайшей комнате.

Двадцать минут спустя она вышла в сад и бессильно опустилась на скамейку. Теперь ей было точно известно, что Ковальского нет в доме. Она осмотрела все, включая комнатку садовника (из всей мебели там были только простая кровать и табуретка).

«Если только его тело не засунули в какой-нибудь из необъятных шкафов, – шепнул внутренний голос. – Ведь ты не осматривала шкафы. А они большие. В них вполне может уместиться человек».

Полина подумала о шкафах, но поняла, что еще одного обхода ей не выдержать.

«И потом, что за чушь! Кому могло понадобиться прятать труп Ковальского в шкафу?!»

«Но куда-то же он делся...»

«Труп?»

«Ковальский. Был-был – и исчез».

«Он мог уйти в лес. Это самое вероятное объяснение».

«За грибами?»

«Он мог... мог... Он мог вспомнить, что у него назначена там встреча!»

«В лесу?»

«Почему бы и нет? Если он хотел сохранить ее в секрете...»

Ерунда, все это ерунда. Никакой встречи в лесу Ковальский не мог назначить.

Полина прижала ладонь ко лбу. Что же ей делать? Ждать, что произойдет дальше? Но очень скоро у нее начнут спрашивать, где Доктор, а она не будет знать, что ответить.

Закраться в своей комнате и не выходить, пока что-то не прояснится?

Но Клару Ивановну нельзя оставлять одну. И потом, она здесь хозяйка, пусть и наемная. Она не может просто взять и сбежать.

Полина попыталась уговорить себя, что ничего страшного пока не произошло. Ковальский отсутствует лишь несколько часов, а она уже ударилась в панику. В конце концов, мог он просто пойти прогуляться, чтобы отдохнуть от всех этих людей, желающих решить свои проблемы с помощью его ключей?

Мог.

Но он предупредил бы ее.

И он не оставил бы Давида Романовича, прервав разговор на полуслове.

И взял бы телефон.

«Он обычный человек. Почему бы ему не изменить своим привычкам?»

У Полины не было ответа. Интуиция, подсказывавшая, что случилось что-то нехорошее, в расчет не принималась.

Она достала из кармашка ключ, который всегда носила с собой, и легонько дунула в него. Ключ отозвался приветственным свистом.

– ...причем, заметь, из-за тебя! – донесся до нее насмешливый голос. – Закономерный итог: опоздали к обеду.

– Стопудово. Только при чем здесь я?

– А кто...

Ветер унес обрывок фразы.

Но двое сыщиков уже входили в калитку. Впереди шагал Макар Илюшин – босиком, в джинсах, закатанных до колен, с парой кроссовок в руке. За ним брел Сергей, еле волоча ноги в ботинках, на которых налипли комья грязи. И спортивные штаны его были в черных разводах.

– Если бы тебя не потянуло на берег... – начал Макар, увидел Полину и замолчал.

Она встала им навстречу. Смотрела, как эти двое приближаются к дому, больше похожие на беззаботных отпускников, чем на сыщиков, и с ужасом ждала, что сейчас ее спросят про Ковальского.

– Здравствуйте! – издали приветствовал ее Илюшин. – Погода отличная, правда?

Полина улыбнулась через силу.

– Добрый день! Да, только ветер холодный, северный. Вы, наверное, хотите есть после прогулки...

– Не то слово, – с энтузиазмом согласился Сергей. – Еще как хотим! Извините, что опоздали. Если бы некоторые не полезли исследовать

местность...

– Если бы некоторые не забыли, где оставили машину... – в тон ему отозвался Макар.

– Если бы некоторые не пошли по чертову бревну!

– Если бы некоторые не набрали лишний вес...

– Нет у меня лишнего веса! – набычился Сергей.

– Конечно. А мост подломился из уважения.

– Это был не мост, а бревно!

Полина заставила себя улыбнуться. Стоять с похоронным лицом было просто неприлично.

– Клара Ивановна вас покормит, – сказала она. – Не беспокойтесь, голодными вы не останетесь.

– Вы возвращаете нас к жизни!

Оба направились к дому, но Макар вдруг остановился. Вернулся к Полине, наклонил голову набок и уставился на экономку серыми глазами, ясными, как у птицы.

Несколько секунд он не сводил с нее взгляда.

– Что? – пробормотала смущенная Полина. – Что-то не так?

– Серега, стой, – негромко сказал Илюшин, и Бабкин выпустил ручку двери. – Похоже, у нас проблемы.

– У нас?

– Сейчас выясним. Как только уважаемая Полина скажет, что стряслось.

Бабкин подошел к ним. Экономка молча переводила взгляд с одного на другого.

– Скажите, что произошло, пока нас не было? – мягко спросил Илюшин и присел перед ней на корточки. – Что-то серьезное, да?

Внутри Полины разжалась какая-то пружина. Она шмыгнула носом и призналась, сдерживая слезы:

– Анжей исчез. Я нигде не могу его найти.

Глава 9

Илюшину хватило минуты, чтобы уловить главное в сбивчивом рассказе Полины.

– Серега, дай телефон, – попросил он.

Сам набрал номер Ковальского, выслушал гудки.

– Да, действительно. Полина, вы уверены, что его нет в доме? Может, дадите нам ключи, и мы сами все осмотрим?

Но Полина так испуганно замотала головой, что Макар отступил.

– Ладно, нет так нет. Давайте снова: где, когда, во сколько видели в последний раз.

Они слушали ее с серьезными лицами. Полина боялась, что над ней будут смеяться или просто отмахнутся от ее слов. Но этого не произошло. Сергей что-то быстро записывал, Илюшин расспрашивал. Потом оба встали.

– Оставайтесь здесь, – попросил Макар.

– А вы?

– Мы прошерстим лес вокруг дома и вернемся, – сказал Бабкин.

– Можно мне с вами?

– От вас больше пользы будет здесь.

И ушли. Отсутствовали они не меньше получаса, и за это время Полина извелась. Чтобы хоть чем-то занять себя, она спустилась в кухню, выслушала повествование Клары Ивановны о том, как прошел обед, и без аппетита съела две ложки супа.

Мысленно Полина бродила по лесу с Бабкиным и Макаром. Повариха, заметив ее рассеянность, умолкла и быстро убрала со стола.

– Может, чайку, Полина Аркадьевна?

Девушка вздрогнула и очнулась от забытья.

– Что? А, нет, спасибо. Клара Ивановна, я бы вас отпустила домой, но ведь даже отвезти некому.

– А я бы и пешочком прогулялась, – оживилась женщина. – Погода хорошая, пару километров что не пройти? Если автобус пойдет, так помашу, он меня подберет.

Полина представила, как толстенная розовощекая повариха бредет одна по извилистой лесной дороге, и заколебалась.

– А то в доме мне как-то неуютно, – понизив голос, призналась Клара Ивановна. – Пока готовлю, так ничего. А как сяду без дела, то сразу не по

себе. Как будто кто-то подглядывает за мной.

Полина испуганно посмотрела на нее.

– Ужин у меня есть, только разогреть! – замахала руками Клара Ивановна, неправильно истолковав ее испуг. – Я потом и вернуться могу, накормить этих троглодитов... Ой!

Она по-детски зажала рот пухлой ладошкой.

– Простите, Полина Аркадьевна, сорвалось!

– Ничего, – вздохнула Полина, в глубине души согласная с этой оценкой. – В самом деле, идите, Клара Ивановна. А вечером я сама справлюсь. Только скажите, что вы приготовили.

Пока повариха объясняла, Полина машинально кивала. Значит, Клара Ивановна чувствует себя неуютно...

– А давно у вас это? – вдруг спросила она, перебив повариху на полуслове.

– Что? Рыба? Так на той неделе привезли.

– Нет, я о другом... То, что вы мне сказали про подглядывание.

Клара Ивановна задумалась.

– А вот как гости приехали, так и началось. Еще этот, рыжий, ходит и везде вынюхивает!

– Воловик?

– Точно, он. И грузина, куда ни пойдешь, везде встретишь. А на женщину и вовсе смотреть сил нет.

– Почему?

Повариха оглянулась вокруг и наклонилась к Полине:

– А вы за ней понаблюдайте. Ее как будто червяк точит. Беспокойная она, неприкаянная, как кукушка.

Она вытерла руки полотенцем и аккуратно сложила его на краешке стола.

– А вообще-то неправильно это все.

– Что именно?

– То, зачем они приезжают. Ключи эти...

Полина так изумилась, что даже не нашлась, что спросить. Повариха сама ответила на незадаанные вопросы.

– Я их особо не слушаю, но они ведь говорят за столом-то. Еда всем языки развязывает почище выпивки. Я давно поняла: если надо от человека что-то узнать, посади его за тарелку хорошего борща. Да сало рядом положи. Он тебе сам все расскажет, пока ложкой стучит.

– Вам бы в шпионах цены не было, Клара Ивановна, – только и смогла выговорить Полина. – И что же наши гости?

– Так болтают же! На меня не смотрят, я для них пустое место. О ключах говорят, вспоминают, кому что помогало... Хоть уши затыкай, честное слово.

Полина села. Вот что значит один пропущенный обед и ужин. Если бы она присутствовала, то не дала бы развиться теме. Или хотя бы отправила Клару Ивановну подальше.

– Вы не беспокойтесь, я никому не скажу. – Повариха наклонилась к Полине. – Только все равно это неправильно.

– Что именно?

– Они думают, что всегда найдется человек, который даст им ключ. Хлоп! – и все беды закончатся. Некоторые ведь не в первый раз приезжают. Случилась неприятность, и они к Анжею Михайловичу бегут, чтобы он, значит, все сделал за них. Только ведь неприятность без причины не случается. Из нее человек должен какой-то вывод сделать, сам выбраться. Хотя бы попробовать! Лапками побить...

– Но они наверняка пробовали, – возразила Полина. – К Анжею идут, когда у самих ничего не получилось.

Клара Ивановна смягчилась.

– Если так, то еще ничего. Иначе выходит, что они свою работу переваливают на чужие плечи. Мол, дай нам, милый Анжей Михайлович, ключик, а сами мы утруждаться не будем.

Полина вспомнила своих родителей и вздохнула:

– Разные бывают ситуации. Есть такие, из которых, сколько не утруждайся, сам ни выберешься. Нужна соломинка, спасительная веревочка. Вот приходит человек, которому плохо... А с ключом Анжея Михайловича ему становится хорошо. Как можно его осуждать?

Клара Ивановна помолчала, оттирая ладошкой подбородок от муки. Наконец сказала:

– Не могу объяснить я, Полина Аркадьевна. Слов не хватает. Слушаю вас и понимаю, что вы все правильно говорите. А начинаю сама думать, и кажется, будто от ключей этих не только польза, но и вред. Никак не разберусь.

Проводив Клару, Полина села в кухне и попыталась собрать разбежавшиеся мысли.

Ключи, гости, сыщики, Василий, исчезнувший Анжей... Два человека ожидают встречи с Ковальским: сестра Ирмы и Давид. Страшно представить, что начнется, если она скажет им о том, что Анжея нет. Разорвут Полину в клочки, разбросают по закоулочкам. Опрокинут на нее полную бочку злости. В Давиде Романовиче ее столько, что хватит на

десять Полин.

Хлопнула дверь. Спустя минуту в столовую ввалились сыщики, и по их лицам Полина сразу поняла: поиски ничего не дали.

Так и оказалось. Бабкин с Илюшиным обошли по кругу всю усадьбу, но не нашли и следа человеческого присутствия.

– Хороший лес, светлый, – одобрил Бабкин, доедая суп (Полина моргнуть не успела, как тарелка опустела). – Птицы поют. Белки скачут. Но Ковальского там нет и не было.

– Откуда вы знаете?

– Вижу. Тропинка нехоженая, следов нет.

– Ковальский часто уходит гулять в лес? – спросил Макар.

Полина покачала головой:

– Ни разу не уходил. Но я работаю у него недавно и не знаю всех его привычек.

Вторую тарелку Сергей Бабкин умял с той же быстротой, что и первую. Полина первый раз видела, чтобы человек так ел. Хотелось сесть напротив него, умиленно подпереть щеку рукой и смотреть, приговаривая: «Проголодался, соколик!»

Бабкин отложил ложку и поднял на нее темные глаза.

– А еще есть? – спросил он. И добавил стеснительно: – Очень вкусно...

Пока Полина подогревала суп, Макар Илюшин наблюдал за ней. Девушка чувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Думаете, это я его убила и спрятала тело? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нет, я думал о другом, – вежливо откликнулся Макар. – Но раз уж вы об этом заговорили... Вы его убили?

– Нет. Зачем?

– Например, хотели сбежать из этого дома, а он вам не давал, – подал голос Бабкин. – Если бы вы у меня работали, я бы тоже вас не отпустил.

– Во-первых, тогда нужно задерживать не меня, а Клару Ивановну, повариху. Во-вторых, я не хотела сбежать. Если честно, я бы все отдала, чтобы мне разрешили здесь остаться.

– А ваш собственный дом? – живо спросил Илюшин.

– У меня нет дома.

– Ну, пусть квартира. Родители, друзья...

– Ни первого, ни второго, ни третьего, – сказала Полина, удивляясь своему спокойствию. – Сергей, хотите добавки?

– Нет, спасибо. Послушайте, вы же здесь живете отшельнической

жизнью! Вам это нравится?

– Отшельнической? – озадачилась Полина. Она никогда не рассматривала свою работу с этой точки зрения. – Что ж, может быть. Но, по-моему, здесь замечательно.

– Как вы попали к Ковальскому? – спросил Макар.

– По объявлению. Случайно прочитала в газете, когда искала работу.

– По объявлению... – повторил Илюшин. – Любопытно. А до объявления?

Полина непонимающе смотрела на него.

– Вы ведь не просто так появились здесь. Вас привели какие-то... Назовем это обстоятельствами биографии.

– Откуда вы знаете?

– Вижу, – ответил Макар точно так же, как Бабкин – на вопрос о лесе. – Что у вас произошло?

Полине на ум пришло сразу несколько фраз, одна язвительнее другой. Она могла бы поинтересоваться, какое отношение ее биография имеет к исчезновению Ковальского. Или спросить, почему она должна удовлетворять чужое любопытство. Или даже посоветовать не лезть не в свои дела.

Но вслух она сказала только:

– Это неинтересная история.

– А я люблю неинтересные истории. Расскажите. Только сядьте, пожалуйста.

Полина придвинула стул. С чего начать? Ему, наверное, нужны только факты.

– Три года назад я встретила мужчину. Он на пятнадцать лет старше меня. Сначала мы работали над одним проектом, потом у нас завязался... роман.

При чем здесь роман? Удивительно пошлое слово. Она любила его, вот что. Сказать это вслух совершенно невозможно, но про себя можно хоть тысячу раз. Она любила его. Радостно, доверчиво, восхищенно, испуганно. Сначала было «она любила его», а потом стало «они любили друг друга».

Полина быстро взглянула на Макара – не мелькнет ли понимающая усмешечка на лице? Или скука от того, что все оказалось так ожидаемо: очередная история брошенной молоденькой дурочки.

Но Илюшин не смеялся. Он внимательно слушал.

– Дима перетащил меня на другую работу, в маленькую фирму своих друзей. Платили столько же, но он говорил, что мы сможем встречаться почти каждый день.

Ради того, чтобы чаще видеться с ним, она бы пошла работать куда угодно. Хоть в коровник. Он хотел, чтобы она была рядом. От этой мысли ее окатывало счастьем, и сначала становилось очень холодно, а потом сразу очень жарко.

Она встала, налила воды и вернулась.

– У нас все шло прекрасно, если не считать одного. У Димы была мечта. Он мечтал о доме за городом. Грезил собственным коттеджем. Москву ненавидел и не раз говорил мне, что не хочет жить в этом городе. Что хочет спускаться с крыльца на собственную землю, топить печь, рубить дрова. Гулять в лесу, а не в ближайшем парке.

– Хорошая мечта, – одобрил Сергей.

– Он не мог думать ни о чем другом, кроме своего дома. И меня убеждал, как замечательно мы с ним заживем. Рассказывал, что мы заведем двух собак. Белого лабрадора с добрым лицом и лохматого норвич-терьера. Знаете, это такие маленькие собачки, похожие на дворняжек. Очень смешные... У них острые ушки и очень умные глаза. И вообще они умные. Я про них много знаю.

Полина замолчала. Она не хотела читать сыщикам лекцию о норвич-терьерах. Но они с Димой и в самом деле часто говорили о том, каких собак заведут, когда у них будет свой дом. Дима даже звонил в питомники, хотя Полине казалось, что это преждевременно.

– Знаете, у меня не было отношений до Димы. – Она смутилась и потянула из кармана ключ, подаренный Ковальским. – Он был старше, умнее, значительнее... Он убедил меня, что собственный дом – это очень здорово. Проблема была в том, что ему не хватало денег. У него были сбережения, но их хватило бы на дом в два раза меньше того, который он хотел.

– С этого можно было начать, – заметил Макар.

– Дима не хотел ни с чего начинать. Он много раз говорил, что мечта – это не проект, она должна сбыться вся и сразу. Например, он получил бы наследство от тетушки из Франции.

– У него во Франции была тетушка?

– Была и есть. Жива до сих пор. Но она всего на десять лет старше Димы, поэтому на наследство надеяться не приходилось.

Полина положила ключ на стол перед собой.

– Мы собирались пожениться... Но Дима хотел, чтобы после свадьбы мы вернулись в свой коттедж. Тот самый, который он нафантазировал. Говорил, что тогда нас будет ждать счастливая жизнь, он это чувствует. И в конце концов придумал, откуда взять деньги.

Она помолчала, зацепившись взглядом за ключ. Ей еще не приходилось рассказывать эту историю целиком. Тем более посторонним. С каждой следующей фразой это давалось все тяжелее.

– Мой дедушка был ученый, – наконец сказала Полина. – У них с бабушкой была прекрасная квартира на Берсеневской набережной. После смерти бабушки она досталась мне.

– Вся? – быстро спросил Илюшин.

– Вся.

– Ясно. – Макар сочувственно кивнул. – Тогда все ясно.

– А мне нет, – вмешался Бабкин. – И что с квартирой?

– Я продала ее. А вырученные деньги мы вложили в дом. Дима нашел бригаду, которая быстро построила коттедж. Он получился очень красивый и уютный.

Она подумала и добавила:

– Я хотела посадить вокруг шиповник и черноплодную рябину. Знаете, какая вкусная наливка из черноплодки? Даже вкуснее, чем из вишни! Меня бабушка учила ее делать...

Полина запнулась. Эти беспомощные слова ничего не передавали! Они не могли выразить, как счастлива она была целых три месяца, пока обставляла дом, запасала банки для варений, выбирала растения для будущего сада. У нее был дом, свой дом, чудесный домик с маленьким садом. Был любимый, приходивший по вечерам с работы и радовавшийся ее маленьким придумкам. Впереди открывалась невозможно счастливая жизнь, в которой были муж и дети, толстый пушистый кот с носочками на лапах, цветы шиповника все бесконечное лето, а зимой – банки с золотистыми дольками яблок, и кофе по утрам, и лай смешной ушастой собачонки, скачущей в снегу, и рубиновая наливка по вечерам из маленькой рюмочки – сладкая, как сны об августе.

От счастья Полина летала стрижом. Ей хватало энергии на все. Тогда-то Дима с насмешкой обронил, что из нее вышла бы отличная домохозяйка. А она обрадовалась его словам, решила, что это поощрение. Думала, он благодарен ей за то, что она обустроивает их жилище.

– Потом мы расстались, – буднично сказала Полина. – Мы прожили в новом доме совсем недолго. Три месяца. Однажды Дима сказал, что он... Что он не любит меня больше. Что мы сделали ошибку, поселились вместе слишком рано. Он понял, что семейная жизнь не для него.

«И еще – что ты его разочаровала, – напомнил внутренний голос. – Что ты толстая, с плебейскими лодыжками и запястьями. Он сказал, что не может хотеть такую женщину всю жизнь. И что ты очень милая, но это

лишь в силу юности. В тебе нет изящества, нет шика. Но самое главное – в тебе нет ничего интересного. Ты клуша, готовая заниматься лишь хозяйством и детьми. А он не такой. Ему нужна женщина, которую он мог бы боготворить».

– Да, неприятно, – сказал Бабкин. – Значит, вы развелись?

Полина засмеялась:

– Вы забыли. Мы ведь хотели расписаться только после того, как у нас появится дом. Нам не пришлось разводиться, потому что мы не были мужем и женой.

И тут Сергей начал понимать. Она увидела это по его вытянувшемуся лицу.

– Вы хотите сказать, что дом...

– Дом остался ему, – сквозь смех подтвердила Полина. – Я разве не сказала, что он был записан на Диму? И что все деньги от продажи квартиры я... ха-ха!... отдала ему просто так? Мне и в голову не пришло попросить у него расписку, потому что мы очень любили друг друга! Разве между любящими людьми могут быть расписки? Ха-ха-ха!

Бабкин молча подвинул к ней стакан с водой.

Полина опрокинула его залпом, как водку, поперхнулась и долго не могла откашляться.

– С работы меня тоже выгнали, – уже спокойнее сказала она. – Диме оказалось трудно видеть меня каждый день. А хозяева фирмы были его друзья. Я осталась без работы, а тут как раз кризис...

Полина перевела дыхание.

– Я понимаю, что это я во всем виновата. Одна моя подруга назвала меня крошечной дурой. Она была права.

«Мне нечем себя оправдать. Я безропотно слушалась Диму, я растворилась в нем. Даже не понимала, как может быть по-другому».

– На сколько, говорите, он вас старше? – пробурчал Сергей.

– На пятнадцать лет.

Бабкин с Илюшиным обменялись быстрыми взглядами.

– Если через суд... – начал Сергей.

Макар поморщился:

– Мало шансов. Где доказательства, что Полина вкладывала деньги в строительство?

– Проданная квартира.

– Ну и что? Он скажет, что знать не знает, куда она потратила такую сумму. Может, перевела трудящимся Египта. А он копил всю жизнь на свою мечту.

– Ее участие в ремонте, – не сдавался Сергей.

Макар с сомнением посмотрел на девушку.

– Полина, вы что-нибудь покупали сами? У вас остались чеки на руках?

Она покачала головой.

– Вот видишь. Если с его стороны это был не спонтанный шаг, отсудить половину почти невозможно.

– Думаешь, подстраховался?

– Конечно.

– М-да...

Оба замолчали и уставились на Полину. Сергей – сочувственно. Макар – с трудно определяемым выражением.

Она почувствовала, что краснеет. Ее охватил мучительный стыд: за свою глупость, за то, что ее бросили.

– А родители твои куда смотрели? – вдруг рыкнул Сергей.

– Родителей нет. – Полина почти не погрешила против истины. – Только бабушка. Она умерла за полгода до того, как мы встретились с Димой.

– И ты от одиночества и тоски прилепилась к первому попавшемуся проходимцу.

Полина покачала головой.

– Он не проходимец. Просто у него мечта. А я в эту мечту не вписывалась. Когда это обнаружилось, он не захотел расставаться с тем, что имел. На его месте я бы, наверное, тоже не захотела.

– Ты его оправдываешь? – поразился Бабкин.

– Я просто понимаю, почему он это сделал. Он меня разлюбил. А с теми, кого не любишь, можно не считаться. Некоторые так думают, я знаю.

– Черт возьми, при чем здесь «разлюбил»? Разлюбил – верни взятое и иди на все четыре стороны.

Сергей казался разозленным донельзя. Он прошелся по кухне, которая сразу стала очень маленькой, и повернулся к Полине.

– Он вообще ничего тебе не вернул?

– Он не мог. Для этого пришлось бы продать дом.

У Бабкина стало такое лицо, словно он хочет стукнуть девушку.

– Ну, хорошо... – процедил он. – С домом ясно. А на работе ты его чем не устраивала? Шантажировала? Рыдала? Закатывала скандалы?

– Конечно, нет, – спокойно сказал Макар, не дав ей ответить. – Полина ходила тихо по стеночке и старалась слиться со своей тенью.

Это описание оказалось настолько точным, что девушка вздрогнула.

– Но люди не могут видеть тех, перед кем они виноваты, – продолжал Илюшин. – И Дима убрал свою бывшую подругу с глаз долой. Иначе бы он очень страдал, видя ее несчастное лицо. Да, Полина? И вы, конечно, нашли оправдание и этому поступку.

– Почему оправдание, – пробормотала она, – я просто понимаю...

– ...почему он это сделал, – закончил Илюшин. – Разумеется. Он это сделал, потому что вы его не устраивали. В глобальном смысле. То есть вы перед ним виноваты, потому что вы именно такая, а не другая.

– Что за чушь! – взревел Бабкин.

– Это не чушь, – тихо сказала Полина. – Это правда.

Она вытерла слезы, выступившие от недавнего смеха. Казалось, будто ее промыли изнутри соленой водой. Теперь немного пощипывало, но зато стало чище.

– Я понимаю, что вы стараетесь меня утешить, – с благодарностью сказала она. – Но я действительно сама виновата.

– Макар! – яростно воззвал Бабкин. – Ты это слышишь? Черт, объясни же ей!

– Я слышу, что сюда идут, – сообщил Илюшин, наклонив голову.

Снаружи простучали каблучки.

– Э-эй, есть здесь кто-нибудь? – позвал женский голос.

– Анжелика, сестра Ирмы! – шепотом воскликнула Полина.

Хотела отозваться, но Анжелика уже сама заглянула в кухню и опешила, увидев экономку в компании двоих мужчин.

– Простите, кто из вас Анжей?

Макар снова взял дело в свои руки. Он превратился в самую любезность. Представил себя и Сергея, причем отрекомендовался помощником Ковальского.

– Где он сам? – недовольно спросила Анжелика. – Я хочу поговорить с ним насчет сестры.

– Вынужден был уехать к пациенту, – не моргнув глазом, соврал Илюшин. – Будет только завтра.

– Черт знает что! – рассердилась женщина.

– Согласен. Безобразие.

Анжелика набросилась на Полину:

– Почему вы меня не предупредили?

Илюшин не дал девушке и рта открыть.

– Это стало для всех сюрпризом, – пояснил он. – Мы тоже огорчены.

Анжелика посмотрела на него с подозрением. Но ее встретил простодушный взгляд Макара.

– Сообщите мне, когда он вернется, – сказала она без прежней злости. – Если Анжей Михайлович приедет раньше, я буду у сестры.

Обожгла Сергея взглядом прекрасных голубых глаз и вышла.

Когда шаги стихли, Макар выглянул в столовую.

– Ушла, – сказал он, вернувшись. – Серега, поздравляю. Ты выбран жертвой.

– Я должен быть польщен?

– Ты должен быть начеку. Не успеешь оглянуться, как тебе свяжут копыта, вскинут на плечо и поволокут в пещеру. Полина, зачем этой даме понадобился Ковальский?

– Не знаю. Доктор забыл предупредить меня о ее приезде. Вчера он был очень расстроен из-за Василия.

– Да, конечно... – Макар встал, думая о чем-то своем. – Вот что, давайте сменим дислокацию. Сюда будут часто заходить. Нам нужно поговорить в спокойной обстановке. Есть такое место?

– Библиотека, – предложила Полина. – Можно закрыть дверь, чтобы никто не мешал.

– Отлично. Среди книг и думается легче.

– А мне среди книг чихается легче, – проворчал Бабкин. – Может, поближе к продовольствию?

Но Полина и Макар уже покинули кухню.

Библиотеку они заняли своевременно. Пять минут спустя в дверях появился Далиани и был неприятно удивлен, увидев всю компанию в креслах. Давид Романович намекнул, что желал бы почитать в тишине. На что Илюшин ответил, что любая книга в распоряжении Давида Романовича, а в каминной комнате сейчас как раз никого нет.

Слушая их, Полина в очередной раз убедилась, что Давид Далиани не признает слова «нет». Он не понимал, почему бы это им троим не перейти в каминную комнату, а также в гостиную, столовую, в сад, наконец! Ему нужны книги!

Чем настойчивее становился Далиани, тем учтивее отвечал Илюшин. Давид, взбешенный его спокойствием, вынужден был уйти. Макар пожал плечами и вернулся в кресло.

– Поехали.

На Полину обрушился поток вопросов. Илюшин хотел знать все. Привычки Доктора, его последний разговор с девушкой, сведения о гостях... По вопросам Полина понимала, что очень многое сыщик успел узнать и сам. Но для чего-то ему было нужно получить ответы именно от нее.

Час спустя Полина ощущала себя вишенкой, из которой сначала выковыряли косточку, а потом опустили в сироп и долго варили. Она рассказала все, что знала, и даже чуть больше. Умолчала лишь об одном: о подслушанном разговоре Ковальского с Василием.

Полина сомневалась, что поступает правильно. Но она не считала себя вправе распоряжаться чужими тайнами.

Поняв, что девушка устала, Илюшин объявил перерыв.

– У вас есть хоть какие-нибудь версии? – робко спросила Полина. – И что нам делать дальше?

– Подождать до завтра. И если ничего не изменится, идти с заявлением в милицию. Сегодня мы успеем еще раз осмотреть дом.

– Но ведь я уже... – заикнулась Полина.

– И тем не менее. Среди нас есть как минимум один специалист по обыскам. Глупо было бы не воспользоваться его услугами.

Макар говорил полусутя, но девушка поняла, что возражать не имеет смысла. Она сдалась и вытащила из кармана связку ключей Василия.

– Потом, – остановил ее Илюшин. – Мы еще не закончили. Мне сейчас нужно позвонить. Вы не сделаете кофе?

– Сделаем, – поднялся Сергей. – Я помогу.

Полина с благодарностью взглянула на него.

За то время, что она общалась с сыщиками, ее первое впечатление изменилось. С Сергеем Бабкиным они непринужденно перешли на «ты». Одно его молчаливое присутствие успокаивало и внушало надежду, что все наладится.

От сероглазого симпатяги Макара Илюшина исходило отчетливое ощущение скрытой угрозы. Это не имело отношения к Полине. Но и не прибавляло ей душевного равновесия.

Она не могла поверить, что поначалу он показался ей похожим на мальчишек, работавших вместе с ней. Айтишники были безобидными и забавными. Макар Илюшин умел казаться забавным, но безобидным он не был ни при каких обстоятельствах.

И еще Полине почудилось, что во время их разговора в нем нарастало напряжение.

Илюшин пропал минут на тридцать. За то время, что его не было, они успели сварить кофе, выпить и приготовить новый. А когда вернулись в библиотеку с кофейником, у входа отирался Тарас Воловик.

– Читающий народ у вас собрался, – тихо сказал Бабкин, увидев Тараса. – Все тянутся к печатному слову.

– Это сегодня что-то на них нашло.

Полина достала ключ и порадовалась, что догадалась запереть дверь.

– Почему закрыто? – скандально осведомился Тарас, когда они подошли.

– Перерыв на учет, – пробасил Сергей.

– Не надо со мной шуточки шутить. Мы тут не в цирке.

– Никаких шуток. Анжей Михайлович поручил нам составить полный каталог книг.

– Систематизировать, – пискнула Полина.

Тарас посмотрел на кофейник. На Сергея. Что-то в лице Бабкина подсказало ему, что настаивать бесполезно.

– Сегодня вечером я поговорю об этом с Ковальским, – пообещал Воловик. – Я оплачиваю свое пребывание здесь и имею право на культурный досуг! Между прочим, немалые деньги! Если вы ограничиваете мои права, то верните мне часть потраченной суммы.

– Мы сделаем проще, – раздался голос сзади. К ним без улыбки на лице подошел Макар. – Мы вернем вам все деньги и будем считать нашу договоренность расторгнутой.

Воловик отступил на шаг.

– А почему это вы распоряжаетесь за Ковальского?!

– Я его помощник. Заменяю Анжея Михайловича, пока он в отъезде. Полина, вызовите такси Тарасу Иммануиловичу.

– Не имеете права! – выкрикнул Тарас. – Мне обещали помочь! Я никуда отсюда не уеду!

Он прошмыгнул мимо сыщиков и с удивительным проворством убежал вниз по лестнице.

Открыв дверь, Полина с запозданием сообразила, что именно предложил Илюшин.

– А если бы он согласился?!

– Не согласился бы. Ему очень хочется остаться в этом доме. Либо у него действительно очень серьезные проблемы....

– Либо есть еще какая-то причина, – закончил Сергей и плотно прикрыл дверь. – Ты что-то узнал?

– Не узнал, – отрывисто сказал Макар. – Подтвердил то, о чем и сам вспомнил. Это связано с деятельностью Ковальского.

– С ключами?

Илюшин взглянул на Полину. Девушка правильно поняла этот взгляд и поднялась.

– Я вас оставлю. Если что-нибудь потребуется, я в кухне.

«Обидно. Хотя и понятно. Мавр сделал свое дело, мавр может

уходить. Они узнали от меня все, что могли, и теперь я им не нужна».

Она уже открывала дверь, когда услышала за спиной:

– Подождите.

Полина обернулась. Макар испытующе смотрел на нее и что-то прикидывал.

– Может быть, будет лучше, если вы останетесь.

– Может быть? А может быть и хуже?

– Хуже – вряд ли. Вы ведь не начнете рассказывать всем подряд то, что услышите здесь?

– Не начну, – пообещала Полина.

– Тогда оставайтесь.

Скрывая радость, девушка вернулась в кресло. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которой разрешили присутствовать при разговорах взрослых.

Они с Бабкиным переглянулись и выжидательно посмотрели на Макара.

– Ну, рассказывай, – не выдержал Сергей. – Напустил тумана и молчит.

– Ты заметил, что Ковальский чего-то боялся? – неожиданно спросил Илюшин.

– Заметил.

– А вы, Полина?

– Мне показалось, ему было не по себе последние дни.

– Именно так. Ему было не по себе. Я это почувствовал, когда мы разговаривали в первый раз. Ковальский был похож на человека, испытывающего безотчетный страх. Но когда я спросил, есть ли те, кого ему стоит опасаться, он ответил отрицательно.

– Соврал, – предположил Сергей.

– Непохоже. Я несколько раз выводил его на эту тему. Каждый раз он реагировал одинаково: с удивлением. Я почти уверен, что искренним. Ковальский, говоря с нами, не предполагал, что кто-то хочет его убить или причинить вред.

– Тогда чего ему было бояться? Огласки каких-нибудь грязных делишек из прошлого?

Полина вздрогнула и посмотрела на Сергея с испугом. Она быстро взяла себя в руки. Но от Илюшина не ускользнула ее реакция.

– Думаю, тут дело не в делишках. Начать историю придется со сказки.

– Сказки? – хором переспросили Полина и Сергей.

– Есть старинная легенда о пастухе и джинне, – сказал Макар и запрыгнул на подоконник. – Пастух пас коз. Одна из них упала в

расщелину скалы, и он полез за ней. Но, кроме козы, нашел на дне расщелины древний сосуд. Пастух вытащил и то и другое и, забыв про свое стадо, откупорил крышку. Как полагается в легендах, из сосуда появился джинн.

– И пастух загадал ему три желания, – скучающим голосом протянул Бабкин.

– А вот с этого момента история развивается не совсем типично для древних легенд. Пастух расспросил джинна и выяснил, что тот много столетий обитает в сосуде. Ни один из предыдущих хозяев не пытался освободить его. Ведь в этом случае ему пришлось бы пожертвовать всеми желаниями.

– Почему же всеми? – спросил Сергей. – Можно было загадать два желания, а третье передать в фонд спасения заключенных джиннов Африки.

– Нельзя. Использование первого желания ставило крест на возможности освободить джинна. Загадавший желание становился хозяином демона, но одновременно и зависел от него. А дать ему свободу мог только тот, кто сам полностью свободен.

– В этом что-то есть, – согласился Сергей. – И что дальше?

– Джинн покорно ожидал приказаний нового властелина, но пастух решил иначе. Заключенный дух предлагал ему горы злата, красивейших девушек мира и могучую армию для его покорения. Но пастух сказал, что не сможет наслаждаться ни первым, ни вторым, ни третьим, зная, что это куплено ценой страданий. Он произнес заклятие, освобождавшее духа, и разбил сосуд о скалу.

Макар спрыгнул, нацедил кофе и вернулся на подоконник.

– Освобожденный джинн был потрясен, – продолжал он, отхлебывая из чашки, – и решил отблагодарить спасителя. Он появился перед пастухом через семь дней и громогласно объявил, что все это время творил древнее заклинание, такое могущественное, что даже ему, великому джинну, раньше было не под силу подчинить его себе. Но теперь, когда он перестал быть рабом сосуда, у него все получилось.

Макар снова замолчал, отпивая кофе.

– И что же? – не выдержала Полина. – Что он сделал?

– «Ты необычный человек, – сказал он пастуху, – и я не знаю, чего хочет твоя душа. Потому я предлагаю тебе выбор».

Джинн сотворил три двери: красную, белую и зеленую. Тот, кто входил в белую дверь, приобретал мудрость и славу, равные мудрости величайшего из ученых и славе известнейшего из правителей. Его деяния

принесли бы благодать народу. Тот, кто выбирал красную дверь, вставал на стезю лучшего из творцов, рождавшихся на земле. Он мог писать такие картины, от которых прозревали бы слепцы, а его лютня вызывала бы к жизни музыку, над которой даже духи небес плакали от счастья.

– Служение людям и творческий путь, – проворчал Бабкин. – Любопытно. А третье?

– Тот, кто распахивал зеленую дверь, не становился ни знаменитым, ни богатым. За зеленой дверью ему открылся бы прекрасный сад, где каждый счастлив. Но тот, кто выбрал бы этот путь, навсегда покинул бы наш мир.

Полина нахмурилась:

– Третий путь – это метафора смерти.

– Скорее рая, – поправил Сергей.

– Или и того, и другого, – сердито проворчал Макар. – Дальше рассказывать?

– Рассказывать! – дружно сказали Полина и Бабкин.

– Когда джинн кончил говорить, в воздухе появились три двери. Джинн раскрыл ладонь, и пастух увидел на ней ключ. «Он подходит к любой двери, – сказал дух, – но ты сможешь войти только в одну. Или же на пороге любой из дверей ты можешь загадать единственное желание. Оно исполнится. Но тебе придется вернуться в твой мир и остаться в нем».

Онемевший пастух взял ключ. Он стоял перед тремя дверями, не зная, какую выбрать. Он бросался то к белой, то к зеленой, то вспоминал про красную и замирал возле нее в мучительных раздумьях. Картины, нарисованные джинном, оказались слишком заманчивы, чтобы он мог остановиться на чем-то одном. Наконец пастух упал перед джинном на колени и взмолился: «Избавь меня от выбора! Иначе я умру от неутолимого голода, как тот ишак, что стоит между двух вязанок сена и не знает, к какой тянуться. Забери обратно свой подарок, он слишком щедр для меня».

Услышав это, джинн разгневался. «Я творил эти миры семь дней! – воскликнул он. – А ты пренебрегаешь моим даром! Ты жалкий человек, неспособный расслышать голос собственного сердца! Ты не заслуживаешь ни одной из тех судеб, что я уготовил тебе. Взгляни, безумец, чего ты лишился!»

В ярости джинн взмахнул рукой, и каждая из дверей распахнулась перед пастухом. Всего на несколько мгновений – но он успел разглядеть и рукоплещущую толпу, и памятник в его честь на главной площади города, и дивный сад, подобного которому нет на свете. Джинн щелкнул пальцами, и двери захлопнулись. Пастух бросился к зеленой, но было поздно: вдруг налетел страшный смерч, который расшвырял его коз, подхватил все три

двери и исчез в пустыне.

– Нравоучительная история, – заметил Бабкин. – А не помог бы джинну, остался бы жив-здоров со своими козами.

– На этом она не кончается. Когда пастух очнулся, джинн снова появился перед ним. Ярость его утихла. «Ты оскорбил меня, отказавшись от моих подарков, – заявил он. – Но я не забыл, что ты спас меня от заточения. А потому двери не уничтожены. Они остались в этом мире, но спрятаны, и если ты действительно захочешь войти в одну из них, тебе придется найти ее самому».

Так сказал джинн, а пастух остался один под палящим солнцем, сжимая в руке ключ.

Но с тех самых пор он потерял покой. Во снах ему являлись волшебные двери. Он проклинал тот миг, когда отказался от щедрого подарка джинна.

В конце концов пастух продал дом и исчез из тех краев. Долгие годы он бродил по свету, пытаясь отыскать хотя бы одну дверь из трех. Но оскорбленный джинн сыграл с ним злую шутку. Пастуху попадались и белые двери, и зеленые, и красные, и он тысячи раз пытался открыть их, но тщетно – ключ не подходил. Подобно человеку, ищущему единственную подлинную жемчужину среди сотен фальшивых, пастух перебирал города. Он больше ничего не видел, кроме дверей, и стучался, стучался, стучался, пока однажды не умер на пороге одной из них. Но и эта дверь не отворилась перед несчастным, ибо шанс дается только один раз, и для упустившего его все двери будут глухими.

Макар допил кофе и поставил чашку на подоконник.

– И это все? – нахмурился Сергей. – Я что-то не понимаю...

– Я тоже, – тихо поддакнула Полина. – Макар, при чем здесь эта легенда? Это ведь всего лишь притча!

– Верно!

Макар громко хлопнул в ладоши и спрыгнул с подоконника. Полина вздрогнула.

– Да, это всего лишь притча! – скрывая возбуждение, бросил Илюшин.

И закружил по комнате.

Бабкин откинулся на стуле, поняв, что то, что они слышали, было лишь прелюдией. Основная история начинается сейчас.

– Притча, – растерянно повторила Полина.

Макар резко остановился и взглянул на нее.

– Но ведь именно она вызвала к жизни сообщество, которое существует уже много лет.

Бабкин вскинулся, словно охотничья собака, почуявшая добычу:

– Что еще за сообщество?

Макар отошел к окну, заложил руки за спину. Минуту он молчал, взгляд его скользил по саду. Затем обернулся:

– Они называют себя привратниками. Наверное, потому что привратник – тот, кто находится *возле* двери. Хотя это далеко от истины, поскольку дверь-то они как раз и не нашли.

– Да кто «они»?! – воскликнула Полина.

– Про них известно не очень много. Отчасти потому, что сообщество немногочисленно. Вторая причина заключается в том, что мало кто принимает их всерьез. Я услышал о них давным-давно от знакомого, который много лет изучает секты и тайные общества Европы. И запомнил. Они показались мне любопытными.

Макар бросил еще один взгляд на сад и закрыл створку окна. Звуки снаружи исчезли, и в комнате стало очень тихо.

Это простое действие сразу убедило Бабкина в серьезности слов Илюшина. Его напарник никогда не стал бы предпринимать такие меры без причины. Значит, было то, что действительно беспокоило его. А если Илюшина что-то беспокоило, самым правильным было обеспокоиться вместе с ним.

Поэтому Сергей поднялся, подошел к Макару и внимательно осмотрел сад из-за шторы. Затем бесшумно подкрался к двери и резко распахнул ее.

В коридоре никого не было.

Полина наблюдала за ними расширенными от удивления глазами.

– Что здесь происходит? Что вы делаете?

Сергей запер дверь и вернулся на место.

– Рассказывай, – коротко попросил он.

– Этой организации очень много лет, – вполголоса сказал Макар. – Члены сообщества считают, что ведут свою историю от пастуха, о котором говорится в легенде. Их собственная история гласит, что у пастуха было пятеро детей. Он постоянно рассказывал им о встрече с джинном, но только двое из пятерых поверили его словам. Поверили настолько, что ушли и бродили вместе с ним в поисках двери.

– Но ведь пастух умер, – вопросительно протянула Полина.

– Это не помешало им продолжить поиски. У сыновей остался ключ, и они были уверены, что рано или поздно найдут одну из дверей. Их уверенность оказалась заразной, потому что позже к поискам присоединились и другие люди. Постепенно общество разрослось, и, хотя поиски велись в большой тайне, сведения о них все-таки просочились

наружу. Нашлись люди, которые попытались выкрасть ключ, оставленный пастухом. Быть может, это были такие же безумцы или шутники, решившие сыграть недобрую шутку... Как бы там ни было, розыгрыш закончился плохо: обворованные нагнали похитителей, и пролилась кровь.

Ключ они вернули, но вынуждены были бежать из страны и скрываться. Многие годы никто не слышал об этом обществе. Однако наследники пастуха тайно продолжали поиски. Ряды тех, кто верил в правдивость легенды, росли. По словам моего знакомого, сейчас в сообществе около двух тысяч человек. Среди них есть люди весьма богатые, они дают средства на поддержание поисков. «Привратников» возглавляет прямой наследник пастуха, и ключ хранится у него.

Сергей потер лоб.

– Две тысячи сумасшедших – это не много, но и не мало.

Но Макар покачал головой.

– Они не сумасшедшие. Они фанатики. Мой знакомый разговаривал с одним из тех, кто когда-то был в обществе, но потом вышел из него. Вышел не потому, что перестал верить сказкам, а потому, что счел дальнейшие поиски бессмысленными. «В мире столько зданий, в них огромное количество дверей, – сказал он, – и не хватит жизни пяти поколений, чтобы исследовать их. Мы все дальше от цели». У этого здравомыслящего человека не было ни малейших сомнений в том, что двери существуют.

В закрытое окно ударилась муха. Макар отошел, встал возле кресла, поглядывая на ползающее по стеклу насекомое.

– За долгие годы «привратники» создали свою религию, – продолжал он. – Их вера проста: ищите и обряцете. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Стучащему – отворят, понимаете? Члены общества не хотят верить в то, что дверь – это символ. Они убеждены, что древнюю легенду нужно трактовать буквально. Согласно их вере, один нашедший призывает к себе остальных, и вместе они пройдут в дверь, обретя новую жизнь.

Больше мне не удалось ничего узнать. Я тогда не интересовался этой темой. Только посмеялся над тем, что, как уверял мой приятель, Герберт Уэллс тоже входил в братство «привратников». Его рассказ «Дверь в стене» как раз повествует о человеке, которому была показана одна из дверей, зеленая.

– Герой рассказа умер, пытаясь найти ее, – тихо сказала Полина, хорошо помнившая рассказ.

– Или вышел в нее и обрел желаемое, – возразил Макар. – А земную

оболочку оставил здесь. Рассказ Уэллса можно трактовать по-разному, как и древнюю легенду.

– Слишком уж много людей восприняли эту фантастическую идею всерьез, – сказал Сергей, обдумывая слова Илюшина. – Это не кажется тебе странным?

– Тысячи людей по всему миру играют в хоббитов и эльфов, и многие из них верят, что миры Толкиена существуют, – напомнил Макар. – Всегда находятся те, кто упорно пытается сбежать из этого мира. И еще больше тех, кто жаждет в одночасье получить то, чего нужно добиваться годами. За время, потраченное на поиски Белой или Красной дверей, некоторые «привратники» могли бы и так стать великими учеными или художниками. Но этот путь мало кому подходит. С Зеленой Дверью дело обстоит сложнее: она воплощает мечту человека о других мирах, от которых нас отделяет всего один шаг. Или одна дверь.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина.

– Послушай, на дверях есть какие-нибудь опознавательные знаки? – спросил практичный Сергей. – Их можно узнать по одному только виду? По фотографии?

Макар покачал головой.

– А что нужно сделать с дверью, чтобы убедиться, что это та самая, джинновая?

– Наверное, ключ должен подойти, – неуверенно предположила Полина.

– Само собой, – повернулся к ней Илюшин. – Но этого мало. Мой приятель рассказал, что за всю историю существования общества было три случая, когда ключ подходил к двери. Но просто открыть замок недостаточно.

– Какое-нибудь заклинание?

– Или жертвоприношение, – буркнул Бабкин.

– Нет, все проще. Нужно вставить ключ в замочную скважину и провернуть. Когда дверь откроется, войти внутрь, не забыв взять ключ. И снова вставить его в замок, уже изнутри. Еще раз отпереть им дверь. Получается, человек должен дважды пройти через дверь: сперва – туда, а затем обратно. И тогда она распахнется в один из миров, обещанных джинном.

– Та же самая дверь, через которую только что вошли? – уточнила Полина.

– Да. Открытая второй раз, она выведет в другие возможности.

– Ключу некуда будет проворачиваться, – заметил Сергей. – Дверь-то

уже открыта один раз!

Макар развел руками:

– Не я придумал эту легенду, мой здравомыслящий друг. Вера иррациональна. Она... Полина, что с вами?

Девушка невидяще уставилась в одну точку перед собой. Губы ее шевелились, лицо побледнело.

– Тебе плохо? – встревожился Сергей.

Полина подняла на них ошеломленные глаза.

– Макар... – с тихим ужасом спросила она, – вам сказали, в какой стране находится общество «привратников»? Где хранится ключ, который принадлежал пастуху?

– По утверждению моего знакомого, покинувшего общество, ключ хранится...

– ... в Венгрии, – упавшим голосом закончила Полина.

Макар осекся и замолчал.

– Это интересно, – протянул он, глядя на экономку как на заморскую диковинку. – Значит, я все-таки не зря разрешил вам остаться. Да, в Венгрии. Откуда вы знаете?

– О господи! – Полина прижала ладонь к губам. – Этого не может быть... Он украл тот самый ключ!

Глава 10

Как ни торопились Макар с Бабкиным, Полина опередила их. Она не шла, а летела. И замедлила шаг только в галерее.

– Может, ты объяснишь... – начал подоспевший Сергей.

– Комната! – перебила девушка. – Вот комната с ключами!

Бабкин оглядел сумрачный коридор.

– Где?

– Здесь. Макар, дайте трость!

На второй раз это далось ей легко.

Приложить набалдашник к черепу. Нажать. Дождаться щелчка. Толкнуть раму в сторону.

Картина отъехала влево. Перед ними открылся проход.

– Фигасе! – ошеломленно выдохнул Сергей.

– Впечатляет, – пробормотал Илюшин.

Посмотрев на их изумленные лица, Полина испытала слабое удовлетворение. Ей удалось хоть чем-то их удивить.

– Пойдемте, пойдемте, – заторопилась она. – Вдруг нас кто-нибудь здесь увидит?

– Да кто сюда заходит! – проворчал Бабкин. – Эти портреты могут до паранойи довести.

– Затем они здесь и повешены. – Илюшин забрался следом за ними и выглянул наружу.

– Что там, Макар?

– Никого. Полина, можно вернуть картину на место?

– Сейчас... минуточку!

Она нащупала кнопку. Картина задвинулась, отсекая тусклый свет галереи. Сразу бросилась в глаза белая полоса на полу, тянувшаяся из щели.

На этот раз Полина не заботилась о том, чтобы не оставлять следов. Она широко распахнула дверь. В глубине души пряталась надежда, что Ковальский окажется здесь. Будет сидеть, перебирать любимые ключи и негодующе уставится на нее.

Но внутри, конечно, никого не было. Стул стоял там, где девушка оставила его.

Бабкин восхищенно присвистнул. Они с Макаром обошли комнату по кругу, точно так же, как Полина, когда первый раз попала сюда. Первым

очнулся Илюшин.

– Который из них наш?

Полина уже снимала ключи с крючков и быстро раскладывала на столе.

– Он не здесь, – бросила она. – Вот, смотрите!

На стене проявились тонкие очертания дверцы сейфа.

– От него тоже нужен ключ? – подозрительно спросил Сергей. – Снова трость?

Полина молча покачала головой. И надавила дважды, как показывал Анжей.

Бабкин с Илюшиным стояли за ее спиной. Полина шагнула в сторону, и им открылась ниша сейфа.

Он был пуст.

– Нету, – жалобно сказала девушка и посмотрела на сыщиков. – Он здесь был! Большой, тяжелый! Честное слово, был!

– Да верим мы тебе, верим.

Бабкин подошел к сейфу и прощупал стены, бормоча: «Тут у всего есть второе дно...»

– Но не в этот раз. – Макар придвинул стул. – Чего-то в этом роде я и боялся.

Полина села напротив него, машинально провела ладонью по ключам – погладила серебристые ножки. Бабкин закрыл сейф и опустился на корточки у стены.

– Так, – сказал он и потер покрасневшие глаза. – Предлагаю подытожить, что мы имеем. Макар?

– Имеем два пазла, которые сошлись. Я знал о сообществе «привратников», Полина знала о ключе. Пока ясно лишь одно: Анжей ухитрился украсть ключ, который «привратники» считают магическим.

– Ты это подозревал?

– Нет. И не думал – до тех пор, пока Полина не передала рассказ Анжея о краже ключа. Я лишь предполагал, что «привратников» в доме Ковальского может что-то заинтересовать. Они просто обязаны были заподозрить конкурента в человеке, собирающем старинные ключи.

– Подожди, – встрепенулся Бабкин. – Полина, ты говоришь, ключ похитил водитель?

– Да.

– И без особых сложностей, так?

– Кажется, да... А что?

– Макар, а тебе не кажется, что такую великую ценность, как этот

ключ, не удалось бы украсть даже Гудини? Ты сам сказал: это сообщество фанатиков. Неужели они хранили бы свою реликвию в какой-то комнатухе, которую можно открыть зубочисткой?

– Именно это они и сделали.

– Зачем? – не поверил Сергей.

– Они ждали того, кто придет за ключом, – просто сказал Илюшин.

Подумав, Бабкин кивнул:

– А-а-а, вот оно что... Да. Логично.

– Что, что логично?! – Полина переводила взгляд с Макара на Бабкина, ничего не понимая. – Объясните!

Илюшин взял один из ключей и посмотрел на девушку сквозь колечко.

– Представьте: есть ключ. Но нет замочной скважины для него. Как ее найти? Можно планомерно перебирать подходящие двери. «Привратники» считают, что они должны быть старинными. Но если дом с волшебной дверью был уничтожен, а на его месте выстроен новый, то заклятие джинна проявит себя и в нем.

Он крутанул ключ в пальцах.

– Что же получается? Сотни людей отправляются по миру с копиями того самого ключа. Каковы их шансы на успех? Они ничтожны. Прибавьте к этому, что их считают безумцами и вовсе не спешат им помогать.

– И правильно делают, – вставил Сергей.

– Но есть и другой путь. Что, если кто-то, зная легенду, случайно найдет Дверь? И захочет открыть ее, но лишь для себя, ни с кем не делаясь своим открытием? Возможно ли такое? Почему бы и нет! И что тогда предпримет этот человек, если он уверен, что нашел искомое?

Полина поняла.

– Отправится за оригинальным ключом, – уныло сказала она.

– Вот именно. Классическая схема рыбной ловли. Забрасывай удочку с ключиком на конце лески и жди, когда появится рыба, ухватившаяся именно за эту приманку. Логика проста: кому еще может понадобиться ключ, как не тому, кто знает, как его использовать.

– Но Анжей ведь не знал... Он случайно!

Макар усмехнулся:

– Осталось убедить в этом членов сообщества.

Девушка представила, в какое осиное гнездо по незнанию забрался Ковальский, и притихла. Вряд ли можно в чем-то убедить тех, кто истово верит в легенду о волшебной двери.

– Итак, Анжей украл ключ и вернулся с ним к себе, – продолжил Макар. – Это мы знаем наверняка. Неизвестно, когда именно члены

сообщества обнаружили пропажу. Но точно не сразу. Иначе они немедленно отправились бы за Ковальским.

– И я даже знаю, почему не сразу, – с горечью сказала Полина. – Дубликат!

– Да, они с Василием оставили подделку. Сами не подозревая о том, выиграли время. Они вернулись домой с ключом. А дальше начинается область чистых предположений.

– У меня вообще ничего не начинается, – признался Бабкин.

– Воров выследили. Допустим, у владельцев ключа все-таки есть сомнения в том, зачем понадобилась похитителям их реликвия. Теперь представь, что в дом Ковальского проник один из «привратников». Как ты думаешь, на что он первым делом обратит внимание?

Сергей задумался.

Полина сообразила быстрее:

– Двери!

– Бинго! Да, друзья мои, зеленые двери на первом этаже. Причем разные, на любой вкус. А теперь ответь мне, Серега, на простой вопрос. Допустим, ты фанатик, верящий в существование волшебного перехода в мир иной и всю свою жизнь посвятивший поиску прохода в этот мир. У тебя крадут твоё главное сокровище – ключ. Выследив вора, ты выясняешь, что в его доме куча зеленых дверей. Скажи, что ты будешь делать?

Бабкин помолчал. Потом тяжело встал и облокотился на стол:

– Ты хочешь сказать, сейчас в доме находится один из этих безумцев?

– Я в этом практически уверен.

Полина тихонько ойкнула.

– Правда, есть и другая версия, – добавил Макар. – Учитывая, что у нас ни ключа, ни Ковальского, логично предположить, что он нашел Зеленую Дверь. И покинул навсегда этот мир.

Бабкин криво усмехнулся:

– Хорош шутить.

– А со стороны все выглядит именно так, – серьезно заметил Илюшин. – Человек беседует с клиентом, который важен для него. Внезапно прерывается на полуслове и поспешно уходит. Идет за ключом и покидает секретную комнату в ужасной спешке. А самое главное – исчезает!

По коже Полины пробежал озноб. Слова Макара звучали дико... Но в этой таинственной комнате она была близка к тому, чтобы поверить ему.

Однако Бабкин решительно отверг эту версию.

– Вернемся к нашим психам. У тебя есть подозрения, кто это может

быть?

– Никаких. Если бы мне удалось поговорить с каждым, то что-то могло бы и проясниться. Но сейчас – нет.

– Думаешь, Ковальский уже мертв?

Повисло тяжелое молчание. Полина умоляюще посмотрела на Илюшина, словно от его ответа зависела судьба Доктора.

– Я бы сказал, что да, – медленно начал Макар. – Все, что мы знаем о деятельности «привратников», говорит за это. Человек, которому я звонил, рассказал, что пятьдесят лет назад ключ уже пытались украсть. Похитителей было двое. Правда, их вела алчность. Они рассчитывали на то, что несчастные сумасшедшие заплатят любые деньги, чтобы вернуть свое сокровище.

– Даже не знаю, стоит ли спрашивать, что с ними случилось, – буркнул Сергей.

– Их нашли мертвыми. Характер ран, причем прижизненных, был таков, что...

Макар бросил быстрый взгляд на Полину и свернул фразу:

– В общем, обойдемся без подробностей. Ключ вернулся к своим владельцам. Говорят, что это был не единственный случай его похищения. Но каждый раз реликвия снова оказывалась у них.

– Что говорит само за себя, – закончил Сергей и вернулся на свое место у стены. – М-да... Пока не слишком обнадеживает.

– Но ведь никто не уехал! – вдруг громко сказала Полина и сама испугалась своего голоса.

Она умоляюще посмотрела на обоих сыщиков и повторила уже тише:

– Никто не уехал! Это ведь тоже о чем-то говорит, правда?

К ее удивлению, Илюшин понял, что она пытается сказать.

– Вы правы. И это единственное, что внушает мне надежду.

– Вы о чем? – вмешался Сергей.

– Если бы Ковальский был мертв, а «привратник» забрал у него ключ, то он бы уже сбежал. Но все гости еще здесь. Час назад я предоставил одному из них отличную возможность уехать. Но он ей не воспользовался.

Бабкин хотел что-то сказать, но Макар остановил его предостерегающим взглядом. Полина напряженно размышляла о чем-то, кусая губы.

– Послушайте, – сказала она наконец. – Допустим, все это правда. Допустим, кто-то из этих сумасшедших проник сюда. Но как он объясняет себе, что Анжей до сих пор не воспользовался ключом? Ведь прошло несколько месяцев с тех пор, как он вернулся!

– Я вижу минимум два объяснения, – пожал плечами Макар. – Первое: «привратники» считают, что Ковальский хочет выйти в Зеленую Дверь не сейчас, а позже. Например, состарившись.

– А второе?

– Они могли решить, что ему неизвестен ритуал прохождения через дверь. Ключ есть, подходящая дверь имеется в наличии, но как через нее пройти, он не знает. В подробности посвящены очень немногие. И это оставляет Ковальскому шанс на спасение.

– Ты все-таки думаешь, что он мог бежать? – с сомнением спросил Сергей. – Ничего не зная об этих идиотах с их идеей-фикс? С чего бы?

Макар собрал в ладонь несколько ключей и встал.

– У Ковальского отменно развита интуиция – это раз, – сказал он и повесил первый ключ. – Он боялся чего-то – это два. – Второй ключ занял свое место. – Один его помощник исчез, другой едва не погиб – это три. Да, учитывая все это, Ковальский мог сбежать. Вопрос только – куда.

– И еще вопрос, куда делся этот злосчастный ключ. – Бабкин встал и разворошил груды ключей на столе. – Здесь его точно нет?

– Нет, – сказала Полина. – Он совсем другой. Большой и грубоватый на вид.

– Почти как я.

Девушка слабо улыбнулась.

– Полина, пожалуйста, взгляните в галерею, – попросил Илюшин. – Только очень осторожно. Если там никого нет, нужно выбираться.

Обрадованная тем, что может быть полезной, Полина быстро вышла из комнаты. Стоило ей скрыться, Бабкин хмуро бросил:

– Слушай, Макар! То, что псих остался в доме, вовсе не говорит о том, что Ковальский жив.

– Знаю, – невозмутимо отозвался Илюшин. – Возможно, ключ уже у него, но он не хочет вызывать подозрений. Я еще не сказал, что по правилам сообщества все его члены должны прибыть к Зеленой Двери и дружно войти в нее. Забронировать себе коллективное местечко в Эдеме.

– Непонятно только, куда он мог спрятать труп... Здесь полно народу! И ночью так просто в сад не выйдешь, не закопаешь тело. Ковальский не хомячок, чтобы зарыть его под розовым кустом.

– Зарыть... – повторил Макар. Глаза его блеснули.

– Что?

– Скажи, ты заходил в оранжерею?

– Заглянул посмотреть, как все устроено, и сразу вышел. А что? Ты думаешь...

– Я думаю, – сказал Илюшин, – нам следует поближе познакомиться с садовником.

* * *

Солнце незаметно спрыгнуло с вершушки неба к лесу и купалось в зеленых волнах. Кроны светились. Глазам было больно смотреть на них, и Полина зажмурилась.

– Как его зовут? – спросил Илюшин.

– Армен.

Они остановились под липой, издалека разглядывая оранжерею. Сергей остался в библиотеке: Макар сказал, что если они ввалятся всей толпой, то испугают садовника. Бабкин, кажется, именно этого и хотел, но спорить с Илюшиным не стал.

– Давно он у Ковальского?

– Я не знаю...

– А что-нибудь о его семье знаете? О прежнем месте работы? Хоть что-нибудь?

Полина помотала головой. Она только сейчас сообразила, что никогда не задумывалась над тем, откуда взялся Армен. О том, как он живет, как проводит время в своей каморке над гаражом.

– Он ведь даже никогда не приходит поест на кухню, – растерянно сказала она. – Вообще не появляется в доме. Я знаю лишь, что Армен – не настоящее имя. Но понятия не имею, как его зовут на самом деле.

– Как Анжей обращается с ним?

– Хорошо... – начала Полина и запнулась.

Откуда она взяла, что Анжей хорошо обращается с садовником?

Девушка попыталась припомнить, видела ли когда-нибудь, как Ковальский дает ему распоряжения. Но память не сохранила таких воспоминаний. Армен был неотъемлемой частью сада: как липы, как дом, как сама оранжерея. Ему не было нужды слушать указания хозяина. Он сам казался хозяином здешних цветов и деревьев.

– Я не обращала внимания на то, как они разговаривают, – призналась Полина. – Не удивилась бы, если на арабском, армянском или вообще на фарси. От Доктора можно ожидать чего угодно.

– Садовник ведь говорит с акцентом, да?

– Да, и с довольно сильным. Но понять его речь несложно.

– Вот это мы сейчас и проверим, – сказал Макар и двинулся к

оранжерее.

Перед дверью, скрытой под виноградными побегами, он остановился.

– Здесь нет входа.

Полина улыбнулась и окунула руку в золотую зелень винограда, точно в воду. Ухватила ручку, потянула с усилием. Дверь неохотно поддалась. Листья и усики приветственно затрепетали.

– Открывать ее становится все тяжелее, – пожаловалась она. – Но Анжей верен традициям. Правда, можно было пройти и через обычный вход, с другой стороны, но я люблю этот. Посмотрите, какие красавицы нас встречают.

У входа раскинулся куст старинной розы, «Абрахам Дарби». От пушистых цветов исходил яркий фруктовый аромат.

Илюшин присел и потрогал землю под кустом.

– Что там? – встревожилась Полина.

– Ничего. Просто смотрю, как давно ее рыхлили. Где Армен?

Они нашли садовника среди саженцев. Армен осматривал стебли, заглядывал под листья, чтобы не пропустить ржавчину.

Увидев Илюшина, он отчего-то попятился и чуть не упал, споткнувшись об ящик.

– Армен, это наш друг, – мягко сказала Полина. – Макар хотел осмотреть цветы.

– Пажалиста, – пробормотал садовник. – Пажалиста...

Он избегал смотреть на Макара и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Полине стало жалко его.

– Армен, когда в последний раз вы видели Анжею? – спросил Илюшин, внимательно разглядывая его.

Тот, казалось, не сразу понял вопрос.

– Анжея... Анжея... Видел, да.

– Когда? – терпеливо повторил Макар.

– Видел. Вчера видел.

– А сегодня?

– Ни помню. Работать нада.

– Армен! – укоризненно воскликнула Полина.

– Ни помню.

– Простите, Армен... Что это?

Илюшин шагнул к садовнику и неожиданно ухватил его за локоть. Армен носил полотняные перчатки, перепачканные в земле. Макар сделал попытку стянуть одну из них.

Но это ему не удалось. Садовник, и без того испуганный, шарахнулся в

сторону, оттолкнул Илюшина и спрятался за кустом. Оттуда послышалось плаксивое бормотание:

– Зачем обижать? Зачем обижать Армена?

Полина с упреком посмотрела на Макара. Но сыщик отчего-то развеселился.

– Вах, дарагой! – воскликнул он. – Зачем абижают? Поздороваться хотят, слушай!

Полина покачала головой. Такое веселье ей совсем не нравилось. И Армен тоже прекрасно уловил насмешку.

– Здравстуй, – тихо отозвался он из своего укрытия. – Зачем рука хватать? Больна делать.

– Не выдумывай, никто тебе больно не сделал. Пойдешь разговаривать?

В ответ молчание.

Макар проявил неожиданную покладистость:

– Хорошо, потом поговорим. Полина, покажите мне оранжерею.

«И это вся беседа? – думала девушка, ведя сыщика мимо цветов. – Тоже мне, сыщик».

Илюшин проявил живой интерес к розам. Вернее, не столько к ним, сколько к почве под ними. Присаживался, трогал землю, поднимал тяжелые ветки с глянцевыми листьями. Розы пару раз мстительно укололи его, но Илюшина это не остановило.

– А там что?

В углу садовник отгородил небольшой участок для рассады. Здесь же в маленьком шкафчике хранились необходимые инструменты. В длинном ящике вилась и клубилась какая-то мелкая травяная поросль.

– Меня сюда просили не заходить, – вспомнила Полина.

– Кто просил?

– Анжей. Но Армен тоже не любит, когда я сюда заглядываю. Наверное, боится, что я сломаю какой-нибудь кустик. Он над ними трясется.

– А мы все равно зайдём, – беззаботно сказал Макар. – Полюбujemy на рассаду.

Но рассадой Илюшин не заинтересовался. Облазил весь закуток, обнюхал шкафчик, нырнул под ящик, едва не застряв. Издал приглушенный возглас и дернулся.

– Что там? – испугалась Полина.

Макар вынырнул наружу.

– Все нормально, – успокоил он. – Мы можем идти.

Девушка недоверчиво посмотрела на него:

– Вы нашли то, что хотели?

– Не совсем. Идемте, идемте!

Илюшин буквально вытолкнул ее из оранжереи. Обернувшись, Полина увидела, что из-за кустов их провожает взглядом Армен.

Они подошли к дому, и Макар хлопнул себя ладонью по лбу.

– Забыл кое-что. Вы идите, а я вернусь.

– Я с вами!

Илюшин посмотрел на ее воинственное лицо и засмеялся.

– Не бойтесь, я ничего не сделаю вашему садовнику. Кстати, почему вы так оберегаете его?

– Потому что он беззащитный! – сорвалось с губ Полины.

– Вы так думаете? Хм. Я в этом не уверен.

И Макар ушел, оставив девушку в полном недоумении.

Стоило ей открыть дверь, как ударили часы в холле: «Бам-м-м-м»! Половина седьмого! А она отпустила повариху, и у нее не разогрет ужин!

Со всех ног Полина помчалась на кухню, забыв о садовнике. Вокруг может происходить что угодно, могут рушиться дома и ломаться судьбы, но еду она должна подать вовремя.

Илюшин вернулся перед самым ужином.

– Вы все это время были в оранжерее? – поинтересовалась Полина.

Макар промычал в ответ что-то неопределенное, разглядывая сад.

«Неужели он полчаса мучил Армена?» Она подождала, не добавит ли Илюшин что-нибудь. Но сыщик молчал.

– Что-то узнали? – не выдержала девушка.

– У-гум.

Макар с ловкостью профессионального официанта перехватил у нее горку тарелок и расставил на столе.

– Одна лишняя.

Он протянул ей тарелку.

– Почему? Кого-то не будет?

– Сергея. Он уехал.

– Как? Не поужинав?!

– Это, безусловно, большая жертва с его стороны, – серьезно сказал Макар. – Но мне пришлось отправить его выяснить кое-что.

– Он вернется завтра? – с надеждой спросила Полина.

– Вряд ли. Слишком далеко ему нужно лететь.

От дальнейших расспросов Илюшин уклонился.

А потом появились гости. Спускались по одному, перебрасывались с

Полиной вежливыми фразами.

Сначала пришел великолепный Давид Далиани в рубашке с запонками, похожими на глаз тигра. Когда он вскидывал кисть, рукав впивался в Полину хищным одноглазым взглядом.

За Давидом – Ирма: бледная, несчастная, с воспаленной красной каймой вокруг губ.

Полина еще раньше заметила за художницей плохую привычку: занервничав, она принималась ожесточенно скрести пальцем по губам. Как будто хотела начисто стереть рот со своего лица. Ирма вся как-то потускнела за этот день, глаза потухли, и только рот алел болезненным пятном.

«Эта женщина кричит о помощи, – подумала Полина. – Неужели этого не видит никто, кроме меня?»

Протиснулся в дверь Тарас Иммануилович, похожий на перекормленного младенца. К его черному костюму добавился асфальтового цвета галстук. Полина содрогнулась: выглядело это так, будто Воловик уже похоронил и отпел Ковальского. Тарас стрельнул голубыми глазками в Илюшина, и только тогда Полина заметила, что сыщик занял место, отведенное для хозяина дома.

Не успела она возмутиться, как в столовую вошла Анжелика. Шелестя подолом платья, проплыла мимо сестры, ласково коснулась ее плеча.

Полина залюбовалась ею. Тонкие белые руки, кожа как лепесток: ангел, а не женщина. В платье без рукавов Анжелика казалась маленькой, хрупкой и беззащитной. Она принесла с собой сладковатый дурманящий аромат с ноткой тлена, отталкивающий и в то же время притягательный.

Все ждали Ковальского. Полина видела это по их лицам, ощущала по напряжению, искрящемуся в воздухе. Казалось, достань спичку из коробка – и она вспыхнет сама собой. Все чинно переговаривались. Но за их спокойствием, за ничего не значащими фразами Полина слышала громкие голоса. «Дайте нам наши ключи, наше спасение, нашу палочку-выручалочку! Дайте нам волшебника Ковальского! Он не волшебник? Все равно! Нам плевать, кто он такой. Мы хотим, чтобы он помог нам. А как он это сделает, не имеет значения».

Глядя на этих людей, Полина поняла, зачем Анжею «магические» комнаты. Они хотели не просто чуда, а чуда, обряженного в соответствующие одежды. Тарас Воловик светился жадным любопытством: ну же, где обещанное представление?!

Если бы сейчас вошел Анжей и раздал каждому по ключу, они с негодованием отвергли бы его.

Кроме, может быть, Ирмы. Она выглядела как человек, готовый хвататься за любую ниточку. Даже за паутинку. Даже за воздух.

Серебристый звон оборвал все разговоры. Полина не сразу поняла, что это Илюшин постучал ложечкой по хрустальному бокалу.

Взгляды обратились на него. Макар встал.

– У меня есть объявление, – сказал он, не смущаясь этих колючих взглядов. – Как вы знаете, я помощник Анжея Михайловича. Он уехал по делам и намеревался вернуться сегодня вечером.

– У нас назначено время для беседы, – ввернул Тарас Воловик.

– И у меня! – поддержала Ирма.

Давид Далиани ограничился кивком.

– К большому сожалению Анжея Михайловича, дела задержали его дольше, чем он предполагал. Поэтому пока его место займу я.

– Что?

– С какой стати?

– Да кто вы вообще такой?!

Они заговорили хором, негодуя. Илюшин выслушал их с непроницаемым лицом и снова постучал по бокалу.

Как ни странно, этот звук словно выключил их голоса. Они послушно замолчали.

– Я ученик Анжея, – властно сказал Макар, – и умею делать то, что умеет он. Несомненно, Доктор говорил обо мне. Но вас никто не заставляет идти на этот эксперимент. Хотите – давайте попробуем. Когда возвратится Анжей, вы сможете все повторить с ним. Не хотите – ждите его приезда.

– И долго ждать? – холодно спросила Анжелика.

– Не знаю. Этого никто не может сказать, включая его самого.

Они молчали. Изучали его, ощупывали взглядами. Полина тоже посмотрела на Илюшина и внезапно осознала, что тот изменился.

Одежда, прическа, улыбчивое обаятельное лицо – все осталось прежним. Но в нем появились те же значительность и загадочность, что и у Ковальского. «Он его копирует! – поняла Полина. – Повторяет! Но как у него это получается?»

Первым капитулировал Воловик.

– Время не изменилось? – строго осведомился он. – Мне назначено в двенадцать.

– Мне в десять, – заторопилась художница.

Давид молчал, не снисходя до напоминания о времени.

– Все остается в силе, – успокоил их Макар. – Только беседовать мы будем не в кабинете, а в библиотеке. Мне там привычнее работается.

Как только за последним гостем закрылась дверь столовой, Полина бросилась к Илюшину. Ей хотелось схватить его за грудки и хорошенько встряхнуть.

– Вы с ума сошли? – прошипела она. – Что вы творите? Какой еще «ученик Анжея»?!

Илюшин выставил вперед ладони:

– Спокойно! Во-первых, это всего на один вечер. Если завтра ничего не изменится, я сложу с себя все полномочия.

– Да что может измениться?!

– Увидим. Во-вторых, мне нужно поговорить с каждым из них. А лучшего способа, чем влезть в шкуру Ковальского, я не придумал. Или вы хотите, чтобы я признался, кто я?

– Но они будут вываливать на вас свои проблемы! Зачем вам это нужно?

– Пусть вываливают. Именно этого я и добиваюсь. Ну, и в-третьих, если бы я не заменил Доктора, они бы уже обгладывали ваши косточки. Кто в этом доме крайний в отсутствие Ковальского и Василия?

Полина притихла.

– Но что, если вас раскроют? У вас даже нет ключей...

– Будут, – преспокойно ответил Илюшин. – Сейчас мы с вами отправимся в потайную комнату и выберем несколько подходящих.

* * *

Ирма открыла окно и закурила. Она бросила пять лет назад и как-то держалась все эти годы. Но сейчас привычка вернулась.

Она зачем-то трижды обновляла почту. Писем не было. Откуда им взяться? Стивен перестал писать, и вместе с ним пропали чайки, медузы, городок в Англии на берегу моря с белыми домиками и седыми ветрами.

«Скорей бы, скорей бы, скорей бы... Пусть уже хоть что-нибудь случится».

Известие о том, что Ковальский не приедет, лишило ее остатков сил.

Анжелика с ласковой укоризной сказала за ее спиной:

– Опять куришь? Милая, ты постоянно нервничаешь. Давай уедем, а? Прямо сейчас. Вызовем такси, через два часа будем дома.

Ирма сухо закашлялась.

– Я не хочу домой.

Анжелика встала, подошла, погладила по спине.

– Послушай, ты один сплошной невроз. Неужели не замечаешь? Тебе нужен хороший врач.

– Ладно, – безучастно согласилась Ирма. – Когда приедем, найдем хорошего.

– Завтра, – шепнула Анжелика. – Уедем завтра. Мне здесь плохо, Ирма. Меня пугают эти люди. И дом пугает. Он жуткий!

Ирма промолчала. Ее обволакивал нежный голос. Невозможно сопротивляться ему. Всегда получается так, как хочет младшая. Зачем тратить силы в бессмысленной борьбе?

– Пожалуйста! – ластилась сестра. – Все будет хорошо, я тебе обещаю!

– Да, – сказала Ирма. – Завтра.

Анжелика обрадовалась:

– Правда? В самом деле? Ты моя умница-умница-умница! Хочешь, я помассирую тебе спину перед сном? Ты должна выспаться. После массажа хорошо спится. Дай сюда... Фу, гадость!

Она отобрала у Ирмы сигарету, брезгливо раздавила в пепельнице. С мягкой настойчивостью усадила ее на стул.

– Сними свитер. Давно пора купить тебе новый. Этот ужасен.

Сильными, как у пианистки, пальцами она разминала закаменевшие плечи и говорила, что спина безобразная, мышцы забиты, нельзя так себя запускать... От ее рук шло тепло. Ирма закрыла глаза и погрузилась в полудрему.

Ее разбудили часы. Издалека, словно сквозь туман, донеслись глухие удары.

Ирма вскочила.

– Что, десять?

– Сиди! Куда ты?

– Я должна встретиться с этим юношей!

Анжелика нахмурилась.

– Я думала, мы договорились. Что за глупости? Мы ведь уезжаем.

– Только завтра!

– Ну и что? Не выдумывай, ложись спать.

Безразличие схлынуло с Ирмы. Да, она согласилась уехать, поддалась на уговоры. Но сегодня у нее еще осталось время.

– Отдай свитер, Анжелика.

Но сестра с ловкостью увернулась от протянутой руки и загородилась стулом. Она смеялась. Ирма стояла перед ней в расстегнутом бюстгальтере, покрасневшая, взлохмаченная.

– Что, пойдешь с распущенными сиськами? – поддразнила

Анжелика. – Бесстыдница! Он младше тебя в два раза!

Ирма несколько секунд смотрела на нее. И вдруг развернулась и выбежала из комнаты. Вслед ей раздался возмущенный крик, но в этот миг Ирме было наплевать.

Она постучалась в комнату экономки. Только бы девочка оказалась у себя!

Дверь распахнулась.

– Пожалуйста, дайте мне любую тряпку! – выпалила Ирма. – Умоляю!

Глупо было ожидать, что экономка тут же бросится молча выполнять ее просьбу. Но именно это она и сделала. Ни слова не говоря, затащила художницу в свою комнату и нырнула в шкаф.

Через секунду оттуда вылетел огромный мохеровый свитер нежнейшего голубого оттенка.

– Бабушка вязала, – коротко пояснила экономка. – Вязальщица из нее была никакая. Никогда я не была такого размера, клянусь!

И подмигнула.

Ирма моментально натянула свитер и бросилась прочь из комнаты. Но в дверях остановилась, метнулась обратно и с силой прижала изумленную девочку к себе.

Минуту спустя она входила в библиотеку.

Макар Илюшин ждал ее в кресле. Ирма села напротив, нервно подтянула длинные рукава свитера.

– Вы опоздали, – Макар не упрекал, а констатировал факт. – Почему?

Женщина замычала что-то об остановившихся часах, но он прервал ее:

– Вам нужна моя помощь? Если да, то не стоит выдумывать. Давайте ценить и мое, и ваше время.

Сказано было жестко. Ирма мучительно покраснела, стыдясь своего вранья. Она бы соврала снова, но чувствовала, что делать этого не стоит.

– Простите. Меня задержала сестра.

– Анжелика? Ясно.

Он помолчал и вдруг спросил:

– Скажите, Ирма, сколько вы уже не пишете?

Она ожидала чего угодно, только не этого. Откуда?!... Она никогда, никому! Картины – ее единственное прибежище. Признаться, что эта дверь закрылась для нее – значит расписаться в профессиональной смерти.

– Сколько? – повторил Илюшин. – Три месяца? Четыре?

– Полгода, – одними губами прошелестела Ирма.

– Расскажите, как это началось.

Она покачала головой.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Макар. – Тогда расскажите, как вы начали рисовать в детстве. Можете?

Ирма кивнула и начала говорить. Сперва с трудом, выталкивая из себя слова. Они застревали в горле, царапали небо, получались шершавыми. Они не хотели звучать, им не хватало громкости. Едва сорвавшись с губ, они терялись в темном воздухе библиотеки.

Но Макар пододвинул кресло к ней почти вплотную. Он тихонько задавал вопросы, когда она замолкала. А иногда не задавал, а просто ждал, пока речь возвратится к ней.

И под его внимательным, сочувственным взглядом говорить стало чуть легче.

Она рассказала про их детство и юность, про родителей, про Англию. Про художественную школу. Про неслучившийся первый брак. Рассказала о Стивене, хотя клялась себе, что даже имени его не произнесет вслух. О чайках, о его домике над обрывом. О том, что у него один глаз зеленый, а другой голубой, хотя этого почти никто не замечает.

Она говорила и говорила, не замечая, что слова текут безостановочно, как вода. Они больше не сопротивлялись. Слова толпились и теснились изнутри, просили выпустить их, они слишком долго сидели взаперти. Слова выплескивались горьким пенистым потоком, и на губах от них горело и жгло.

Когда она замолчала, Макар протянул ей платок. Ирма не сразу поняла зачем. Прикоснулась к лицу и почувствовала, что оно мокрое.

Он достал из кармана рубашки ключ и положил на ладонь. Ирма широко раскрыла глаза. Ключ был фигурный, тонкий и длинный.

– Это мне? – в голосе ее звучала боязливая радость. – Уже? Вы думаете, он поможет?

– Нет, – сказал Макар и сомкнул пальцы. – Не поможет.

– Что?!

– Вам не нужен ключ.

Ирма смотрела на него, часто моргая. О чем он говорит? Почему?!

– А что же... – запинаясь, выговорила она, – что мне нужно?

– Понять, зачем вы всю жизнь тащите на спине свою сестру. Почему вы опекаете взрослого, здорового человека.

– Как же... – растерялась Ирма, – ей всю жизнь, с самого детства, было труднее, чем мне. Она моя сестра, я должна ее поддерживать!

Макар пожал плечами.

– Ирма, что за ерунду вы говорите? Это талантливым людям живется труднее, чем обычным. Они в вечных поисках, в сомнениях, и уязвимы, как

кроты, вытащенные из земли. Конечно же, вам приходилось тяжелее, чем вашей сестре. К тому же ваши родители повесили на вас груз своей вины. Это они должны были объяснить Анжелике, что она ничем не хуже вас. Но они этого не объяснили. Потому что они так не думали.

– Вы что? – вскрикнула Ирма. – Что вы такое говорите?!

– Правду. Никакому нормальному родителю не придет в голову что-то там компенсировать, если оба ребенка одинаково ценны для него. Для него «талантливый» не значит «лучший». Это значит «другой». Вас любили больше, ценили больше, гордились вами больше. Неужели вы этого не понимаете?

– Вы говорите ужасные вещи!

– А вы делаете! Расправляетесь со своей жизнью, причем весьма успешно. Скоро станете просто придатком к вашей сестре. От вас ничего не останется. До сих пор она висела на вас, как пиявка, но вы потихоньку меняетесь ролями.

– Что вы... как вы смеете?!

Илюшин потянулся, как будто этот разговор теперь не слишком интересовал его. Из чуткого собеседника он преобразился в высокомерного наставника.

– А знаете почему? – лениво спросил он. – Потому что вы трусливая женщина. Вы не способны бороться за то, что вам дорого. Вам проще было складывать лапки и служить сестре. Вы не замечаете, что она подчинила вашу жизнь своим желанием? Конечно, замечаете. Но вы последовательно отказались от брака, в котором могли быть счастливы, от жизни в той стране, где могли быть счастливы, от мужчины, с которым могли быть счастливы... Кстати, это правильно, что вы не поехали к Стивену. Вы ведь своими руками положили его любовь на алтарь вины перед сестрой. Для вас это оказалось проще и удобнее.

– Заткнитесь!

Ирма вскочила. Ей хотелось ударить чем-нибудь этого мерзавца. Но под рукой не было ничего, кроме книг.

– Бросьте... – протянул Макар. – И сядьте. Разве я сказал что-то, чего вы не знали? Вы не умеете сражаться за то, что дорого для вас. Ничего страшного в этом нет. Многие не умеют. Только у них нет вашего таланта. А у вас есть, и он вам мстит.

– Да что вы знаете о моем таланте?!

– О таланте – ничего. Но я знаю одно: нельзя шаг за шагом отказываться от себя и надеяться, что данное вам свыше останется с вами. С кем ему оставаться, если вас становится все меньше и меньше? Семь

месяцев назад вы написали Стивену последнее письмо. Шесть месяцев назад вы перестали рисовать. И с тех пор не создали ни одной картины, ни одного наброска. Может быть, пару посредственных эскизов.

Он помолчал и снисходительно добавил:

– И это правильно. Это все, чего вы стоите.

Ирма хватала воздух ртом.

– Ты... – выдохнула она, ненавидя этого бесстрастного наглеца с красивым лицом. – Ты...

И тут к ним постучали.

– Открыто, входите, – пригласил Макар.

Дверь приоткрылась, и в библиотеку вошла Анжелика. Без всякого стеснения, с уверенностью красивой женщины, которой везде рады, она улыбнулась Макару:

– Вы уже закончили? Мне нужна моя сестра.

– Что-то случилось? – вежливо удивился Илюшин.

– Да... Дома некоторые сложности. К сожалению, нам придется уехать. Ирма, машина ждет.

Широко расставленные глаза уставились на старшую сестру. Она никогда не могла противиться этому взгляду.

Но слова Макара разбудили в ней бешенство. Оно пряталось глубоко внутри, свитое в узел. Так глубоко, что Ирма и не подозревала о его существовании. Но сейчас оно подняло змеиную голову и зашипело.

Не было никаких сложностей дома. Она знала это так же точно, как то, что Анжелика специально отобрала ее свитер. Это была не глупая шутка, а расчет. По какой-то причине Анжелике очень не хотелось, чтобы ее сестре кто-то помог.

И, кажется, теперь Ирма знала почему. Брошенное Макаром слово «пиявка» что-то сдвинуло в ее голове. И вызванный им гнев хлынул в другое русло.

– Выйди, – осипшим от ярости голосом приказала Ирма.

– Что?

Анжелика не поняла. На ее губах играла полуулыбка.

Она пришла, чтобы увести сестру. Восстановить свою власть. Показать, кто здесь главный.

– Выйди немедленно! – Ирма повысила голос.

Теперь сестра расслышала. Ее улыбка растаяла.

– Ты с ума сошла? Макар, что с ней?

– Ты слышала меня, Анжелика? Я никуда с тобой не поеду.

Красивое лицо исказилось злобой. Губы сжались в узкую полоску.

– Поедешь! – взвизгнула Анжелика. – Или я расскажу родителям, где ты проводишь время!

Этого Ирма вынести не могла. Лицо ее побелело, губы задергались.

– Вон отсюда! – чужим, охрипшим голосом выговорила она. – Не смей... пугать... меня... родителями... Не смей, слышишь?! Ты!.. Ими!.. Всю жизнь!..

И вдруг закричала, словно в ней прорезался голос:

– Не хочу так больше! Не хочу!

Она в исступлении бросилась к Анжелике и вытолкала ее в коридор. Перепуганная до смерти этой вспышкой, младшая сестра даже не пыталась сопротивляться.

Ирма захлопнула дверь, повернула ключ и прижалась к ней спиной.

Илюшин смотрел на нее с любопытством.

– Какой ужас, – с насмешкой проговорил он. – Что вы наделали? Обидели маленькую сестренку.

Ирма выразилась со всей определенностью, где она видела сестренку вместе с ее обидой.

– Вы умеете ругаться? – удивился Макар. – Не ожидал.

Ирма сама не ожидала. Она только сейчас начала понимать, что сделала. У нее подогнулись ноги, и нахлынул ставший привычным страх.

А вслед за ним вдруг накатила волна невероятного облегчения. Такого сильного, словно ей сначала поставили смертельный диагноз, а потом объявили, что ошиблись. Уцепившись за ручку двери, она выпрямилась.

– Это вы... – потрясенно проговорила Ирма.

– Что – я?

– Вы меня разозлили. Вы это сделали нарочно!

Ирма посмотрела на свои руки. Она выгнала Анжелику!

И та испугалась. Ирма видела страх в ее глазах. Открытие, что ее можно бояться, подействовало на художницу как контрастный душ.

– А вам полезно было хорошенько разозлиться, – сказал Макар. – И вашей сестре это тоже на пользу. Ловите!

Он бросил ей ключ.

– На память о сегодняшнем разговоре. А теперь идите.

Ирма взялась за ручку двери. В голове все перемешалось, словно мысли взбили венчиком. Гнев схлынул, на его место пришло непривычное ощущение свободы.

– Что же мне теперь делать? – спросила она, обернувшись.

– Например, то, что вам хочется. Для разнообразия.

Библиотечные часы захрипели, откашлялись и пробили полночь.

Навстречу Ирме из темноты шагнул Тарас Воловик.

* * *

Когда часы в коридоре отсчитали двенадцать ударов, Полина отложила книгу и встала. Ни спать, ни читать не получалось. Дом вел себя как ребенок, который притворяется, что уснул, но сам только и ждет той минуты, когда уйдут взрослые.

Она подошла к окну и открыла створки. До чего же темно... И ветер, снова бездомный, неприятный ветер. Он с силой ударил в створку, пытаясь закрыть ее. Свет одного из трех фонарей вздрогнул, заметался и погас. Оставшиеся два, словно испугавшись чего-то, притушили свои лампы.

Облака в небе рвались куда-то изо всех сил, бешено неслись, как сбежавшие из клеток звери. Между ними изредка подмигивал Полине хитрый желтый глаз луны.

Девушка поежилась и начала закрывать окно. Показалось ей или нет? Чья-то тень мелькнула под деревьями и исчезла.

Полина перегнулась через подоконник, вглядываясь в темноту. Стена, увитая жимолостью, шевелилась, как живая. По ее поверхности пробежали волны. Ветер рвал сплетенные ветки, словно пытаясь содрать с дома кожу. Трава внизу была усеяна опавшими белыми цветками. Они вспыхивали в мерцании луны, как светлячки.

Нет, никого. Полина закрыла окно, и ветер забился об стекла, точно птица. Страшно ухнул и зашумел лес.

Тихие шаги прошелестели по коридору.

«Это кто-то из гостей отправился к Макару», – успокоила себя Полина.

Что пытается выяснить Илюшин, играя роль Доктора? И куда он отправил Сергея Бабкина?

В эту минуту она остро пожалела, что сыщик покинул дом. Он большой, спокойный, непоколебимый, как скала. Ему не страшен этот своенравный ветер, притворяющийся то птицей, то зверем.

Шаги прозвучали отчетливо и затихли возле ее двери. Кто-то стоял снаружи.

Полина подождала стука. Наверное, это Ирма: пришла благодарить за свитер.

Но никто не стучался. Девушка встала, подкралась к двери и прислушалась.

За дверью кто-то был. Она слышала его тяжелое дыхание. Ей

вспомнилось предупреждение водителя: «К Анжею приезжают разные люди. Будьте осмотрительнее».

Если верить Макару Илюшину, один из этих людей – сумасшедший.

И она знала, кто это. Тарас Воловик, похожий на бледную личинку. С маленькими буравящими глазками. С липкими руками, оставляющими следы на всем, к чему он прикасается.

Полина бесшумно отошла, открыла шкаф и нащупала в кармане пальто, которое сто лет не надевала, газовый баллончик. Сжимая его вспотевшей от страха ладонью, подошла к двери, отодвинула засов и быстро дернула ее на себя.

Никого.

Она выглянула в коридор. У лестницы стоял Давид Далиани в спортивном костюме. Он оглядел взъерошенную экономку в пижаме и поднял брови.

– Полина, у вас что-то случилось?

– Давид Романович, вы сейчас никого здесь не видели?

– Нет. А что?

– Мне показалось, кто-то стучался.

– Ветер, наверное. Сегодня сумасшедшие сквозняки гуляют по дому. Везде все падает, разбивается...

– Разбивается?

– На кухне, кажется, упал графин с водой. Мне показалось, у подоконника лужа и осколки.

Словно в подтверждение его слов где-то хлопнуло окно.

– А я перепутал время и пришел к Илюшину раньше срока, – поделился Давид. – Стучусь, а у него этот, как его... Тарас.

Он потер переносицу и вдруг спросил с надеждой:

– Как вы считаете, Макар может заменить Анжея? Я понимаю, он его ученик... Но все-таки... Мне как-то не по себе.

Полина вдруг поняла, что этот красивый человек буквально за день сник, постарел, утратил присущий ему лоск. «У Далиани сложности с сыном», – вспомнилось ей.

– Илюшин справится не хуже Доктора, – пообещала Полина, от всей души надеясь, что так и будет. – Вы даже не представляете, на что он способен!

– Правда? Ну что ж... Посмотрим. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи...

Когда стихло шарканье его шагов, Полина выскользнула наружу. Если в кухне и в самом деле что-то разбилось, нужно убрать стекло.

Что же получается? Вовсе не Воловик сторожил ее под дверью! Тарас Иммануилович в это время был у Макара. Оставались Ирма, ее сестра и сам Давид.

Полина сунула баллончик в карман пижамы. Он звякнул обо что-то, и она сообразила, что там же лежит ключик, подарок Ковальского.

Девушка медленно двинулась по коридору, прислушиваясь. Снаружи все стонал ветер, ветки липы хлестали по крыше.

Возле старого зеркала Полина замедлила шаг. Она всегда смотрела на зеркало, но не обращала внимания на раму. А рама была широкая, деревянная, потрескавшаяся от времени. Без единой завитушки или украшения.

Собственно говоря, она совсем не подходила такому большому старинному зеркалу.

Стоило Полине подумать об этом, как она заметила кое-что. То, чего не замечала прежде. С правой стороны в середине рамы виднелся серебристый кружок размером с пятирублевую монету. А в нем – что-то черное, как зрачок.

Полина присела на корточки и с изумлением поняла, что видит перед собой замочную скважину.

Она отошла на шаг назад и окинула взглядом зеркало. Это же дверь! Удивительно, как она раньше не замечала этого. Зеркальная дверь шкафа! Ее сняли и повесили на стене в коридоре. Если приглядеться, видны затертые следы от ручки.

Прежде эта дверь-зеркало запиралась на ключ.

«На ключ!»

Движимая безотчетным побуждением, Полина вытащила из кармана свой ключик и приложила к скважине.

Он легко вошел внутрь. Девушка повернула его – и сбоку из рамы выскочил ржавый «язычок» замка.

– Ага, – обескураженно сказала Полина, пытаясь понять, что же, собственно, «ага».

Подумаешь, ее ключ подошел к снятой дверце шкафа. Ну и что?

В голове эхом отдался голос Анжея. *«Три вещи издавна имели великое значение для людей: ключ, зеркало и книга... У них одна суть: открыть сокровище».*

У нее есть ключ и зеркало, которые подходят друг к другу.

А еще зеркальные дверцы шкафов обычно бывают парными.

Значит, где-то в этом доме есть шкаф с зеркальной дверцей, который можно открыть ее ключом.

«Библиотека!»

Полина бросилась прочь от зеркала, но через несколько шагов остановилась.

Нет-нет, в библиотеке нет таких шкафов. Там живут совсем другие: книжные, забытые потрепанными томами. К тому же библиотека сейчас занята.

Полина мысленно перебрала комнаты. «Ключ, зеркало, книга... Ключ, зеркало, книга...» Она повторяла это про себя, открывая воображаемые двери, входя в комнаты, озираясь.

И наконец вспомнила.

Второй кабинет Анжея! Тот самый, из которого он тогда так необъяснимо исчез. Полина воочию увидела перед собой окно, заложённое кирпичами, библиотечные шкафы и гардероб с одной зеркальной дверью.

Она быстро вернулась в свою комнату, отыскала связку ключей водителя, схватила фонарик. Увидела отражение и спохватилась, что расхаживает по дому в трогательной пижаме с розовыми котятками.

Пусть пижама! Она не будет тратить время на переодевание.

Ее подстегивала мысль о том, что ключ оказался в ее руках не просто так.

Вперед, быстрее, по коридору с дрожащими огоньками электрических свечей. Ветер стих. Но это была беспокойная тишина, затишье перед бурей.

«Будет гроза, – подумала Полина. – Надо поторопиться».

Возле кабинета она воровато огляделась. Пусто, не слышно ни шагов, ни голосов. Даже тиканье часов смолкло, словно они испугались ее дерзости.

Она подобрала нужный ключ из связки и вставила в замочную скважину.

Внутри оказалось темно, как в чулане. Забыв про фонарик, Полина на ощупь добралась до торшера и включила его.

Вспыхнул неяркий свет. От ножек кресел и стола упали длинные перекрещивающиеся тени.

На миг Полину охватило сомнение. Что она делает в этой комнате, куда ей нельзя заходить?! Да еще в час ночи...

Девушка приблизилась к гардеробному шкафу с зеркальной дверцей. Зеркало такое же мутное, как то, что в коридоре. Подслеповато таращится на Полину сквозь бельмо. Отражает ее нехотя.

И сбоку, в середине рамы – замочная скважина.

Полина потянула на себя зеркальную дверцу. Та не подалась. Девушка увидела свое отражение как будто сквозь туман: бескровное лицо,

выцветшие волосы. Даже котята на пижаме словно полиняли от времени. Это жутковатое зеркало состарило ее лет на тридцать...

Она достала ключ и вставила в скважину. Два поворота ключа влево – и дверь ослабла.

Осталось только распахнуть ее. Но Полина медлила.

«Да что там может быть, за этой дверью? – успокаивала она себя. – Скорее всего, какие-нибудь старые вещи. Максимум – проход в соседнюю комнату. Бояться нечего! Ну же, давай!»

Но продолжала стоять перед шкафом, сжимая ручку.

«Возвращается муж домой из командировки, открывает шкаф – а там Нарния!»

Старая шутка подействовала лучше всяких уговоров. Полина улыбнулась и потянула на себя дверцу.

В первую секунду она испытала острое разочарование. Внутри оказалось пусто. Ни вешалок, ни полок, ни вещей... Полина ожидала чего угодно, но только не этого. Шкаф площадью с небольшую прихожую, а в нем ничего нет. Как же так?!

Секундочку... С небольшую прихожую?

Девушка включила фонарик и посветила на заднюю стенку.

Луч света выхватил узкую щель на ровной поверхности. Задней стенки шкафа не было. Вместо нее – обычная стена, выкрашенная в цвет древесины.

И в этой стене вторая дверь.

Полина забралась в шкаф. Подумав, закрыла за собой зеркальную створку. Теперь темноту рассеивал только луч фонаря.

Изогнутая ручка была покрыта слоем пыли. Полина очень осторожно, очень медленно надавила на нее. В глубине стены проскрежетало, щель расширилась. Целое облако пыли поднялось вверх, как будто раздавили табачный гриб. Дверь приотворилась, и сноп света выхватил из мрака узкие серые ступени, спускавшиеся вниз и терявшиеся в черном провале.

Как тогда сказал Ковальский? «Здесь подземелья нет». Но она не поняла его. Он выделил слово «здесь», а Полина услышала «подземелья нет».

Но оно есть. Только не там, где ожидалось.

Полина открыла дверь шире и шагнула на первую ступеньку.

Тарас Иммануилович закинул ногу на ногу. От этого движения костюм его заскрипел, будто собираясь треснуть по швам. Он только что выложил Макару Илюшину подробности своей биографии, и ждал, когда ему дадут ключ.

– Итак, ваша проблема в том, что вы всем завидуете, – констатировал Илюшин.

Он рассматривал Тараса с любопытством энтомолога.

Воловик поправил:

– Не завидую. Хочу, чтобы у меня было так же. Фигуру хочу другую. Другие деньги. Семью хочу...

Последнее прозвучало не совсем уверенно.

– А, еще в отпуск, надолго! – вспомнил Тарас. – Только с сохранением оклада. Вы гарантируете результат? Не забудьте, я по рекомендации!

Макар встал, заложил руки за спину и прошелся по кабинету. Воловик сидел важный, преисполненный сознания собственной значительности.

Илюшин остановился перед ним и покачался на носках. Точь-в-точь лектор, начинающий выступление.

– Зависть! – провозгласил он и поправил несуществующие очки. – Остановимся на ней кратко.

– При чем здесь зависть?! Я же вам все объяснил!

Илюшин проигнорировал вопль Тараса.

– Трагедия завидующих людей не в том, что они хотят то же, что у других. А в том, что они хотят, чтобы у других этого не было. «Я дам тебе все, что попросишь, но соседу твоему дам вдвое больше!» И что попросил герой этой притчи? «Выколи мне один глаз!»

Макар взглянул сверху вниз на ошарашенного Воловика.

– Это про вас, Тарас Иммануилович, – любезно пояснил он. – В действительности вы не хотите, чтобы у вас были отпуск, стройная фигура, семья и деньги. Вы хотите, чтобы окружающие были этого лишены.

Тарас вдруг оскалился, как крыса.

– Ну и что? Все этого хотят! И вы тоже! Врете, прикидываетесь беленькими! А сами черненькие, в грязи по уши. Я же честен. Честен!

– Пока я не припер вас к стенке, вы изворачивались, как хорек. Не говорите мне о честности. Вы, Тарас Иммануилович, мелкий пакостник и большой завистник.

Воловик не обиделся. Даже улыбнулся.

– Дайте ключ, – сказал он. – Вам деньги заплачены.

– Зачем вам ключ? Не поможет. Возьмите лучше добрый совет.

– Пошел ты знаешь куда со своими добрыми советами...

– Не петушитесь. – Илюшин сел в кресло и благожелательно улыбнулся Тарасу. – Совет такой: перестаньте завидовать чужим мечтам. Это худшее, что вы с собой делаете. Ведь вы не хотите всего того, что мне перечислили. Семья вам ни к чему. В отпуске вы не получаете удовольствия. Худеть не желаете. Что у вас там еще было в списке? А, деньги... Денег вам тоже хватает. Это все чужие желания, которые вы присвоили и выдаете за свои. Для полного комплекта еще попросили бы любовь юной красавицы!

Тарас грязно выругался.

– Дай ключ! Ты мне должен ключ дать!

– Вы хотите другого. Чтобы вас боялись. Чтобы за вашей спиной шептались: вот идет великий и могущественный человек. Сексуальные желания рассматривать не будем, это вы и сами можете реализовать. Правда, за большие деньги и не в этой стране... Здесь за такое могут и посадить. Но где-нибудь в Таиланде – запросто.

– Дай ключ! – взвизгнул Воловик.

Он выпрыгнул из кресла и побежал на Макара, выставив вперед кулаки.

Илюшин с любопытством наклонил голову набок. Тарас остановился. Спрятал руки за спину и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Вы мне ключик-то дайте, а я уж разберусь, что с ним делать. И с желаниями разберусь. Без вас, ага.

– Боюсь, вы неверно понимаете специфику моей работы, – в голосе Илюшина звучало сожаление. – Вы не сможете «разобраться» с ключиком. Он, если объяснять простыми словами, заряжен на выполнение одного желания.

Макар вернулся в кресло и уютно устроился в нем.

– Впрочем, у вас еще не все потеряно. Вы называете мне одно желание, а я отдаю вам ключ. Но! – Илюшин поднял указательный палец. – Искреннее желание! Настоящее! И тогда получите то, что хотите. Если я почувствую, что опять врете, уйдете отсюда без ключа и денег.

Тарас заволновался. Он заерзал в кресле, почесался и сглотнул. Вытянул шею, втянул ее обратно, оглядел библиотеку, словно хотел найти на полках самое лучшее желание, самое выгодное. Поскреб ногтями о ладонь, а ладонь вытер об колено. Покраснел, хихикнул, пригладил несуществующий волос на лысине и, наконец, торжественно объявил:

– Я готов!

– Слушаю, – отозвался Макар.

Воловик встал, прошуршал к Илюшину, наклонился и что-то жарко

зашептал ему на ухо. Он бормотал с минуту. Помолчал. И снова забормотал, уточняя и конкретизируя.

Илюшин выслушал его с непроницаемым лицом. А когда Тарас умолк и выжидательно уставился на него, сказал:

– Пошел вон.

– Что? – удивился Воловик.

– Пошел вон! – повторил Макар, крайне редко обращавшийся к малознакомым людям на «ты».

Если бы в библиотеке был Сергей Бабкин, он объяснил бы Тарасу Иммануиловичу, что в его интересах как можно быстрее покинуть помещение. Но Бабкина не было. А сам Воловик не мог понять, за что его прогоняют. Ему же сказали... Ему обещали!

– Это мое желание, – хихикнул он. – Уж какое есть! Давай ключик.

Илюшин встал. Положил две руки на толстый загривок Воловика. И потащил его к выходу.

Тарас Иммануилович заверещал и начал отбиваться около двери, когда было уже поздно. Макар выкинул его в коридор, и Тарас врезался в стену.

– Ты что, спятил, кретин? – заорал он, отлепившись от стены. – Я тебе...

Илюшин молча шагнул ему навстречу.

Тарас Иммануилович взгляделся в него и покрылся холодным потом. Перед ним стоял не мальчишка, похожий на студента, а взрослый мужчина, ровесник Тараса. Когда случилось это преобразование, Воловик не успел понять. Но оно не сулило ему ничего хорошего.

Глаза у мужчины были ледяные, скулы побелели. Он прищурился и сделал движение в сторону Воловика.

– Да я, собственно, уже... – пискнул Тарас. – Ничего, ничего...

Прижался спиной к стене и, перебирая пухлыми ножками, побежал по коридору, как таракан. Ему давно не было так страшно. К его облегчению, Илюшин остался стоять на месте.

Добравшись до своей комнаты, Тарас заскочил внутрь, задвинул засов и для верности припер дверь стулом. Но и этого не хватило, чтобы успокоиться.

А Макар, проводив Тараса взглядом, вернулся в библиотеку.

– Забавная ночь сегодня, – отметил он, обращаясь к самому себе. – Сперва выгнали Анжелику, теперь этого... Что будет с третьим?

Когда третий, то есть Давид Далиани, вошел в комнату, его ждал славный парень Макар Илюшин, одаренный помощник Ковальского.

– Садитесь, Давид Романович. Ну что ж, давайте начнем.

Давид уложился в пятнадцать минут. Четко, сжато он обрисовал проблему и замолчал, ожидая вопросов. Ковальский всегда задавал вопросы. Значит, и этот будет.

Илюшин молчал. В руке он держал ключ – увесистый, черный, местами затертый до блеска. Далиани мельком взглянул на него и мысленно одобрил: да, именно такой и мог ему подойти. Парнишка и впрямь понимает толк в ключах и людях.

Только что-то очень торопливо работает.

– Анжей проводит свои сеансы в несколько приемов, – напомнил он Макару. – Вы уложите в один?

– Пока не знаю. Ваш случай не самый тяжелый.

– Тяжелее некуда, – отрезал Давид. – Вы еще очень молоды. Анжей бы понял меня. Невыносимо видеть, как твой ребенок, плоть от плоти, кровь от крови, вырастает чужим, непохожим на тебя. Я все делал для него. Нельзя было дать больше, чем мы давали ему. И все это впустую! Он своими руками превращает себя в ничтожество, в бессмысленный сорняк.

Он помолчал и с горечью добавил:

– Мне советовали: «Дай ему жить своей жизнью!» «Оставь его в покое!» Но ни один из советовавших не был в моем положении. У них нормальные дети. Если оставить сына в покое, он пустит корни перед компьютером и больше не двинется с места. Скажите мне, Макар: вы хотели бы, чтобы ваш ребенок, любимый, долгожданный, вырос таким?

– Нет, – сказал Илюшин. – Не хотел бы.

– Вот я и не хочу.

– Но у вас есть еще дети.

– Это не то, – жестко сказал Давид. – С вами нельзя притворяться, я знаю. Я люблю Алешу. Он – сын, мое продолжение. А дочери... Они хорошие девочки. Умные, красивые. Я ими доволен...

– Вы ими гордитесь?

– Нет, – не задумываясь, ответил Давид. – Понимаю, это неправильно. И ничего не могу с собой поделать. Я рад за них. Но они живут сами по себе. Я не ощущаю их как свою часть. Никогда не ощущал.

– Что вы хотите от меня?

– Мне нужен сын. Я хочу его исправить. Изменить. У меня самого не получается, я пытался много лет. Но эту стену мне не пробить. Попробуйте вы.

Макар запрокинул голову и несколько секунд сидел, уставившись в потолок. Давид молча ждал. Он готов был ждать сколько угодно.

– У меня нет сына, – сказал Илюшин. – Но я совершенно точно знаю

одно. В определенный момент нужно отстраниться. Отпустить своего ребенка.

– Что, позволить ему быть таким, какой он есть? – усмехнулся Давид.

– Это не в вашей власти. Представьте, что вы смастерили кораблик и отпустили его в ручей.

– Лучше представить, что я вырастил дерево. Кораблик – слишком эфемерно.

– В этом ваша ошибка, Давид. Садовник растит дерево и заботится о нем до конца своих дней. Он поливает его, удобряет, защищает от вредителей. Он формирует крону по своему желанию. Кораблик же, выпущенный в ручей, от вас не зависит. Вы не можете приказать ветрам не дуть, а волнам не захлестывать его. Вы лишь можете на берегу сделать все возможное, чтобы ваше детище было прочным. Не протекало, не кренилось набок. Но когда корабль уже уплыл, вы бессильны.

Давид гневно раздул ноздри, но ничего не ответил.

– Лучшее, что вы можете сделать для своего сына и для себя – это признать свое бессилие, – сказал Макар. – Все отцы и матери проходят через это. Кто-то раньше, кто-то позже. Вы бы знали об этом, если бы любили своих дочерей. Но так получилось, что вы их не любите. Вы не воспитали в себе любовь к ним.

– Любовь не воспитывается, – резко возразил Давид.

– Конечно, воспитывается. Но в вашем случае уже поздно. Время ушло.

Он поднял голову и посмотрел на мужчину.

– Отпустите сына, Давид. Внутри себя, в душе.

– Ты говоришь, как священник! – зло бросил Далиани. – Если бы мне нужен был священник, я бы пошел в церковь!

– Нет разницы, от кого вы это услышите. Ключ вам не поможет до тех пор, пока вы не поймете и не примете это.

Давид наклонился к Илюшину. Пальцы, словно когти хищной птицы, впились в подлокотники кресла.

– Никогда, – тихо и отчетливо выговорил он. – Он – мой мальчик, смысл моей жизни. Ты предлагаешь мне потерять его окончательно.

Макар покачал головой.

– Нет. Вы ошибаетесь.

– Это ты ошибаешься! Довольно этой пустой болтовни. Дашь ты мне ключ?

– Да, – сказал Илюшин. – Только ответьте мне на один вопрос.

Давид откинулся назад и сделал слабое движение рукой: спрашивай.

– Если бы вам предложили обмен: трех детей – на одного «правильного»...

Далиани понял его сходу.

– Я бы и думать не стал, – спокойно сказал он. – Отдал бы девчонок. Можешь считать меня кем угодно: мерзавцем, чудовищем. Мне все равно. Я бы заключил эту сделку хоть с богом, хоть с дьяволом.

– Последнее вернее.

– А мне плевать. У меня был бы сын. Ты понимаешь, что я даже женился, мечтая о сыне? Не о бабе, с которой много лет живу... О сыне! Я ответил на твой вопрос?

Макар молча протянул ему ключ.

* * *

Полина спускалась вниз. Фонарик перехватила поудобнее, чтобы не выпал.левой рукой держалась за стену.

Только бы не оступиться и не покатиться вниз. Она разобьет себе голову на каменных ступенях.

Воздух здесь не пах ничем. Каждый уголок дома имел свой запах. Кроме этого.

И темнота за ее спиной была мертва. Ее не оживляло тиканье часов, неизменных обитателей особняка. Темнота начиналась сразу за затылком Полины, тяжелая, плотная, как земля. Она словно давила всей своей тяжестью. Чем ниже спускалась Полина, тем труднее становилось дышать.

«Это только кажется, – сказала себе девушка. – Здесь нормальный воздух! Просто немного спертый».

Стоило ей подумать об этом, как слева подуло сквозняком, а ладонь провалилась в пустоту. Полина чуть не вскрикнула.

Но это оказался еще один узкий ход, ответвлявшийся от основного и уводивший наверх. Там, где стояла Полина, туннель раздваивался.

«Значит, сюда можно попасть из двух комнат. Первая – кабинет... Интересно, какая вторая?»

Не было сомнений, что эти узкие проходы проложены в стенах. Они вели вниз, как крысиные норы. Полина со страхом представила себе, что в конце своего пути наткнется на целое гнездо отвратительных грызунов.

«Глупости! Не крысы же положили эти ступеньки. И не они покрыли стены штукатуркой. Там наверняка погреб. Только почему Анжей ничего мне про него не говорил?»

Девушка спустилась еще на три ступеньки, посветила за угол и обнаружила, что лестница заканчивается. Она попыталась сообразить, на каком уровне находится. Получалось, что чуть ниже первого этажа.

«Значит, это все-таки подвал».

Тоннель упирался в металлическую дверь, перед которой оставалось место для тесной площадки. «Наконец-то нормальная дверь! – возликовала Полина. – Основательная, надежная! Пожалуй, можно поверить, что это сейф, в котором Анжей хранит...»

«Картошку, – мрачно подсказал внутренний голос».

«Изумруды, – поправила Полина. – Или чемоданчики со слитками».

Ковальского легко представить именно с изумрудами или с золотом. Деньги – слишком банально.

Полина сошла с самой нижней, последней ступеньки. Ее незаметно окутал промозглый холод, словно она погрузилась в воду. Девушка вспомнила, как они тонули, и содрогнулась.

До щербатого кирпичного перекрытия оставалось меньше метра, стены теснили ее с обеих сторон. Клаустрофобия подняла голову и громко заявила о себе. Но любопытство на этот раз оказалось сильнее. Оно не давало уйти от двери, к которой привел подаренный Анжеем ключ.

«Я только посмотрю, что там, и сразу же наверх, – пообещала своей клаустрофобии Полина. – Потерпи, миленькая».

На металле не было никаких замочных скважин. Только широкая удобная ручка. Полина бесстрашно ухватила ее, уверенная, что это не единственная дверь, за ней непременно обнаружится другая. Это ей уже знакомо!

Полина с силой дернула ручку на себя. Дверь открылась легко, словно на нее кто-то давил с той стороны.

Пару секунд, пока фонарик не выпал из ее руки, Полина видела этого кого-то. Высокий мужчина с черным кончиком языка, высунутым между лиловых губ, в скосбочившемся пиджаке. Когда дверь открылась, несколько мгновений он стоял, словно в задумчивости, а потом свалился на Полину.

Девушка упала на спину и рефлекторно выбросила вперед руки, защищаясь. Мужчина рухнул сверху. Твердый, промерзлый и тяжелый, как бетонная стена.

Фонарик ударился об пол и откатился в сторону. Но слабого отраженного света Полине хватило, чтобы разглядеть мертвое лицо, нависающее над ней.

– Ы-ы-ы-ы! – замычала Полина.

Она рванулась изо всех сил и выбралась из-под тела. Мужчина упал на пол с глухим обиженным стуком.

На четвереньках, тихонько подвывая, девушка поползла вверх по лестнице, забыв про фонарь. Добравшись до развилки, метнулась в левый проход. Панический ужас гнал ее, не давая обернуться. Казалось, мертвец снизу дразнится, высовывая черный язык.

Ничего не видя, только ощущая под ладонями и коленями шершавые ступени, Полина добралась до конца лестницы и врезалась в какую-то перегородку: судя по звуку, деревянную. Полина зашарила по ней ободранными ладонями, поскуливая в отчаянии, и наткнулась на углубление, которое тотчас рванула вправо, подчиняясь голосу интуиции.

Деревянная перегородка сдвинулась. Не дожидаясь, пока проход откроется целиком, Полина полезла в щель, обдирая до крови бока.

И вывалилась в библиотеке перед Макаром Илюшиным.

К чести Макара нужно сказать, что его оцепенение длилось недолго. Он сопоставил сдвинувшиеся часы, черную дыру в стене, серую от ужаса девушку и крикнул:

– Что случилось?

Полина начала оседать на ковер. Ему пришлось подхватить ее и встряхнуть.

– Что?! Ну, говори же!

– Т-т-т-там, – стуча зубами, выговорила Полина. – Т-т-т-там внизу т-т-т-труп!

– Чей? Ковальского?!

– Н-н-н-не знаю... Нет, не Ковальского.

Десять минут спустя Макар стоял на нижней площадке. В руке он держал самый яркий фонарь, какой нашелся в доме. Полина спряталась за его спиной и безуспешно старалась не трястись.

Макар вручил фонарь ей. Свет запрыгал по стенам.

– Держи ровно, – попросил Илюшин.

Присел на корточки, с трудом перевернул тело и уставился на мертвеца. Девушка старалась смотреть куда угодно, но только не вниз.

– Ну что же, – сказал наконец Илюшин и поднялся, – во всем этом есть несомненный плюс.

От изумления Полина перестала дрожать.

– Это какой же?!

– Мы нашли пропавшего эконома.

Глава 11

Солнечные лучи щекотали фарфоровый бок чайника, штопали длинными стежками скатерть. Один луч пригрелся на шее Полины. От него было тепло, как от котенка.

Она взяла еще пару блинов, полила вишневым сиропом. Хотя меньше всего ей хотелось есть.

И остальным, судя по всему, тоже.

В столовой их собрал Илюшин. Если бы не он, завтракать им вдвоем с Полиной. Но Макар поднялся к каждому гостю и сказал что-то такое, что заставило их спуститься вниз.

Полина не знала, о чем он ночью беседовал с пациентами Ковальского. Если судить по их лицам, склонял к самоубийству и едва не преуспел.

Тарас Воловик выглядел хуже всех: серо-зеленый, скрюченный, как полудохлая жаба. На нем даже не было галстука! Полина сочла это признаком крайнего волнения.

Ирма Ахметова стала похожа на улитку, ушедшую на зимовку: ракушка закупорена изнутри, все входы-выходы закрыты, не достучаться. «Что такого сказал ей Илюшин? – гадала Полина. – Кажется, ему удалось вбить клин между сестрами». Что-то Ирма внутри себя переваривала, обдумывала... Но наружу ничего не выплескивалось.

Анжелика поглядывала на сестру с заботой и беспокойством. Как родитель, которого огорчает обожаемый ребенок. Золотистые нити любви тянулись к Ирме, опутывали ее.

Глядя на них, Полина ясно осознала, что младшая сестра никогда не отпустит старшую. А Ирме не хватит сил сбросить душащие ее объятия.

«Был такой эксперимент, – вспомнила она, – лягушку опускали в открытую кастрюлю с теплой водой. Лягушка плавала, а кастрюлю начинали нагревать на медленном огне. И лягушка умирала. Она пропускала тот момент, когда еще можно было выскочить из кастрюли. А потом расслабляющая теплая вода превращалась в кипяток, и уже ничего нельзя было поделать.

Если тебя варят, надо спохватиться вовремя и выпрыгнуть. Иначе будет поздно. Кажется, Ирма опоздала».

Давид Далиани уронил на пол чайную ложечку, и она тихонько звякнула. Но от этого звука все вздрогнули. Кроме художницы – она так и сидела в своей скорлупе. Из кухни тенью скользнула Клара Ивановна,

подняла ложку и мигом принесла новую.

Значит, она тоже волнуется. Наблюдает за ними.

Сам Давид сидел с застывшим лицом. Рука его время от времени ныряла в карман. Полина от души надеялась, что там не оружие.

«Собрание призраков дома Ковальского, – внезапно подумалось ей. – Такое ощущение, что за столом одни ожившие мертвецы».

Полина дернулась и пролила варенье. Не надо про оживших мертвецов!

Сейчас, при свете дня, она не могла понять, почему согласилась на немислимое предложение Макара. Как он смог убедить ее? Наверное, Полина временно потеряла рассудок. Чем иным можно объяснить, что она помогла ему запихнуть одеревеневшее тело эконома обратно в морозильник? И пообещала молчать, пока «что-то не прояснится».

Так сказал Илюшин, когда они закрыли железную дверь. Полина ощущала себя убийцей, спрятавшей труп жертвы. «Прояснится!» Что может проясниться?! Их всех отправят за решетку!

«Без паники, граждане! – попросил Макар. – Во-первых, нас не за что сажать в тюрьму. Если только не вы прикончили бедного Анатолия».

«С ума вы сошли?! – взвилась Полина. – Что за шутки?»

«Я так и думал, – спокойно сказал Илюшин. – Тогда вам нечего бояться».

«А как же он... Там?» – она указала на только что захлопнувшуюся дверь.

«Он там уже привык, – успокоил Макар. – Я даже рискну заметить, что ему там хорошо. Вы же не хотите, чтобы у вас на руках оказался стремительно разлагающийся покойник?»

Только этого аргумента Полине и не хватало. Она сглотнула, позеленела и привалилась к стене.

Ее даже не заинтересовал механизм часов, закрывающих второй выход из подвала. Сидя в кресле, она безучастно смотрела, как Илюшин обнюхивает их со всех сторон. Подумать только, ее любимые часы...

«Они движутся вместе с подставкой! – известил Илюшин. Глаза у него горели охотничьим азартом. – Дайте ключи. Я хочу взглянуть на этот ваш волшебный шкаф».

Полина потащила за ним следом. Она боялась оставаться одна в библиотеке. Кто знает, что выползет из потайного хода?

В конце концов Макар отвел ее в комнату и проследил, чтобы она закрыла за ним дверь. Полина боялась, что всю ночь ей будут сниться кошмары. Она даже предчувствовала какие: ее запирают вместе с мертвым

Анатолием в крохотном подвальном морозильнике.

Полина была уверена, что проснется с седой головой. Если вообще проснется.

Но стоило ей коснуться подушки, как ее накрыл спасительный сон без сновидений.

– Полина, передайте сахар, пожалуйста, – попросил Макар.

Из всех собравшихся он единственный выглядел бодрым и выспавшимся.

– Утром я разговаривал с Анжеем. Он возвращается завтра и просит всех дождаться его. Надеюсь, вы нескучно проведете сегодняшний день.

Он подождал, не выскажется ли кто-нибудь. Но все молчали. Включая Полину, которая онемела от нахальства Илюшина. Василий в реанимации, в подвале у них труп эконома, за одним столом с ней сидит безумец, возможно, убивший Доктора. О да, им некогда будет скучать!

– Кстати, он приедет с архитектором, – светски продолжал сыщик. – Хочет что-то здесь перестроить.

– Что именно? – заинтересовалась Анжелика.

– Откровенно говоря, я не совсем понял. Но архитектор, говорят, весьма известный. Как же его фамилия... – Илюшин пощелкал пальцами. – Забыл.

Брошенная Макаром фраза оживила общество. Давид припомнил, как проектировал свой коттедж. Ирма заметила, что хорошие архитекторы редки. Анжелика уронила в пространство, что ей нравятся работы Левона Сесперадзе, особенно те, где он делает акцент на стекло.

Один Воловик не сказал ни слова. Не поднимая глаз, он терзал в тарелке блин с таким остервенением, что Полине захотелось крикнуть: хватит! Не мучай его!

Она перехватила взгляд Илюшина. Он тоже с большим интересом следил за действиями Тараса Иммануиловича.

После завтрака Полина сбежала из дома. Она вынесла маленький шезлонг и спряталась под липой.

Невозможно дольше оставаться среди этих людей! Что они делают в одиночестве, разойдясь по комнатам? Спят? Читают? Плачут? Готовят новое убийство?

Каждый из них годится на роль безумца, ищущего свою волшебную дверь.

Тарас Воловик. Дерганый, трусливый. Есть в нем какая-то гнусность, сидящая глубоко внутри и лишь изредка прорывающаяся наружу. Он болен, конечно! Не заметить это может лишь слепец. Тарас упаковывает себя в

маленькие черные костюмы, любит говорить гадости и срывает злость на слабых. К тому же он без конца что-то вынюхивает, точно крыса.

Или Ирма. Вот уж в ком гнездится невроз на неврозе! Она из тех, кто может убить из жалости, чтобы освободить несчастную душу от страданий. В ней достаточно физической силы, чтобы совершить убийство. Полина прочувствовала это на себе, когда Ирма прижала ее к груди.

Давид Далиани. Внешне – самый вменяемый из троих. Но это как раз и настораживает. Сумасшедшие талантливы. Они актеры, притворщики! Во многих из них не заподозишь помешательства, пока в их огороде не откопают дюжину трупов.

И тогда все вокруг станут удивляться и говорить: «Не может быть! Он такой хороший сосед! Всегда здороваётся, подбирает бездомных котят...» Хоть бы раз кто-нибудь задумался, зачем он их подбирает...

Итак, любой. Любой из них мог вступить в это проклятое сообщество, с которым случайно оказался связан Анжей.

Что им бросать здесь, о чем горевать? У двоих ни семьи, ни детей. У третьего семья и дети, но не та и не те.

Люди, которым нечего терять...

«Не так давно ты была в их числе».

Полина задумалась. Да, и правда.

Первый раз она представила всерьез: что, если бы ей предложили ключ? И показали дверь, к которой он подходит?

Джинн обещал пастуху прекрасный мир, где каждый счастлив. Пусть там будет английский сад. Бабушка. Любящие родители.

Вышла бы она в Зеленую Дверь?

Да, поняла Полина. Вышла бы. Еще два месяца назад она шагнула бы туда без всяких колебаний.

А сейчас – нет.

Всего за месяц жизнь ее, казавшаяся разрушенной, изменилась. Но в апреле она еще не знала, что так случится. Если бы тогда кто-то смог убедить ее, что Зеленая Дверь существует, она присоединилась бы к поискам.

«Что, влилась бы в толпу фанатиков?» – насмешливо спросил внутренний голос.

«Влилась бы», – честно ответила Полина.

Это открытие поразило ее. Сложись обстоятельства по-другому, и она могла бы оказаться среди людей, которых они с Бабкиным называли психами и высмеивали.

Но ведь она – не псих!

Так, может, и они не сумасшедшие? Возможно, это всего лишь люди на грани отчаяния? И напрасно ты выискиваешь признаки безумия в каждом из них?

Полина схватилась за голову. Все перемешалось: смерть эконома, сыщики, Анжей, архитектор...

Подождите, откуда архитектор? Зачем?! Что еще выдумал этот ненормальный сыщик?

«Выдумал».

Полина ухватилась за это слово. Собственно говоря, откуда ей известно об ордене «привратников»? Только от Илюшина. Но у нее нет ни одного подтверждения его словам.

Если подумать, что мешало ему выдумать эту историю?

Но зачем?

Чтобы иметь возможность хозяйничать в доме. Ты доверилась ему. Открыла комнату ключей, показала потайной ход в подвал.

События выстроились в памяти Полины.

Василий не желал, чтобы частные детективы шатались по дому. И Василий только чудом не погиб в аварии. («А водителя КАМАЗа до сих пор не нашли»). Ковальский сомневался, стоит ли приглашать их. Кому, как не Полине, помнить его мучительные колебания! Но все-таки решился. И пропал через два дня после того, как Макар Илюшин переступил порог его дома.

Сергей Бабкин, во всем помогавший напарнику, исчез. Куда отослал его хитрый Илюшин? И зачем? Не потому ли, что Сергей мог чем-то помешать ему?

Он не объясняет, только действует. Он умеет убеждать, представляя черное – белым, холодное – горячим. Первое, что сделала бы Полина, обнаружив труп – позвонила бы в милицию. Но он отговорил ее. Она бы давно выгнала всех гостей и написала заявление об исчезновении Ковальского. Но Илюшин убедил ее не делать этого.

И что теперь? Она сидит под липой, боясь вернуться в комнату, и больше всего на свете хочет сбежать от этого кошмара. Но как она бросит дом? Клару Ивановну? Что здесь произойдет без нее?

Их дом – это корабль. Капитан исчез, старший помощник выбыл из строя. Она дважды звонила в больницу, и каждый раз слышала сухой ответ: состояние тяжелое, без изменений.

Но от переживаний в Полине развилась мнительность: ей казалось, что от нее что-то скрывают. За сухостью ответа она слышала нежелание говорить правду. Позвонив второй раз, Полина взмолилась:

– Женщина, миленькая, скажите, что с ним?

– Я все вам сказала, – ответили ей и повесили трубку.

Значит, ни капитана, ни помощника... Что остается боцману? Только принять командование судном.

«Главное, чтобы потом тебя не нашли рядом с предыдущим боцманом, – шепнул внутренний голос. – То есть с экономом».

Девушка поднялась, преисполнившись решимости, но не зная, на что ее направить. И обнаружила, что к ней приближается Макар Илюшин.

Ее глаза неотрывно следили за тем, как он идет по тропинке упругой походкой. Какое сравнение пришло ей на ум при первой встрече? Ах да, куница! Надо было прислушаться тогда к голосу своего подсознания. Задуматься, почему этот симпатяга наводит на мысль о вертком хищном звере. Зверю-невидимке: умном, опасном, стремительном.

– Полина, вы мне нужны, – подойдя, начал Илюшин.

Вгляделся в нее и перебил сам себя:

– Нет, я не прав. Это я вам нужен. Похоже, вы уже начали подозревать меня во всех мыслимых грехах, включая убийство эконома.

Полина остолбенела.

– Я не читаю мысли, – успокоил ее Макар. – У вас все написано на лице. И потом, не вы первая.

– Не я первая что – подозреваю вас? – неожиданно для себя взъерошилась девушка. – Значит, уже были прецеденты?

– Это стандартная реакция человека, не понимающего, что происходит. Он начинает видеть опасность в неизвестном. Самое большое неизвестное – это я. Так что ваш страх предсказуем и логичен.

Он опустил на землю, сорвал травинку и сунул в рот.

– Земля холодная, – машинально предупредила Полина.

Потопталась на месте... И снова села в шезлонг. Глупо убегать от человека, который развалился под липой и жует травинку.

– Может, вы хотя бы сделаете попытку меня переубедить? – мрачно спросила она. – Ну, хоть для приличия.

– Запросто. Вашего Доктора я не прятал – раз. Эконома не убивал – два. Вас с моста не ронял – три. Переубедил? Или еще что-то можно мне вменить?

– Кражу ключа, – насупилась Полина.

– А, точно. Ключ не крал – четыре.

– И в Зеленую Дверь вы не верите.

Макар отбросил травинку в сторону.

– А вот здесь я бы не был категоричен.

Полина вывернула голову и чуть не вывалилась из шезлонга.

– Вы серьезно?!

– Скажем так: я агностик. Я допускаю, что где-то существует... назовем это «выход». Почему бы и нет? Разумеется, не в виде Двери. И уж конечно, не в доме Анжея.

– И вы верите, что за ним счастье? Всем, даром, и пусть никто не уйдет обиженным? Как у Стругацких?

Она даже привстала, ожидая ответа.

Илюшин помолчал. И сказал очень серьезно:

– Полина, я частный детектив. Мне ничего не известно о счастье за разнообразными дверями. Но очень хочется верить в то, что человек, способный на убийство ради того, чтобы выйти в Зеленую Дверь, не сможет открыть ее.

Он нагнулся за новой травинкой.

– Кстати! Раз уж мы заговорили об убийстве. Спрошу вас о том, о чем собирался. Полина, откуда в доме Ковальского взялась эта повариха?

* * *

Клара Ивановна высунула голову из столовой, как черепаха из панциря. Осторожно оглядела коридор. Снова никого. Что за чертовщина?

Впору убежать отсюда, как вчера. Да жаль экономку. Она, бедная, после аварии сама не своя.

Но очень уж в доме беспокойно.

Вообще-то новая работа пришлось Кларе Ивановне по душе. После смерти мужа некого стало баловать вкусной едой. А здесь ее ценили. Обращались уважительно. Анжей Михайлович называл в шутку: «наш шеф-повар». И гости хвалили стряпню. Приятно, что скрывать...

Вот только это ощущение, что в кухне временами кроме нее есть кто-то еще... Впору поверить в призраков. Из холодильника пропадают продукты, но здесь, конечно, не призраки виноваты. Кто-то из гостей не наедается и наносит визиты ночью.

Но то – ночью. Ничего, ей еды не жалко. Но ведь и днем она слышит шаги в пустом коридоре. Чувствует чей-то взгляд. То ли нервы расшалились, то ли и в самом деле что-то странное творится здесь в отсутствие хозяина.

Вот и сейчас: ей показалось, что кто-то зашел в столовую. Выглянула – никого. И снаружи никого. Нарушая все правила, проверила галерею (хотя,

видит бог, сто лет не заходила бы туда и без всяких запретов!) Пусто! Что это, как не чертовщина?

Клара Ивановна сплонула три раза через левое плечо и вернулась в кухню. Подумала – и закрыла плотно дверь.

«Ох, что-то будет здесь ночью», – вдруг подумала она. А на самом деле и не она, а как будто чей-то голос шепнул это ей в ухо.

Клара Ивановна обомлела и перекрестилась.

Только ведь и правда: что-то будет. У нее с детства чутье на беду. Вон и солнце ушло, и сразу вокруг потемнело.

Ох, забрать бы отсюда девочку на ночь! Только ведь не пойдет, упрямая. Но как оставлять ее здесь? Нехорошее готовится, это по всему чувствуется.

Нынче утром Клара Ивановна нашла на полу осколки любимого графина. Охнула, стала убирать – а они в крови. Конечно, ничего странного: кто-то порезался, подбирая их. Но если подумать, что же не подобрал? Зачем оставил на полу валяться?

Она даже хотела рассказать об этом Полине, но промолчала. У девочки и так хлопот полон рот. Незачем ее осколками окровавленными пугать. Клара Ивановна их аккуратно собрала и выкинула от греха подальше.

Но за завтраком внимательно смотрела: у кого свежие ранки на руках? Кто напакостил и не убрал за собой?

Только ни у кого из них порезов на руках не было. Ни у одного.

* * *

Полина разбушевалась не на шутку. Она произнесла целую речь в защиту Клары Ивановны. Из ее слов могло показаться, что она знала Клару Ивановну еще воооот такой девчонкой, всю жизнь прожила рядом и неоднократно вешала ее фотографию на доску почета. И не позволит всяким порочить ее светлое имя и обвинять в страшном.

– Только попробуйте ее испугать! – Полина наскокивала на Макара, как курица, защищающая цыпленка. – Даже не вздумайте задавать ей свои идиотские вопросы! Она добрейшей души человек! Как вы можете всерьез ее подозревать?!

Макар отряхнул джинсы и ухмыльнулся:

– А я и не подозреваю. Бабкин до отъезда успел все о ней выяснить. Простая душа ваша Клара Ивановна, ни в чем предосудительном в жизни не была замешана. Перед такими зеленые двери обычно сами

распахиваются.

Полина так и села в шезлонг.

– Тогда почему же вы... Зачем же вы...

– Потому что вы всего этого не знали. И могли счесть ее подходящей кандидатурой для отвода глаз. Мне хотелось послушать, какую характеристику вы ей дадите. Если бы вы сообщили, что Клара Ивановна – загадочная особа и муж у нее погиб при невыясненных обстоятельствах, то я бы сильно насторожился.

Полина осмыслила сказанное и поразились:

– Так вы подозревали меня? Меня?!

Она набрала побольше воздуха, чтобы высказать Макару все, что думает о нем и его методах.

– Практически нет, – честно сказал Илюшин. – Притворяетесь вы плохо. Хотя нельзя было исключать, что передо мной выдающаяся актриса. Простите, что я вас разозлил. Рассерженные люди плохо контролируют себя. И выдают самые чистые реакции.

– Вот спасибо, – буркнула Полина. – Надоили из меня чистых реакций и уйдете довольный.

– Да, – не стал отрицать Илюшин. – Довольный. Мне было бы жаль, если бы вы проявили меньше пыла и дерзости, защищая вашу повариху.

И ушел. А Полина осталась размышлять, в чем проявились «пыл и дерзость».

– Надо же так выражаться, – бормотала она, складывая шезлонг. – Пыл и дерзость! Гордость и предубеждение!

Полина запрокинула голову в небо и нахмурилась. Ночной ветер все-таки пригнал тучи. Одна – наглая, самодовольная – распласталась низко над лесом и почесывала иссиня-черное брюхо об макушки сосен. Две другие, помельче, заплывали со стороны дороги.

Когда Полина забежала в дом, за ее спиной первые капли уже выбивали фонтанчики пыли из дорожки. Она помнила, что окно в кабинете Анжея почти всегда приоткрыто. «Ой, лужа натечет!» Полина свалила шезлонг под лестницей и помчалась в галерею.

По привычке постучалась, прежде чем войти. Послушала тишину, вздохнула и достала ключи.

Капли уже стекали на подоконник. Полина закрыла форточку. Прежде чем уйти, оглядела кабинет, проверяя, все ли на месте.

Да, все на месте. Даже кое-что лишнее.

На столе невесть откуда взялась фарфоровая собачка: белая, с розовыми ушами. Она сидела на задних лапках и умильно ухмылялась во

всю свою фарфоровую морду.

– Это еще что такое?!

Невозможно поверить, что Анжей по доброй воле принес это существо и оставил в кабинете. Полина подошла ближе, озадаченно рассматривая безвкусную вещицу.

Под собачкой лежал сложенный вдвое лист бумаги.

Она никогда не дотронулась бы до него. Но в памяти внезапно всплыли строчки объявления: *«Требуется экономка в загородный дом. Любовь к животным обязательна».*

Зачем любовь к животным, если в доме Ковальского ни собак, ни кошек?

И почему этот вопрос раньше не пришел ей в голову?

Полина бережно отодвинула собачку и взяла лист.

Из него выпал конверт. С единственным словом – наискось, быстрым небрежным росчерком: *«Полине».*

«Мне?!»

Волнуясь, она надорвала край конверта и только тут заметила, что он не был заклеен. Внутри оказался тетрадный листок, явно вырванный наспех.

Почерк Ковальского. Буквы сбиваются с ног, налетают друг на друга.

«Здравствуйте, Полина. Да, это письмо адресовано именно вам и никому иному.»

«Возможно, мне придется надолго уехать. В таком случае я буду лишен возможности лично рассказать вам о некоторых фактах, которые привели к нашему знакомству».

На этом месте Полина прервала чтение.

– Каких еще фактах? – вслух спросила она. – Это о чем?

«Вы не знаете о них. Но мне кажется несправедливым и отчасти даже жестоким держать вас в темноте неведения. Именно поэтому я пишу вам это письмо и оставляю его там, где вы его рано или поздно обнаружите».

Темнота неведения... Нет сомнений: писал Ковальский. Это его высокопарный слог. Полина слышала мягкий бархатистый голос за каждым словом.

И с каждым словом ей все меньше хотелось читать это письмо.

Но выбора не было. Девушка подошла ближе к окну, чтобы падал свет, и расправила листок.

«Чуть больше трех лет назад ко мне приехал клиент, которого я прежде никогда не видел. Он отличался от моих обычных пациентов. Это

был не слишком богатый человек, целиком поглощенный одной идеей. Если вы предположите, что он хотел разбогатеть, то ошибетесь. Он был неглуп и понимал, что рост благосостояния всегда ведет к изменению жизни в целом, причем подчас непредсказуемо. А изменять жизнь он не собирался. Она его вполне устраивала.

Но он, как я уже сказал, был одержим одной мечтой. Ему хотелось иметь собственный дом».

Полина выронила письмо из рук. Оно мягко спланировало на пол. С минуту девушка смотрела на него, потом подняла, стараясь унять дрожь в пальцах.

«Я не увидел в этой мечте ничего странного или дурного. Ко мне являлись пациенты с куда более сомнительными желаниями. Необычным показалось лишь одно: мой клиент не желал прикладывать серьезных усилий для осуществления своей мечты. Он опасался, что в процессе „зарабатывания капитала“ – так он выразился – его мечта потускнеет, и в конце концов обладание желанным домом не доставит большого счастья. А ему хотелось быть счастливым. Он объяснил мне, что не желает быть батраком, двадцать лет выплачивающим ипотеку государству и рискующим потерять все по воле случая, который лишит его работы или доходов.

Мне были понятны его устремления. Я подобрал для него ключ. Он поблагодарил и пропал.

Говоря начистоту, я забыл о нем сразу же, как он покинул мой кабинет. Его случай казался мне тривиальным. И когда не так давно он появился и попросил о встрече, я был удивлен и обеспокоен.

Но оказалось, что клиент приехал с благодарностью.

Мне и самому было интересно, как сработал ключ. Что сдвинулось в окружавшем его мире так, что это привело к желанному приобретению? На него упало наследство? Мне думалось, что дело не в этом. И, как выяснилось, я не ошибся.

Мой пациент не сменил работу на более денежную, не выиграл в лотерею. Он всего лишь встретил девушку, владевшую большой квартирой (что для него равнялось целому состоянию). Он рассказал, лучась радостью, что девушка была молода и весьма наивна. И что когда он узнал ее ближе, ключ, данный мною, проявил свои возможности. Ему открылось, что нужно делать».

Полине пришлось сесть на подоконник, чтобы читать дальше. Ее трясло, словно в лихорадке. Молода и весьма наивна... Молода. Весьма наивна.

«Мой пациент проявил предусмотрительность. Он действовал шаг за шагом, постепенно, опасаясь спугнуть девушку. Но ключ поддерживал в нем веру в успех. Он был убежден, что это его амулет.

В итоге он добился, чего хотел. Умело подогревая в своей подруге влюбленность, он уговорил ее вложить все средства в приобретение дома для него. Но сделал это с таким расчетом, чтобы в будущем она не имела прав на его собственность.

Получив желаемое, он немедленно выгнал ее, сочтя, что больше она ничем не может быть ему полезна. Она не заподозрила ни мошенничества, ни обмана.

Теперь он сидел передо мной и упивался своей находчивостью. Ему нужен был человек, способный оценить оригинальность замысла. Кто лучше меня годился на эту роль? Меня, давшего ему ключ! Ведь именно ключ навел его на мысль воспользоваться другим человеком как инструментом.

Выслушав его рассказ, я ужаснулся.

Не стану скрывать, что желания моих клиентов мне практически безразличны. Как и путь, открывающийся им после получения ключа. Что мне за дело до тех средств, которые люди пускают в ход? Каждый из них сам в ответе за свои поступки. У меня бывал политик, нашедший способ очернить конкурента. Бизнесмен, оставивший без работы половину города. И дюжина прочих, причинивших кому-то зло. Каждый из них приходил к этому, используя мои ключи. Но я никогда не чувствовал своей личной вины. Политики лгут, бизнесмены зарабатывают. Это естественное течение жизни. Я ничего не в силах в ней изменить, даже если бы захотел.

Но этот клиент вызвал у меня иные чувства. Его горячая благодарность не знала границ. Он считал меня своим сообщником и говорил об этом, не скрываясь. Видит бог, я не в силах сочувствовать десяткам людей. Но во мне проснулась жалость к одной девочке, оставшейся бездомной.

Я стал расспрашивать его. Он говорил охотно, похваляясь передо мной. «Я сделал точный выбор», – сказал он. Его жертва росла с бабушкой, брошенная родителями, и рано осталась одна. Обмануть ее было так же несложно, как обмануть ребенка. Он сам это признал.

Я спросил его, не чувствует ли он стыда за содеянное. Ведь он лишил ее всего, что она имела.

Он ответил мне моими словами: «Это естественное течение жизни. Если бы не я обманул ее, то кто-то другой».

Когда он ушел, я чувствовал себя вывалинным в грязи. Причем лужа была заполнена мною собственноручно.

Опущу мои последующие размышления. Я верю в судьбу, или в провидение, или в промысел – назовите как хотите. Мне было ясно, что она станет искать работу. Я поместил объявление о поиске экономки – одно из многих – и стал ждать.

Девяносто шансов из ста были за то, что она не позвонит. Обстоятельства должны были сойтись определенным образом, чтобы это случилось. Тогда бы я счел это за знак.

Я люблю число «двенадцать». Первые одиннадцать звонков были пустыми. Она позвонила двенадцатой.

Дальнейшее, Полина, вам известно. Простите, что я писал о вас в третьем лице. Нетрудно было заинтересовать вас в телефонном разговоре: я знал достаточно деталей от вашего бывшего возлюбленного.

Я не осмеливался рассказать вам правду. Впервые я чувствовал себя виноватым в том, что чья-то жизнь разрушена из-за моего ключа. Я успокаивал себя тем, что когда-нибудь потом смогу поговорить с вами и попросить прощения за ту роль, которую невольно сыграл в вашей беде.

Но сейчас обстоятельства складываются таким образом, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь встретиться с вами. Поэтому пишу вам это письмо. Я должен сказать то, что считаю важным.

Вы не виноваты в том, что произошло. Я пытался объяснить вам это, когда заговорил о ваших родителях, и даже был с вами жесток. Но я хотел действовать вам во благо.

Как многие из тех, кого не любили в детстве, вы совершили ошибку: сказали себе, что вас не за что любить. Что вы не достойны любви.

Сейчас вы говорите себе, что я не прав. Не спорьте со мной. Это чувство сидит в вас так глубоко, что вы и сами не замечаете.

Но самое плохое, мое дорогое дитя, заключается не в этом. Вы пошли дальше. Вы сложили простую формулу, страшную в своей простоте. «Если меня не любили, значит, меня не за что любить. И я в этом виновата».

Всего в три шага вы нашли оправдание своим родителям. А заодно и Дмитрию (да, я отлично помню, как зовут вашего несостоявшегося мужа). В глубине души вы считаете, что его нельзя обвинять за то, что он сделал. Вы говорите себе, что не он виноват, а вы. В том, что он недостаточно вас любил. В том, что он обманул вас. В том, что он вас использовал и выбросил, как выбрасывают отслужившую свое вещь.

Но это неправда. Ваш жених был мерзавец и остался мерзавцем. Вы

слышите меня, Полина? Если бы я был рядом, я бы кричал вам об этом.

Даже меня он ввел в заблуждение при первой встрече. И лишь во время второй, когда он раскрылся, я увидел, что передо мной человек беспринципный и гнусный.

Но вы не в ответе ни за его качества, ни за то, что не сумели рассмотреть их.

Вы не виноваты.

Вы не виноваты.

Вы не виноваты, слышите меня, глупое мое, бедное дитя? Я обращаюсь к вам вольно, поскольку сердце подсказывает мне, что мы не увидимся больше.

Простите меня, моя дорогая Полина. Я очень виноват. Я должен был поговорить с вами раньше, чтобы не писать сейчас в спешке это письмо.

Вы прекрасны, добры и отзывчивы. Вы наполняли радостью мои дни в этом доме. Вы заслуживаете любви.

Но чувство вины уничтожит вас, если вы не избавитесь от него.

Это первый шаг к счастью, которое вы заслужили.

Анжей».

Полина сползла с подоконника и уселась на ковер, привалившись спиной к стене. Письмо упало ей на колени.

В этом состоянии ее и нашел Макар Илюшин.

– Вот вы где! – с явным облегчением воскликнул он. – Я уже начал опасаться... Что случилось?

Полина молча протянула ему листок.

Илюшин бегло просмотрел его. Затем придвинул стул, сел и прочел не торопясь.

Закончив читать, он взглянул на Полину.

– Знаете, а я начинаю лучше думать о Ковальском. Старикан не такой прожженный циник, каким казался.

Полина подняла на него глаза и слабо возмутилась:

– Он вовсе не циник.

– Еще какой! Но вы уже защищаете его. Это радует.

– Я не знаю, что думать обо всем этом, – убитым голосом призналась Полина. – У меня в голове вата.

– Не нужно ничего думать. Ковальский пытался вам помочь. Он, кстати, прав во всем. Это еще Серега попробовал вам объяснить, но не имел успеха. А ключ при вас?

– Да.

– Давайте. Давайте, давайте! Он мне нужен. Не хочу, чтобы кто-нибудь

отобрал его у вас и прошел вашим путем.

– Мне он тоже нужен! – запротестовала Полина. – Мне с ним легче!

– Я верну.

– Когда?

– Когда все закончится.

– В каком смысле? И как я узнаю, что все закончилось?

– А я вам скажу, – пообещал Илюшин.

Полина со вздохом вложила ему в ладонь ключ.

– Что вы задумали, Макар?

– Небольшую ловушку, очень простую и, надеюсь, действенную.

– Хотите узнать, кто убил эконома?

– Мне это известно.

– Что?!

Полина вцепилась в его руку.

– Как известно? Откуда?!

Судя по выражению лица Илюшина, он собирался объявить, что это очевидно любому думающему человеку. Но сдержался.

– Полина, вы все узнаете в свое время, – терпеливо сказал он. – Да не тяните так, свитер порвете.

– Кто это? Скажите, кто?

– Не скажу. Мне нужны доказательства, а их пока нет.

– Это Воловик? Нет, это Давид!

Макар закатил глаза.

– Что, Ирма? – упавшим голосом спросила Полина.

– А почему бы не садовник? Если бы мы находились в Англии, это непременно оказался бы садовник. Или вообще почтальон.

– Ну, Макар! – взмолилась Полина. – Вы не можете так со мной поступить!

– Считайте, что я хочу сделать вам сюрприз. А теперь вставайте. Вы мне нужны.

– В качестве помощницы? – Полина немного воспряла духом.

– Почти.

Как выяснилось, Полина нужна была Макару в качестве предмета интерьера. Именно так она поначалу расценила его желание посадить ее в библиотеке и оставить до вечера.

– И что мне тут делать? – мрачно спросила она.

– Читайте. Размышляйте. Здесь отличное место для того, чтобы размышлять. Правда, вам будут мешать... Я надеюсь.

И тут Полина поняла.

– А вы не боитесь, что он меня убьет? – тихо спросила она. – Или для этого вы меня тут и оставляете? По двум трупам легче искать убийцу, чем по одному?

– Не просто легче, а значительно легче! – воодушевленно отозвался Макар. – Первый-то труп лежалый. А ваш будет свеженький, со всеми нужными следами.

Несколько секунд девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами. А потом рассмеялась.

– И вы называете Анжея циником? Да по сравнению с вами он просто ромашка!

– Зато вы перестали бояться, – пожал плечами Макар.

Полина прислушалась к себе и поняла, что Илюшин прав.

– Почему вы думаете, что он меня не тронет? – уже спокойно спросила она.

– Потому что рядом постоянно кто-то будет.

– Кто-то? Вы уверены, что этот «кто-то» – не тот, кого вы ловите?

– Уверен. Серега Бабкин, конечно, не без странностей. Но что ему точно не нужно, так это Зеленая Дверь. А если б он и захотел в нее войти, то не стал бы заморачиваться с ключами, а просто вышиб ее головой.

Полина вскрикнула от радости.

– Сергей уже здесь?

– Будет через полчаса. Так что потерпите немножко, а потом он составит вам компанию.

Илюшин подмигнул и собирался уйти. Но Полина остановила его.

– Подождите! А как же тот кабинет Анжея? Со шкафом? Вы туда тоже кого-то посадили?

– Туда мне некого сажать, – с сожалением сказал Илюшин. – Поэтому там, увы, просто сломался замок.

– Как сломался?

– Намертво. Больше не открывается. Теперь, чтобы туда попасть, только дверь выламывать...

– Анжей вас убьет, – ужаснулась Полина, на секунду забыв обо всем случившемся.

Макар посмотрел на нее и вдруг расхохотался.

– Что? – растерялась Полина. – Что смешного?

– Вы идеальная экономка, – с насмешливым восхищением сказал Илюшин. – Вокруг вас могут бушевать катаклизмы, готовиться убийства и побег. Но вы все равно будете беспокоиться о сломанном замке.

И ушел.

– Буду считать, что это комплимент, – вслед закрытой двери пробормотала Полина.

* * *

Ирма стерла десятый черновик письма Стивену. Или двадцатый. Или сотый: она сбилась со счета.

Ничего не выходило. Слова не складывались в предложения. Нужно написать что-то короткое, теплое, нежное. Но она не могла отделаться от мысли, что его молчание имеет причину.

«Кто мне пишет? Да так, одна русская художница. У нас был короткий роман сто лет назад. Ты ревнуешь, милая? Забудь, это давно в прошлом».

Чем больше попыток, тем дальше она от цели.

В комнату постучались.

– Заходи, – сказала Ирма, не оборачиваясь.

Анжелика втекла в комнату. Нежная, мягкая, обволакивающая.

– Прости меня!

Сколько искреннего раскаяния в ее голосе...

Она скользнула к сестре, опустилась на колени.

– Я так виновата перед тобой... Я не понимала, что ты чувствуешь. Мне хотелось защитить тебя.

– От кого? – не выдержала Ирма.

Прекрасные синие глаза наполнились слезами.

– Ты ведь меня не оставишь?

«Вас любили больше, ценили больше, гордились вами больше» – вспомнились Ирме слова Макара Илюшина. Что, если Анжелика знала об этом? Что она должна была чувствовать: лишенная таланта, обделенная любовью?

Младшая беспомощна без старшей. А Стивен прекрасно обходится один.

– Я боюсь отпустить тебя, потому что я ничего без тебя не стою, – всхлипнула сестра, словно прочитав ее мысли. – Ты меня простишь?

Ирма помолчала. А затем сказала то, что уничтожило всю работу, проведенную Макаром Илюшиным.

– Мне не за что тебя прощать, дорогая.

К вечеру дождь взбесился: выбивал сумасшедший фокстрот по крыше, лупил барабанными палочками по листьям. Туча напозла на дом и поглотила. Словно разозлившееся небо накрыло его черной лапой, прижало к земле: попробуй выбраться.

К ужину пришлось зажечь свет во всем доме. И все равно по углам таился мрак. Тени протягивали длинные дрожащие руки – вот-вот схватят, уволкут неизвестно куда. Высосут, и станешь сам как голодная тень, поджидаящая добычу.

Воображение Полины к вечеру распоясалось. В каждом шорохе ей слышались шаги убийцы. Даже присутствие Сергея Бабкина не слишком успокаивало.

Они сидели в библиотеке уже несколько часов, делая вид, что разбирают книги. Макар Илюшин объявил во всеуслышание, что Анжей Ковальский возвращается завтра утром. И они «готовились» к его приезду: экономка, помощник и помощник помощника (именно так назвал Сергея Илюшин).

Полина выглянула в окно. На дорожках расплывались лужи. Ближайшая клумба превратилась в болото. Дождь все месил, месил, месил ее, как дрожжевое тесто. Грязь ворочалась, вспухала пузырями. Нарциссы и фиалки размочалило потоками воды. Полина со слезами смотрела на безжизненные сломанные стебли и скомканные цветки. Ее любимая клумба...

– Какой свирепый дождь! – не выдержала она. – Скорее бы он закончился!

– Да, молотит от души. К утру перестанет.

– К утру!

До утра казалось так же далеко, как до следующего года.

Полина вытерла слезы. Ей нельзя раскисать. В конце концов, кто главный в этом доме?

Она повернулась к Сергею:

– Что у нас осталось в этом шкафу?..

В больницу она звонила еще трижды. Что-то там определенно шло не так. Сначала Полина думала, что ей мерещится. Но к третьему звонку твердо расслышала, что медсестра отвечает неуверенно. Как будто сама не знает, жив пациент или умер.

Не случись в доме всего того, что случилось, Полина давно

прорывалась бы в реанимацию. Конечно, она знала, что с Васей все в порядке. Он не мог умереть. Герои не умирают! Ей всего лишь хотелось бы убедиться в этом своими глазами...

Она спрятала телефон, сглотнула ком, вставший в горле, и склонилась над книгами. Будь что будет, но они хотя бы составят каталог. *Когда тебе тяжело, иди маленькими шагами.*

За час до ужина Полина спустилась в столовую, чтобы проинспектировать Клару Ивановну. И тут обнаружился новый сюрприз.

То ли Клара Ивановна не выдержала напряжения последних дней, то ли на нее подействовал нескончаемый дождь, но она заливалась слезами. Милое розовое лицо отекло, нос распух. Теперь повариха почти не отличалась от поросят на своей косынке.

– Клара Ивановна, что с вами?!

Но женщина отказалась отвечать. Лепетала что-то о подгоревшем мясе... Полина залезла в духовку и выяснила, что с мясом все в порядке. Тогда Клара Ивановна понесла невообразимую ахиною насчет погоды, головной боли и возраста, зачем-то приплела покойного мужа... А когда Полина попросила прекратить морочить ей голову, всхлипнула и уткнулась в мокрый платок.

Полина быстро соображала. Ей придется взять ужин на себя, а Сергея оставить на посту в библиотеке. Но Клару Ивановну кто-то должен отвезти домой. Если Илюшин согласится...

Сквозняк хлопнул створкой открытого окна. Полина вздрогнула и заметила, что на пол натекла огромная лужа, а по кухне гуляет развязный мокрый ветер.

– Клара Ивановна! Еще и окно открыли!

Она с трудом прижала створку.

– Есть же вентиляция, – с неудовольствием сказала Полина. – А вы по старинке проветриваете.

– Из этой вашей вентиляции крысы сыплются! – вдруг брякнула повариха.

Полина оторопела.

– Какие крысы?! Господь с вами, Клара Ивановна... Здесь даже мышей не водится.

– Крысы! – настаивала женщина, придя в возбуждение. – Шуршат и лапками топчут! Я их слышу.

Полина так и села.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Как будто мало ей всего того, что произошло! Кто-то решил проверить Полину на прочность и свел повариху

с ума.

– Я вас сейчас домой отправлю, – с фальшивой улыбкой произнесла Полина. – Вы отдохнете, а завтра все пройдет.

Но Клара Ивановна вскинула голову и с тем же нездоровым блеском в глазах заявила, что никуда не поедет. Она останется здесь и выполнит свой долг: накормит гостей ужином.

«Э-э-э, как бы ты нас стрихнином не накормила, милая моя, – озабоченно думала Полина, слушая ее. – Что ж за день такой сегодня!»

Оставив обезумевшую Клару Ивановну хозяйствовать на залитой водой кухне, она попыталась отыскать Илюшина. Нужно предупредить его, что в их команде одним членом экипажа меньше.

Но Макара нигде не было. Обойдя весь дом, Полина запыхалась и села на подоконник.

Прекрасно. Теперь к перечню бед и напастей можно прибавить исчезновение Илюшина.

Впрочем, что это там виднеется за пеленой дождя в оранжерее? Трудолюбивый Армен, кажется, не выбирается оттуда ни днем, ни ночью. И сейчас он был явно не один.

Приглядевшись, Полина убедилась, что с ним Макар Илюшин. Она видела лишь головы над цветущими кустами. Армен не махал руками и, похоже, даже не удирал.

В эту минуту дождь зарядил сильнее и скрыл оранжерею, словно занавес – сцену.

Позади Полины слышались тихие, почти бесшумные шаги. Девушка обернулась.

К ней подкрадывался Тарас Воловик. Он переступал на цыпочках по ковру. Между ними оставалось не больше десяти шагов. На бледных щеках горели два ненатурально ярких пятна, как будто Тарас щедро намазался румянами. Рот полуоткрыт, а за пересохшими губами желтеют острые зубы.

Полина свалилась с подоконника и завизжала так, что сама на миг оглохла. Дом вздрогнул, тени шарахнулись по углам. Воловик отпрыгнул.

Одновременно хлопнули несколько дверей, послышался топот. Первым из-за угла вылетел Сергей.

Полина видела однажды, каким стремительным он может быть при необходимости. Но сейчас это поразило ее, как в первый раз. Секунда – и огромный, как медведь, Бабкин стоял между ней и Воловиком.

И такой же злой.

– Ты цела?

Полина пробормотала, что с ней все в порядке, и поднялась. Кажется,

она стукнулась об угол подоконника...

– Психованная! – ощерился Тарас. – Орать-то зачем?

– Вы ко мне подкрадывались!

– Он подкрадывался? Полина!

– Да!

– Нет! Пошутить нельзя, что ли?

– Поподробнее про шутки, пожалуйста, – попросил Бабкин. – Я тоже люблю посмеяться.

– Вы не поймете, – огрызнулся Воловик. – У нас разное чувство юмора.

Сзади раздался негромкий голос:

– Что здесь происходит?

Возле лестницы стоял Макар. Он даже не запыхался.

«Громко же я заверещала, если меня было слышно в оранжерее!» – мелькнуло в мыслях Полины.

Илюшин подошел к ним.

– Мне нужно повторить вопрос? Кто-нибудь в состоянии объяснить мне, что за вопли в доме?

«Воловик собирался меня убить! – хотела крикнуть Полина. – Он бы меня задушил, а потом перегрыз горло для верности! Это он, он убил эконома!»

Но наткнулась на взгляд Макара. Ледяной, предостерегающий взгляд. Он запечатал ей рот, словно ладонью. Полина лишилась дара речи и смогла лишь промычать что-то невнятное.

– Я объясню, – с достоинством сказал Тарас. – Я шел в бильярдную. Мы договорились сыграть партию до ужина. Смотрю, мечтательная девица сидит, глаза в окно. Дай, думаю, встряхну ее. Все такие тухлые сегодня, сонные.

– «Встряхну» – это как? – уточнил Бабкин.

– Да под ребрышки бы ущипнул. – Тарас хихикнул. – Девицы от этого оживляются.

Полина дернулась от омерзения.

– Ребрышки, значит, – кивнул Макар. – Ясно. А кто вас ждал в бильярдной?

– Я ждала.

Анжелика вышла из тени. Полина в суматохе и не заметила, как она появилась.

– Сижу в бильярдной, думаю: что за крики? Между прочим, Тарас, я там уже пять минут. Джентльмен не должен заставлять даму ждать.

Воловик прижал руки к груди с видом глубочайшего раскаяния.

– Так я уже... Вот уже... Вот уже разобрались, выяснили, что у всех чэ-ю разное. Чувство юмора, значит. А у кого-то его и вовсе нет.

Он изобразил шутовской поклон Макару с Бабкиным, сделал Полине «козу» и увел Анжелику в бильярдную. Всей спиной сигнализируя, что победа осталась за ним.

Бабкин проводил их тяжелым взглядом.

– Слушай, Илюшин... А ты не думал о том, что «привратников» может быть двое?

– Я обо всем думал, – в голосе Макара звучало легкое раздражение. – Тараса мы выслушали. Полина, теперь ваша версия случившегося.

– Он ко мне подкрался. Я сидела. Оборачиваюсь, а там он. Вот и все.

Кажется, Илюшин удивился ее лаконичности. Но Полина никак не могла сосредоточиться, чтобы описать все в красках: и лицо Воловика, и собственный страх.

Что-то сейчас было не так. Она не могла понять, что именно. Какая-то неправильность присутствовала во всей этой сцене, вполне очевидная и ясная. Но ей никак не удавалось ее ухватить.

«У тебя мозги разъезжаются».

«Но ведь что-то и в самом деле не в порядке!»

– Значит, он просто подкрадывался, – задумчиво повторил Илюшин. – Тогда я склонен согласиться с тем, что Тарас Иммануилович запланировал неудачную шутку. Или кто-то отвлекал наше внимание.

Он выразительно посмотрел на Бабкина.

– Черт! – выругался тот. – Библиотека!

И исчез.

Полина уже раскаивалась в том, что подняла тревогу. Рядом с Илюшиным ее страхи рассеялись. Осталось только это странное чувство...

– Фотошоп... – вслух подумала она.

– Что?

Пришлось пояснить.

– Иногда смотришь на фотографию и чувствуешь, что с ней что-то не так. А понять, что именно, не можешь. Так часто бывает, если, например, тени на снимке лежат неправильно. Нужно долго вглядываться, чтобы заметить это.

– И?

– Сейчас у меня такое же ощущение. Я не понимаю почему. Как будто у половины предметов не хватает теней, а у другой половины они лежат не в ту сторону.

– Вон оно что, – сказал Макар таким тоном, что Полина сразу почувствовала себя глупо.

В самом деле: сначала подняла крик, теперь бормочет что-то невнятное про фотошоп и тени. Он, наверное, тоже думает о ней: «Бедная экономка немножко спятила».

А вдруг и в самом деле спятила? Испугалась безобидного Тараса и сама переполошила всех. Теперь вот не может отделаться от навязчивого ощущения.

– Пора на ужин, – несчастным голосом напомнила Полина.

Макар зачем-то обернулся, осмотрел пустой коридор. Наклонился к ней и веско сказал:

– Послушайте и запомните. Мы сейчас пойдем в столовую. И вы будете вести себя как обычно. Не подавая вида, что вы кого-то подозреваете, ясно?

Полина молча кивнула.

– Против нас играет человек умный, хитрый и жестокий. Нельзя его спугнуть, понимаете? Второго шанса у нас не будет. Заставьте себя смотреть на каждого из них так, как будто это всего лишь гости Анжея. Надоевшие, неприятные. Но не более того. Справитесь?

Полина не была в этом уверена.

– Может, мне лучше отсидеться в библиотеке? – шепотом предложила она.

– Все должно идти как обычно. Я не хочу, чтобы этот человек что-то заподозрил. В библиотеке останется Сергей. Ему как раз хватит работы до десяти.

– А потом?

– А потом он уйдет, и путь будет свободен. Так вы пойдете со мной в столовую?

– Если надо... – сказала Полина голосом героического новобранца, готового отправиться в бой по приказу.

– Вот и отлично. И не волнуйтесь, все будет хорошо.

Илюшин направился к лестнице. Полина следовала за ним, рассматривая вязку тонкого серого свитера.

До чего же страшно! Страшно сидеть в одной комнате с убийцей и гадать: знает он, что его подозревают? Или нет? «Не подавайте вида», – велел Макар Илюшин. Легко сказать! Кто, как не он, утверждал, что у нее все написано на лице?

Надо заполнить мысли чем-то нейтральным... Например, узором свитера. Тогда она не станет испуганно таращиться на каждого из гостей.

Две петли лицевые, три изнаночные. Будем думать о стареньком журнале с выкройками, о свитере, о том, как бабушка Макара Илюшина вязала его долгими осенними вечерами под шум дождя.

Минуточку.

Осенними вечерами.

Дождливыми вечерами.

Свитер.

Полина остановилась.

Вот он, фотошоп! Та деталь, которая не вписывалась в общую картину!

– Макар! – позвала она. – А почему у вас свитер сухой, если вы бежали из оранжереи?

Глава 12

– Так когда, вы говорите, приезжает Анжей?

– Около одиннадцати.

– Надеюсь, ливень перестанет. Носа на улицу не высунешь.

Звякают вилки. Из кухни струятся ароматы горячего мяса, запеченных овощей. Сильным аккордом их перебивает запах сладкого яблочного пирога.

– А что с архитектором, Макар?

– Анжей по-прежнему все держит в тайне. Ну, вы его знаете.

– О, да!

– Думаю, он собрался перестраивать дом. Сколько лет назад он его построил?... Дайте-ка сосчитать. Не меньше пятнадцати.

– Ну, для такого домины это не срок!

– Мне тоже не терпится узнать, что он задумал.

– Тарас, передайте баклажаны...

Горят электрические свечи. Клара Ивановна снует вокруг стола, бесшумно собирая приборы.

– Можно подавать чай?

– Чуть позже, Клара Ивановна.

Если бы кто-то заглянул в окно, он увидел бы мило беседующую компанию. Трое женщин, трое мужчин. Постояльцы крошечной гостиницы, вынужденные коротать вместе скучный вечер.

– А я сегодня... хе-хе!... испугал нашу милую экономку.

– Я вас так и не простила!

– Правильно, Полина! Между прочим, я тоже. Вы задолжали мне целую партию.

Полина поймала одобрителный взгляд Илюшина. «Умница, молодец. Отлично держишься».

Она независимо отвернулась. Но ей было приятно.

Конечно, он не стал ничего объяснять. Сказал: «Потом, все потом» – и уволок ее в столовую. Там уже собирались гости, и через десять минут Полина перестала ломать себе голову над тем, как его свитер остался сухим под проливным дождем.

И джинсы.

И кроссовки.

К облегчению Полины, Клара Ивановна взяла себя в руки. Никто и не

заметил, что она недавно плакала. Все хвалили ужин, но при этом как будто считали ниже своего достоинства похвалить того, кто его готовил.

– А что, Сергей не ужинает? – огорчилась Анжелика.

– У него много работы, – объяснил Илюшин. – Точнее, уже немного.

Он хочет закончить все до приезда Анжея.

– Думаете, успеет?

– Конечно.

– Не зря же мы помогали ему весь день, – улыбнулась Полина.

И Макар улыбнулся в ответ.

Он играл. Развлекался. И – она могла бы поклясться! – получал от этой опасной игры удовольствие.

Он снова стал своим парнем, славным Макаром, старающимся, чтобы гости чувствовали себя хорошо. Про такого пожилые дамы потом говорят: «Вы знаете, у Анжея новый помощник. Очень любезный молодой человек!»

Но Полину эта маска уже не обманывала.

Перед чаем устроили перерыв. Давид с Тарасом заговорили о покупке недвижимости. Ирма с Анжеликой рассматривали рисунок на фарфоре. Старшая сестра что-то объясняла, водя пальцем по росписи, младшая кивала.

Полина не удержалась. Наклонилась к Илюшину и шепнула:

– Не знаю, что вы наговорили ночью Ирме. Но хватило ее ненадолго.

– А я и не ожидал длительного эффекта, – так же тихо отозвался Макар. – Чтобы ослабить такую связь, нужно мощное потрясение. И потом, вы же не думаете, что я собирался ей помочь?

– От вас дожدهшься, – непочтительно буркнула Полина. – Может, все-таки попробуете еще раз?

– Бесполезно. Пока она сама не примет решение, все мои слова – пустая трата времени.

– Вам ее не жалко?

– Я не умею жалеть людей.

Полина озадаченно уставилась на Макара. Как же так? Вот ей почти всех жалко. И Анжея, и Василия, и уставшую Ирму, и Клару Ивановну... Тараса Воловика вот только не жалко. И Давида. Странно жалеть танк, даже если он заехал не туда, куда собирался.

Но обдумать это ей не удалось. Клара Ивановна принесла пирог, и все вернулись за стол.

Один из тех, кому улыбалась Полина, пристально следил за ней и Макаром.

Подручные Ковальского дважды сорвали ему планы. Остался последний шанс. На этот раз он использует его, даже если придется убить их всех.

Цель уже близко. Всего лишь протянуть руку. Точнее, спуститься на двадцать четыре ступеньки вниз.

Они будут спать ночью. Книги переписаны в формуляры и расставлены по местам. Ключи розданы всем желающим. Они успели вовремя: у него осталась одна ночь.

А если кто-нибудь из них окажется в библиотеке... Что ж, тогда выбора не будет.

Человек, пристально следивший за экономкой, улыбнулся ей и похвалил пирог.

* * *

Кап. Кап. Кап.

Дождь к ночи притих. Его шум больше не заглушал тиканье часов.

Тик. Так. Тик.

Дом погрузился в сон.

Липы, измученные дождем, не стучали ветками по крыше. Они поникли. По сонным свернувшимся листьям незаметно стекали вниз капли воды.

Кап. Кап. Кап.

Вода уходила в молчаливую траву.

И лес утонул в тишине. Размокшие стволы сосен не скрипели. Птицы притихли, словно боясь разбудить своим криком кого-то, кого будить не стоило.

Только неугомонный ветер не оставлял попыток попасть внутрь. До полуночи он бродил вокруг дома, как голодный пес. Время от времени заходил в тоскливом вое. Потом успокаивался, ложился под дверь, прислушиваясь.

Тихо.

Люди спят.

Ветер забрался на верхушку липы и свернулся среди ветвей. Листва едва заметно шевелилась от его сонного дыхания.

Часы в доме проббили полночь.

Дверь одной из комнат на втором этаже приоткрылась. Наружу бесшумно скользнула тень. Она двигалась перебежками, замирая при

каждом звуке. Вдоль стены полосы света от ламп чередовались со складками темноты. В них и ныряла тень.

До библиотеки она добралась незамеченной.

Здесь свет был ярче, и тень превратилась в человека. Он отделился от стены и толкнул дверь. В кармане у него имелась отвертка – на тот случай, если безмозглая экономка снова запрет библиотеку.

Но на этот раз удача была на его стороне.

Он не стал включать ни торшер, ни лампу. Постоял, чтобы глаза привыкли к темноте.

И приблизился к часам.

Ему показалось, что они затикали быстрее и тревожнее, когда он положил руку на дверцу. Он усмехнулся. Что, помните? Бойтесь?

Он ненавидел часы. Они пожирали время, которого у него оставалось мало. И часы чувствовали его ненависть.

Забавно... Раньше у него не возникало таких идей. Это все Ковальский. Хозяин ключей подал ему мысль, что у некоторых предметов есть душа.

У тех, что имеют дело со временем – у всех, без исключения.

Рядом с часами Анжея им овладевала жажда разрушения. О, с какой радостью он выломал бы маятник, расхаживающий за стеклом туда-сюда! Сломал бы руки-стрелки! Выдернул гирьки, расколотил хрупкий механизм, чтобы все эти пружинки, зубчики, колесики вывалились безжизненными внутренностями.

Нет. Ребячество. Как-нибудь в другой раз.

Он просунул руку за короб часов. Провел ладонью по их сухой деревянной спине. Нащупал рычаг и повернул.

Часы вздрогнули, словно собираясь шагнуть ему навстречу. Но вместо этого тяжело поплыли влево. И остановились, как льдина, уткнувшаяся в берег.

За ними открылся глухой прямоугольник лаза. Темнота казалась плотной, как дверь. Протяни руку – и упруешься в черный заслон. Но, приглядевшись, он сумел рассмотреть очертания первой ступеньки.

Вход узкий, неудобный. Но в прошлый раз он пролез туда, и не один, а с грузом. Сейчас все будет проще.

Человек не стал надевать перчатки. Если все получится, его никогда не найдут. Если нет... Тогда это все тем более не имеет значения.

С прошлого раза он помнил, что выключатель справа, на уровне бедра. Где же, где же... Ага!

С негромким щелчком в глубине тоннеля зажглась неяркая лампочка.

Темнота рассеялась по стенам. Человек боком протиснулся в проход и побежал вниз по лестнице.

Несколько месяцев назад ему показалось, что она длиннее в десять раз. Тогда он плохо соображал. Толик бесформенной грудой давил на плечи, голова его подскакивала на каждой ступеньке. Он чуть не сбросил его тело! Думал пинать его, как бочку, пока эта сволочь не докатится вниз, до самой двери, до своего последнего приюта.

Но вовремя опомнился. И дотащил мертвеца до конца лестницы, обливаясь потом.

Вот и дверь. Человек облизнул пересохшие губы и поймал себя на мысли, что хочет постучать. Тук-тук-тук! Здравствуй, Толик! Как ты поживаешь? Не холодно ли тебе, девица?

Человек нервно усмехнулся. И открыл дверь.

Внутренне он подготовился к тому, что за ней никого не окажется. Заранее настроился на самый плохой вариант, чтобы не свалиться от неожиданности с сердечным приступом там же, в узком проходе.

Но тело никуда не исчезло. Толик стоял с открытыми глазами и покачнулся, готовясь упасть, когда дверь распахнулась настежь.

Человек подхватил его, бормоча всякие ободрительные слова. Адресованы они были Толику, который умница, хороший парень, дождался его, голубчик, никуда не ушел, стоял на месте.

И вдруг услышал себя со стороны. Несколько секунд в его воспаленном мозгу пульсировала мысль: «я схожу с ума». Потом человек рассмеялся: нет, он нормальный. Нормальнее прочих! И умнее, и хитрее. Он совершил несколько ошибок, но сейчас они с Толей их исправят.

Он опустил тело на пол, сдернул пиджак. Вот чего он не сделал в прошлый раз! Рубашку, брюки – все проверил! Даже башмаки! Даже в носки залез, морщась от омерзения. Но про пиджак, отброшенный в сторону, забыл.

Человек обшарил карманы. В боковых пусто, а вот в нагрудном... Сердце сделало несколько ударов и остановилось.

Ключ! Не дыша, он опустил руку в кармашек и нащупал ключ, боясь поверить своему счастью. Но, вытатив и разжав ладонь, перевел дыхание.

Это он! Наконец-то! Нашел!

Человека, сидевшего на коленях возле трупа, окатила волна острого, обжигающего блаженства. Как будто все уже закончилось, как будто он сделал все, что хотел. Он победитель! Ему осталось совсем немного: найти Дверь.

Он догадывался, где она. Не зря он провел столько времени, изучая

этот дом. Дом хорошо хранил свои секреты, но ему удалось проникнуть в них. Да, она именно там! Это яснее с каждой минутой. Он пойдет напрямиком к ней и...

Человек вскочил, сжимая ключ в руке. Поднял труп и стал заталкивать обратно, но остановился. Зачем? Пусть валяется, падаль. Эконом это заслужил. Скоро тело найдут, но что с того? Его уже здесь не будет.

Человеку хотелось пуститься в пляс. Но он остановил себя. Сначала выбраться, вернуть все на место. А там уже можно будет расслабиться. Ключ, ключ у него в руках! Никому не отобрать!

Он поцеловал его. Ледяной металл обжег губы, и человек опомнился.

Вверх, скорее вверх по лестнице! В нем закипал невероятный подъем сил. Движения стали скупы и точны. Добежав до выхода, он, не глядя, махнул рукой, выключив свет. Нырнул в лаз, даже не думая о том, что проход маловат для него.

Ловкость и стремительность нарастали. И человек знал, что причина – не в нем самом. Он чувствовал просыпающиеся возможности, как дерево весной чувствует прилив соков. Вот оно, действие Ключа! Ему говорили, что такое может случиться. Если в твоих руках вещь, старая как мир, ты не останешься прежним. Теперь человек вспомнил, что о чем-то таком предупреждал и Ковальский. Вещи изменяют своих обладателей.

Он выбрался из лаза. Задвинул на место часы. И, стоя один в темной библиотеке, негромко рассмеялся.

Теперь можно смеяться. Теперь – можно.

Он выиграл.

Вспыхнула лампа с тремя рожками. Резкий свет мазнул по глазам, заставив его зажмуриться. Человек инстинктивно заслонился рукой и отшатнулся. Что это? Что?!

– Давид Романович, отдайте ключ, пожалуйста, – попросил знакомый мягкий голос.

– Только медленно, – добавил угрожающе второй. – Очень медленно.

Давид открыл глаза.

Их было трое.

В углу за книжным шкафом жалась экономка. Не мигая, смотрела на него, прижав ладонь к губам, словно боясь не удержать крик. Но в расширенных глазах он не увидел страха – только изумление.

Плохо. Ему нужен был страх.

Справа, в четырех шагах от него замер Сергей Бабкин. Кулаки сжаты, и весь он сжат, как пружина. Дай только сигнал, дернись в сторону – и не успеешь опомниться, как тебя сомнет этой глыбой, размажет по стене. Этот

будет действовать незамедлительно, без сомнений. Боец, сторожевой пес, натасканный на то, чтобы перегрызть глотку.

Но в лице Сергея не было ненависти.

Плохо. Давиду нужна была ненависть.

А прямо перед ним в непринужденной позе, засунув руки в карманы, стоял Макар Илюшин. Взъерошенный, ухмыляющийся и чертовски довольный собой. Не испытывающий ни злости, ни ярости – только удовлетворение от того, что они его поймали.

Плохо. Давиду пригодилась бы его ярость.

Он стоял между ними, щурясь от света, сжимая ключ в ладони. Металл жег кожу, словно его раскалили в печи.

– Один вопрос. Как вы узнали, что я буду здесь? – спросил он, не шевельнувшись.

– Когда мы нашли ход в подвал, все встало на свои места, – сказал Макар. – Я понял, зачем вы пытались прорваться в библиотеку. Но у меня были сомнения. Поэтому я объявил, что завтра Анжей привозит сюда архитектора. Вы испугались, что труп найдут раньше, чем вы до него доберетесь, и пришли сюда. Вот и все.

«Вот и все?!» Они перехитрили его! Загнали в ловушку!

С губ Давида сорвалось рычание. Он обвел их затравленным взглядом.

Они хотят забрать у него ключ! Сейчас, когда он так близок к цели! Ему остался всего один шаг, последнее усилие. Он столько преодолел! Прошел через надежду, страх, боль, отчаяние...

Не было ни одной минуты в последние месяцы, когда бы он не думал о ключе. Узнав о сообществе всего два года назад, он сразу стал адептом их веры. Как будто душу его, засохшую за эти годы, полили живительной влагой. Давид воспрял духом. Он не был христианином, потому что христианство ничего не давало ему. Смирение? Он жаждал действия, а не смирения! Награды в этой жизни, а не в загробной!

«Привратники» говорили: действуй. Они не обещали, что поиски непременно увенчаются успехом. Если бы пообещали, Давид никогда не примкнул бы к ним. Он был человек дела и знал, что такую гарантию могут дать лишь мошенники.

Но его честно предупредили: шансов мало. Почти нет. И тогда он поверил им.

Перед ним были одержимые, рвущиеся из этого никуда не годного мира в другой, совершенный. Люди, добившиеся многого по меркам своего общества. И готовые без сожалений отказаться от всего нажитого и достигнутого. Суровые, устремленные к единственной цели, знающие, что

им положена награда при этой жизни. Надо только найти выход, который годится не для всех.

Их не смущало, что сотни «привратников» ушли в небытие, не приблизившись к заветной Двери. Каждый из них мерил себя другими мерками. Знал, что он лучше и достойнее.

Давид поверил им. Он и сам был из таких.

Шансов почти нет? Плевать! То, что заставило бы другого отступить, его лишь подхлестнуло. Шансов нет для всех, кроме Давида Далиани. А он всегда добивается своего.

Он принял решение: за год передать бизнес в надежные руки и отойти от дел. Тогда можно будет спокойно заняться поисками.

Но судьба распорядилась иначе. В ловушку привратников почти попала добыча. Ключ был украден – и кем! Анжеем Ковальским! Человеком, который сам занимался ключами. Давид за много лет знакомства не смог разобраться в нем. Но теперь у него открылись глаза: Ковальский ищет то же, что и они.

«Это знак», – понял Давид. Разве может быть случайным такое совпадение? Сама судьба привела его когда-то к Анжею.

Значит, он добьется.

Несколько раз Давиду казалось, что все висит на волоске. А ведь поначалу ситуация складывалась идеально! Ему удалось пристроить Анатолия в дом Ковальского. Хитрый и жадный парень вытягивал из него деньги, но Давид платил. Он ждал, ждал, ждал... Пусть Толик вотрется в доверие, выяснит, где спрятан Ключ. А уж Дверь Давид отыщет сам, без его помощи.

И вот этот день наступил. Анатолий позвонил и сказал, что Анжей с водителем уехали. А Ключ у него.

Он отказался встретиться в городе и потребовал, чтобы Далиани приехал к нему. Тут-то Давиду и нужно было почуять неладное. Но он был ослеплен! В ушах его звучало лишь одно: Ключ найден, Ключ скоро окажется в его руках!

Он примчался быстрее, чем влюбленный летит на свидание, один, предвкушая триумф. Он знал, знал, что победит! Единственный из всех, достойный награды. Конечно, он не собирался вести всех «привратников» за собой. Ключ принадлежит ему одному.

Анатолия, кажется, насмешило его возбуждение. Но экономя притворился испуганным и признался: он не сказал всей правды. Ключ не у него, а в потайной комнате. Он следил за Ковальским и знает, как проникнуть в нее. Но сам не пойдет! Нет-нет, и не просите, Давид

Романович! Черт его знает, как Анжей охраняет свои сокровища! Шутки шутками, но он не желает умереть во цвете лет от проклятия Доктора.

«Показывай! – прорычал Давид. – Где?!»

Существование потайной комнаты его ничуть не удивило. Ковальский загадочен и жутковат, словно африканский шаман, а дома – как собаки: похожи на своих владельцев. Пару недель назад Анатолий сообщил Давиду, что случайно наткнулся на спуск в подвал, открывающийся за библиотечными часами. Давид тогда совсем потерял контроль: орал в трубку, брызгал слюной, требуя обыскать все сверху донизу.

Но Анатолий поклялся, что там ничего нет, кроме забитого мясом морозильника. «На случай атомной войны», – пошутил он. Давид готов был свернуть ему шею, как цыпленку. Он еще смел шутить! Глупая тварь...

Но экононом оказался не настолько глуп, раз смог обмануть бдительность хозяина. Он передал Давиду трость и показал, как попасть в комнатку за портретом. На их счастье, вторая дверь оказалась незаперта, и Давид проник в святая святых дома Ковальского.

И почти сразу убедился, что заветного ключа там нет. Нет! Давид разнес бы проклятую комнату, если бы там было, что разносить. Он метался, как зверь, вдоль стен, увешанных бесполезными для него железками. Десятки ключей – но нет единственного!

Пошатываясь, он вышел наружу. Прислонился к стене.

– Вам очень нужен этот ключ, правда, Давид Романович? – сочувственно сказал Анатолий.

Давид поднял на него глаза. Что-то было неправильное в интонации эконома... Как будто он не сочувствует Давиду, а совсем наоборот.

– Там его нет, – хрипло ответил он.

– А я знаю, – улыбнулся гладенький экононом.

Давид отлепился от стены.

– Знаешь? Зачем же ты...

– Спокойно, спокойно, Давид Романович! Тут ведь вот какое дело... В той комнате, где вы были, везде камеры. Запись идет постоянно. Ковальский, как вернется, первым делом ее просмотрит. Я не дурак под них лезть.

Он помолчал, ожидая реакции Давида.

– А я, значит, дурак... – Давид начал что-то понимать.

– Ключик у меня. Он вовсе не там был, это я вас обманул. Подстраховался, так сказать.

– У тебя? – повторил Давид.

– А как же. Я вам его продам. Только не за те смешные деньги,

которые вы мне все кидаете, как подачки собачонке. За нормальные.

– Нормальные – это сколько?

Анатолий сказал сколько.

– Спятил? – поинтересовался Давид.

– Я-то? Может, и спятил. Какая разница? Лучше быть психом со средствами, чем без них.

– Ты не псих, ты идиот. В самом деле думаешь, что я столько заплачу тебе?

Круглое лицо осветилось злорадной улыбкой.

– А не заплатите, Ковальский увидит запись с камер. Я ему расскажу, как вы обманом проникли в дом, связали меня и рыскали везде, искали какой-то ключ. Только я был начеку! Освободился и прогнал вас! После этого вам на пушечный выстрел не дадут подойти сюда.

– Шантажируешь, сволочь?

– Ругаться не надо, не надо. Я ведь с вами по-доброму. Ключик пока побудет у меня. Времени до вечера вам хватит? Могу до завтрашнего утра продлить. Если со мной по-хорошему, то и я так же.

Из всего сказанного Далиани услышал и осознал одно. Ключ у Анатолия.

– Дай ключ! – он шагнул к эконому. – Дай сюда!

Тот не испугался. Похоже, был уверен, что одолеет Давида, если дело дойдет до драки.

– Утром деньги, вечером ключик, – глумливо посулил Толя. – Классику читали, Давид Романович?

Он понял, какую совершил ошибку, лишь тогда, когда Давид бросился на него. Анатолий увидел в его глазах что-то такое, отчего завизжал и попытался убежать.

Убежать ему удалось только до конца галереи.

Давид плохо помнил, что было дальше. Память его сохранила лишь фрагментарные впечатления. Темное пятно на пиджаке эконома, сброшенном в драке. Лоснящееся лицо, обращенное в потолок. Вывернутая нога. Одинокий ботинок Анатолия, валяющийся в стороне.

Этот ботинок сказал Давиду то, о чем не говорило неподвижное тело.

Он бросился к эконому, лихорадочно обыскал его. Тряс его, вертел как куклу, кажется, что-то орал ему в лицо. Ключа не было. Анатолий его обманул.

Прозревший Давид ринулся в комнату ключей. Десять минут осмотра сказали ему то, что он уже понял: никаких камер здесь не было.

Давид застонал. Что делать? Бросить труп здесь? Но он оставил кучу

улик. Избавиться от тела? Будь сейчас лето, он вытащил бы его в лес и зарыл. А сейчас?! Следы на снегу выдадут его.

И тут он вспомнил. Подвал!

Давид схватил пиджак и надел на труп, чуть не сломав Анатолию руку, которая никак не хотела пролезать в рукав. Взвалил его на плечи, дотащил до библиотеки. Спустил вниз, обливаясь холодным потом, и закрыл в морозильнике.

Он плохо владел собой, но все же сообразил представить все так, как будто экономай вышел из дома. Вышел – и пропал! С людьми такое случается.

Его комнату Давид перевернул вверх дном, пытаясь найти ключ. Потом пришлось расставлять все по местам. Но ключа нигде не было.

В конце концов он ушел, постаравшись уничтожить свои следы. Уехал на дачу и несколько дней отлеживался, как медведь в берлоге. Много спал, много пил, ничего не ел. Думал, где он совершил ошибку? Куда мерзавец мог спрятать ключ?

На третий день вылез наружу, под слабое солнце. И с ужасающей отчетливостью вспомнил, что, обыскав Анатолия с ног до головы, совершенно забыл про пиджак.

Тот самый пиджак, который он потом натянул на него. Что, если Анатолий в этом не соврал? Значит, ключ все время был рядом: протяни руку и возьми.

Давид помчался к Анжею. Любым способом попасть в подвал! Любым, пока не стало поздно!

Но его не пустили. Ковальский открывал дом для клиентов раз в несколько месяцев, а остальное время жил затворником. Давид обезумел до такой степени, что чуть не отдал приказ своим людям из службы безопасности взять особняк штурмом. Но опомнился.

Заставил себя отступить.

Затаиться.

И ждать.

Рано или поздно наступит день, когда он сможет попасть туда.

Ключ снился ему ночами. И Дверь, за которой ждет другая жизнь, сыгранная набело. За Дверью он видел сыновей, похожих на него, и смеющуюся женщину с бесстыжими козьими глазами.

Когда Давид снова оказался в доме, он был холоден и бесстрастен, как змея. Ему предстоит спуститься в подвал, вытащить ключ из кармана экономай. Что может быть проще?

Но тут возникло новое препятствие. Василий! Проклятый пес,

преданно служащий Ковальскому, не спускал с Давида глаз. Куда бы ни направлялся Далиани, за ним следовала в отдалении огромная фигура.

И новая экономка путалась под ногами! О том, чтобы спуститься ночью в подвал, не могло быть и речи.

Можно было бы без затей пристрелить обоих. Не самому, конечно. Есть человек, годящийся для подобных поручений.

Но что станет делать Ковальский, если его помощников убьют? Выставит всех из дома, запретит изнутри на сто замков. Тогда Давиду точно не попасть в подвал!

Значит, нужно что-то другое. Не криминал. Несчастный случай.

Что ж, Давид продумал и это. Люди – простые существа, ими легко управлять. Давид все подготовил. Давид бросил за ужином камешек в воду: заговорил об артишоках. Круги разошлись так, как он и хотел. Ирма предсказуемо воодушевилась новой идеей. Глупая услужливая экономка так же предсказуемо загорелась желанием показать себя с лучшей стороны.

Далиани мог гордиться собой. Для того, чтобы отправить двух людей по маршруту, на котором их ждала смерть, ему хватило нескольких фраз.

Но вдруг, ни с того ни с сего, эти люди – будь они прокляты! – перестали вести себя предсказуемо.

Водитель должен был погибнуть в машине! Какая сила вселилась в него, позволила ему выбраться и вытащить девчонку?

Она должна была утонуть! Как, как сумела она доплыть до берега вместе с Василием, потерявшим сознание?!

Немыслимо!

К счастью, водитель все-таки оказался в больнице. Давид готов был вознести хвалу всем известным ему богам.

И вот – снова препятствие. Кто-то там, наверху, издевается над ним.

Или проверяет, насколько он упорен?

И как далеко готов зайти?

Давид улыбнулся краешком губ. Ему показалось или свет и впрямь вспыхнул ярче? Это для того, чтобы ему было удобнее.

– Не нужно, Давид Романович, – попросил Илюшин. – Вы же умный человек. Ключ ничем вам не поможет. Отдайте его и...

Что «и», никто не услышал.

Полина даже не уловила момент, когда Давид начал двигаться.

До этого она не сводила глаз с его лица, пытаясь понять, что в нем изменилось. Изменилось все. Как будто неизвестное ей существо забралось в оболочку Далиани, обосновалось там, расправилось, попробовало подвигать лицом, пошевелить губами... И довольно улыбнулось.

Это был не Давид Романович. Их пленник выглядел моложе Давида. Лицо порозовело, живот подобрался, натянулась кожа в уголках глаз. Верхняя губа вздернулась – то ли в в насмешке, то ли по-волчьи приоткрывая клыки.

Гостем Ковальского был усталый злой человек пятидесяти с лишним лет. А вот определить возраст их пленника Полина бы не смогла. Лицо его было лицом сорокалетнего мужчины. Но с этого лица смотрели черные глаза, неотличимые от глаз старика в синей мантии на портрете, которого так боялась Полина. Это были глаза очень древнего человека, ненавидящего весь мир. В них светилась лютая ярость.

Полину охватило ужасное предчувствие. Она хотела крикнуть Макару, чтобы он был осторожнее, чтобы он отошел подальше от этого существа. Но не успела.

Не дожидаясь окончания фразы Илюшина, Давид прыгнул. Не на Макара, а на Сергея Бабкина.

С нечеловеческим хрипом он повалил сыщика на пол и потянулся к его шее, клацнув зубами. От этого звука волосы у Полины встали дыбом. Сергей увернулся, но его настиг страшный удар в лицо. Давид бил стремительно, как атакующая кобра. Он опережал своего врага, не давая ему увернуться. Вцепившись в его голову, Давид с силой ударил ее несколько раз об пол, словно пытаясь расколоть орех.

Полина закричала. Оглушенный Сергей перестал двигаться.

Ладонь Далиани с крепко сомкнутыми пальцами взлетела вверх, и она поняла, что сейчас произойдет. Горло Сергея беззащитно выгнулось.

Давид обрушил ребро ладони на это незащищенное горло. Но за долю секунды до того, как его рука врезалась в шею Бабкина, на него налетел Илюшин.

Сцепившись в клубок, они покатались по полу. Давид извивался и шипел. Ему удалось отбросить Илюшина и вскочить. Рука скользнула в карман, а когда вынырнула, в ней сверкнул ключ.

Он зажал его между пальцами и выбросил кулак с оружием вперед. Удар пришелся в плечо противнику, и Макар отшатнулся, вскрикнув сквозь зубы. А Давид уже целился ему в лицо.

Бросок, еще один! Илюшин не мог противостоять этой бешеной атаке. Стремительно нападая, Давид оттеснил детектива в угол. Макар уже не пытался достать противника, он только защищался.

Удар ключом в висок он не смог остановить. Лишь выставить руку на его пути. Висок прострелила острая боль, в глазах все расплылось.

Давид видел, что для его врага все кончено. Он зарычал, на этот раз от

радости. Как вдруг сзади на него набросился кто-то маленький и легкий, как кошка, обхватил за шею и дернул на себя.

От неожиданности Давид потерял равновесие. Он пошатнулся, и это спасло Макару Илюшину жизнь – кулак с ключом, нацеленный ему в глаз, врезался в стену.

Давид ударил бы снова. Но зверек, висевший на его спине, вскарабкался вверх и вцепился зубами ему в ухо.

– А-а-а!

Он услышал свой собственный вопль и почувствовал, что по шее течет кровь. Слабые руки сомкнулись вокруг его горла, пытаясь задушить. Давид без труда расцепил их, вывернул и отбросил заверещавшую девчонку в сторону. Она ударилась о шкаф, и крик оборвался.

Все. Теперь точно все. Давид обвел взглядом троих, скорчившихся на полу. Красная пелена расстилалась перед глазами, но видел он отлично. Значит, все будет, как он решил. Эти, пытавшиеся его остановить, заслужили свою участь.

Полина с трудом подняла голову. Уши заполнил тяжелый гул, комната плыла и качалась. Человек, стоявший посреди комнаты, тоже качался. Кажется, он собирался начать с нее... Или с Илюшина... Нет, все-таки с нее.

Эта мысль не вызвала у нее ужаса. Она понимала, что он хочет сделать. Но нить страха, связывавшая ее по рукам и ногам, лопнула в тот момент, когда она прыгнула на Далиани, чтобы не дать убить Макара.

Сквозь гул до Полины донесся звон. Дон-н-н-н! Часы, ее любимые часы, пробили один раз.

Лицо убийцы исказилось и, обернувшись, он ударил сжатым кулаком в дверцу.

Полина закричала. Стекло треснуло и осыпалось вниз острыми льдинками. Циферблат хрустнул, и внутри умирающих часов что-то простонало.

Давид улыбнулся и сделал шаг к Полине.

Как же сильно все плывет у нее перед глазами. Стены, дверь, разбитые часы... Нет, только часы. Кажется, что они наклоняются к ней ближе, словно хотят попрощаться.

Полина вздрогнула и раскрыла глаза. Господи, что это? Ей не кажется! Часы наклоняются!

Поймав ее изумленный взгляд, Давид обернулся. Но было поздно: напольные часы обрушились на него.

Раздался такой грохот, словно дом разломился пополам. Из

открывшегося за часами проема выбрался человек, в несколько шагов оказался возле поверженного Давида и опустил кулак ему на голову. Давид дернулся и затих.

Человек поднял голову, посмотрел сначала на одного сыщика, потом на другого. И хорошо знакомым Полине голосом осведомился:

– Кто из вас, идиотов, запер дверь в библиотеку?

– Я! – пискнула Полина.

И всхлипнула.

Этого не могло быть. Просто не могло быть. Это все ей кажется, потому что у нее помутилось в голове от удара.

Человек подошел к ней, присел и ласково спросил:

– А зачем, чучело?

– Чтобы он не сбежал, – шмыгнула Полина. – И я не чучело!

Она осторожно протянула руку и дотронулась до разорванного уха: только чтобы убедиться, что он настоящий, ей не мерещится. Пальцы сами скользнули на лицо, пробежались по глазам, носу, губам. Полина ощупывала его, как слепая, глотая слезы.

– Васенька, ты живой!

– Зато вы полумертвые, – сказал Василий. – Ты цела? Что здесь вообще было?

– Побоище, – прохрипел сзади Бабкин.

Он поднялся, постанывая, сделал несколько шагов и чуть не упал на неподвижное тело Давида.

– Дайте кто-нибудь веревку. А лучше провод.

Макар подтащился к нему.

– Зарядка от телефона сойдет?

Когда Давида связали, Илюшин обернулся к Полине и, поморщившись от боли, сказал:

– Я обещал вам дать знать, когда все закончится. Так вот, сообщаю: все закончилось.

* * *

Но на этом закончилось далеко не все. Сначала прибежали Ирма с Анжеликой, проснувшиеся от криков и грохота. В библиотеку их не пустили. Затем появился Тарас Воловик, настаивающий на том, чтобы ему непременно рассказали правду.

– Давид Романович спятил и пытался убить троих человек, – объяснил

ему Василий. – А одного даже убил. Но давно. Труп у нас в подвале.

После этого правдивого изложения обстоятельств дела Тарас сглотнул и растворился в недрах дома.

Давид вскоре пришел в себя. И попытался броситься на Макара. Но рот у Далиани был заткнут, руки и ноги связаны, и он мог издавать только мычание и бешено вращать глазами. Его заперли в одной из дальних комнат и спустились в столовую.

Сестры Ахметовы ждали там, волнуясь и прислушиваясь к звукам, доносящимся сверху.

– Расскажите, что случилось!

– Господи, надо позвонить Анжею! Он же ничего не знает!

Макар молча посмотрел на Сергея Бабкина. Тот кивнул и вышел из комнаты.

Этот безмолвный диалог Полине очень не понравился.

– Куда это он? Макар?

– Терпение, Полина, – попросил Илюшин и дотронулся до виска. – Черт, у меня сотрясение.

– Как он вас ухитрился расшвырять? – спросил из кухни Василий и высунулся наружу. В руке он держал надкушенный бутерброд.

– Как котят, – признал Макар. – Видел я людей в состоянии аффекта... Но с таким сталкиваюсь первый раз.

– Дай бог, чтобы последний.

– Вы расскажете, что произошло, или мы так и будем сидеть здесь как две дуры?! – вспылила Анжелика.

Илюшин поднял на нее глаза. Под его взглядом женщина притихла.

– Макар, вы не правы, – вступилась за сестру Ирма. – Мы ведь действительно переживаем.

– Насчет вас я не сомневаюсь, – мягко сказал Илюшин. – Чуть-чуть терпения, пожалуйста. Я расскажу, что произошло, только нужно начать не с сегодняшнего дня, а немного раньше. И мне нужен помощник для этого повествования.

– Сергей? – уточнила Полина, которая тоже мало что понимала в происходящем.

– Нет. О, вот и он!

Две фигуры появились в дверях столовой. Сергей вошел внутрь. А за ним стоял...

Полина вскочила. Второй раз за день она не верила своим глазам.

– Анжей?!

– Анжей, Анжей, – подтвердил Макар.

Полина сделала несколько шагов и остановилась.

– Дорогой Анжей! – воскликнула Ирма. Но, уловив что-то, замолчала.

Ковальский выглядел уставшим и похудевшим. Полина впервые увидела его в джинсах и какой-то странной, почему-то знакомой клетчатой рубашке.

– Полина... – смущенно начал он.

Но она уже пришла в себя. Несколько фактов, не имевших объяснения, встали на свои места, и кое-что Полине стало ясно.

Она прищурилась и уперла руки в бока.

– Сердце, значит, подсказывает вам, что мы не увидимся больше. Прекрасная строчка, Анжей Михайлович! Я расплакалась над ней.

– Я действительно опасался, что так и случится! – попытался оправдаться Ковальский.

– Врите больше! – непочтительно перебила Полина. – Где вы прятались, признавайтесь! Тоже в каком-нибудь подвале? Я уверена, вы все это время были в доме!

– Не совсем в доме, – вмешался Илюшин.

Полина обернулась и испепелила его взглядом.

– Молчу-молчу, – согласился Макар.

– И вам не стыдно? – с укором сказала Полина Анжею. – Я из-за вас...

Она махнула рукой и отвернулась.

Ковальский подошел к ней.

– Очень стыдно! Простите меня, дорогая! Но у меня не было другого выхода.

Посмотрев на его виноватое огорченное лицо, Полина немного оттаяла.

– Зачем вы вообще сбежали? Испугались, что вас убьют из-за ключа?

– Боже мой, при чем здесь ключ? Я впервые услышал эту странную историю от Макара. Прежде я и понятия о ней не имел!

Полина окончательно перестала понимать, что происходит.

– Но тогда почему?.. Зачем?

– Я объясню.

Он отвернулся от Полины и громко спросил:

– Или, может быть, ты объяснишь?

Полина удивленно проследила за его взглядом. К кому он обращается? Там только Ирма с Анжеликой.

Ирма тоже недоуменно смотрела на Ковальского.

Анжелика сидела рядом с ней – помертвевшая, бледная, с искусанными губами. И молчала.

Ковальский поклонился ей.

– Здравствуй, Анжела.

– Здравствуй, Януш, – резко отозвалась женщина. – Приятно видеть тебя живым. Хотя и неожиданно. Надо полагать, новое имя ты взял в мою честь?

– Да. Чтобы оно постоянно напоминало мне о том, что случилось.

– Вы знакомы? – недоверчиво спросила Ирма.

– Были, – отрезала Анжелика, избегая смотреть на сестру. – Очень давно.

– Давно, – подтвердил Ковальский. – Еще до моей смерти.

Ирма зажмурилась и сжала кулаки.

– Господи, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?!

Объяснять пришлось Ковальскому. Анжелика отказалась участвовать в разговоре и даже попыталась уйти. Но путь ей преградил Сергей Бабкин.

– Мне кажется, вам лучше дослушать, – заметил он. – Это не займет много времени.

– Выпустите меня! – яростно крикнула Анжелика. – Вы не имеете права!

– Не имею, – согласился Бабкин. – Но и не выпущу. Сядьте и слушайте. Это ведь касается и вас тоже.

– Какое вам дело?!

– Почти никакого. Не считая того, что я ездил в Польшу и прошелся по вашим следам.

Анжелика отшатнулась, со страхом глядя на него.

А Ковальский рассказывал историю, которую Полина один раз уже слышала. В конце его рассказа из кухни появился молчаливый Василий, поставил перед ним стакан воды. Анжей благодарно кивнул, сделал несколько глотков и закончил:

– После этого я сменил имя и на много лет исчез из страны. Вот и все.

– Дорогая, это правда? – страдальчески спросила Ирма.

Анжелика молчала.

– Теперь вы понимаете, что я почувствовал, когда увидел вас с сестрой из окна кабинета? – спросил Ковальский. – Столько лет я жил в страхе, что эта женщина – простите, что я говорю так о ней в вашем присутствии – найдет меня и снова будет шантажировать. Я боялся ее, как боятся дьявола. В тот день вы уже подходили к дому, и я сделал первое, что пришло на ум: вышел из своей комнаты, прервав разговор, и спрятался. Так, что обнаружить меня было почти невозможно.

Илюшин отчетливо хмыкнул.

– Да, Макар, это удалось только вам. Никому другому, включая Полину, в голову не приходило...

– Давайте об этом потом, – попросил Макар.

– Нет, давайте сразу! – потребовала Полина. – Где вы скрывались?

– Я потом покажу вам, – пообещал Ковальский. – Мне в самом деле очень жаль. Я и так был напуган. Мне казалось, что вокруг меня сгущаются недобрые тучи. А при виде Анжелики потерял голову.

Ирма провела рукой по глазам, будто стряхивая плохой сон.

– Нет, подождите! – с силой сказала она. – Это все выдумка. Это неправда! Вы меня разыгрываете. Анжелика не могла... Милая, скажи им! Ты вообще никогда не была...

И осеклась.

– В Польше, – закончил за нее Ковальский. – Да, да! Теперь вы вспомнили? Она уезжала на год в Польшу, а потом вернулась. Сколько ей было тогда? Девятнадцать? Восемнадцать?

Ирма потрясенно взглянула на сестру. Та ответила ей вызывающим взглядом.

– Так это правда... – прошептала Ирма. – Анжелика!

Та поднялась. Полина вновь поразила ее красотой.

– Ты обвиняешь меня? – насмешливо спросила она. – В чем? В том, что я была молода и влюбилась в это ничтожество? Да, я не хотела отпускать его от себя. Я его любила! Тебе это должно быть знакомо, верно? Я хотела, чтобы он остался со мной.

Конечно, я никогда не стала бы доносить на него. Но должна сказать тебе одну важную вещь, дорогая моя Ирма. Всем вам! – она обвела взглядом Полину, Илюшина и Сергея. – Вы думаете, он говорит вам правду? Паршивый лжец! Он убил Роберта! Не случайно, а специально! Вы и представить не можете, как он ревновал меня! Как ограждал от других мужчин!

Она перевела дыхание.

– Правда в том, что мне нравился Роберт. Да, я флиртовала с ним! В этом моя вина, и я никогда себе этого не прощу! Но убил его – он. Он! Взгляните на него!

Анжей ссутулился и только молча покачивал головой в ответ на ее обвинения.

– Ты видишь, Ирма? Видишь? Он даже не отпирается! Он знает, что я не лгу!

Ковальский открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать. Но изо рта вылетал только жалкий хрип.

– Вот оно, лучшее признание! – В голосе Анжелики звучало торжество. – Смотрите все на него! Убийца!

Она подошла к сестре и взяла ее за руку.

– Пойдем отсюда! Я хочу забыть обо всем этом кошмаре. Ты думаешь, мне не снилось по ночам, как мой возлюбленный летит со скалы? Или как он заставляет меня обрывать труп Роберта?

Ковальский что-то прохрипел им вслед.

– Молчи, убийца! – выплюнула Анжелика. – Оставайся наедине со своей совестью!

В комнате повисла гнетущая тишина. И в этой тишине вдруг раздались отчетливые хлопки.

Все уставились на аплодирующего Макара Илюшина.

– Bravo! – воскликнул Макар. – Я восхищен! Вы использовали все шансы. Даже после того, как Сергей прямо сказал вам, что он все выяснил.

– Вы о чем? – спросила Ирма и остановилась.

– Не слушай их, умоляю! – попросила Анжелика. – Пойдем же! Хватит им поливать меня грязью! Я не знаю, какие еще факты они собрали об этой ужасной истории. И не хочу знать.

– Один факт! – поправил Макар. – Только один. Интересно то, что вам он известен, а вот Ковальскому – нет.

Анжей поднял голову. Глядя на его всклокоченные волосы, на посеревшее лицо, Полина почувствовала острую жалость.

– Уходим! – решительно сказала Анжелика и потащила Ирму за собой.

– Можешь выпустить ее, Серега, – великодушно позволил Макар. – Пусть идет.

– Нет, подожди! – Ирма остановилась. – Договаривайте, Макар! Какой факт?

– Господи, ну какая тебе разница?! – вскричала Анжелика. – Речь идет об убийстве! Ты понимаешь?! Об убийстве!

– Нет, – сказал Макар. – Самое смешное заключается в том, что речь не идет об убийстве. Никакого убийства не было. Это и есть тот самый факт.

Ковальский так изменился в лице, что Полина испугалась за его сердце. И только потом до нее дошло, что сказал Макар.

– Как это не было? – не поняла Ирма. – О чем вы говорите?

– Роберт Войтеховский жив и относительно здоров. Главное, он знать не знает, что его убили.

– Вот бы удивился! – поддакнул Бабкин.

– Роберт? – дрожащим голосом проговорил Ковальский.

Макар сжалился над ним.

– Здесь у каждого свой рассказ, – сказал он и запрыгнул на подоконник. – Когда я понял, что наша уважаемая экономка что-то от меня скрывает, а заодно узнал, где вы прячетесь, я отправился к вам и выколотил из вас эту историю. Вы рассказали мне о непреднамеренном убийстве. О разыгранном самоубийстве. И о том, почему вы удрали от сестры вашей клиентки. Но у меня есть привычка проверять факты. Поэтому я отправил Сергея по следам ваших былых подвигов.

Бабкин подошел ближе.

– В принципе все это можно было разузнать, не выезжая из Москвы, – грубовато сказал он. – Но мне хотелось посмотреть на живой труп. Я встретился с Робертом, мы немного поговорили. Он рассказал свою историю. О женщине, которая не давала ему прохода. О том, как он отверг ее ухаживания. О том, как стыдно ему было перед новым другом, но он ничего не мог ему рассказать. Ну и о том, как он крепко спал после вашей вечеринки, Анжей. А проснувшись, обнаружил, что вы уехали в неизвестном направлении и не оставили никаких контактов.

– Совместив эти две истории, получаем истинную картину, – сказал Макар. – В которой важное место занимает тот факт, что после вашей мнимой смерти Анжелика приезжала к Роберту. И некоторое время одолевала его звонками и встречами. В этом свете ее слова о том, что вы убийца, звучат несколько... м-м-м-м... неубедительно.

– Зачем?! – не выдержала Полина, глядя на Анжелику. – Зачем вам все это понадобилось?

– Затем, чтобы удержать при себе Анжею, разумеется, – ответил за нее Макар. – К тому же она хотела отомстить человеку, который ее отверг. Правда, Анжелика? Как бы ни повернулись события, вы оставались в выигрыше. Вы убедили Ковальского, что его друг умер, и держали этим на коротком поводке при себе. Вы бы и замуж за него вышли. Но вот с поводком вы перестарались. Так сильно натягивали, что Анжей порвал его и сбежал. Кстати, ту же ошибку вы поначалу допустили с Ирмой.

– Заткнись! – приказала Анжелика.

– Вы не можете существовать в одиночестве. Вам обязательно нужно за кого-то держаться. За того, кто много сильнее вас. Я назвал вас пиявкой, но это грубо. Вы – омела. Красивый куст, предпочитающий высокие здоровые деревья. Только настоящая омела – символ жизни, а вы – нет. Вы потихоньку высасываете жизнь из других. Из тех, у кого ее много.

– Хватит с меня этих оскорблений. Ирма, пойдем!

Анжелика дернула сестру за собой. Но та вырвала руку.

– Ирма! Ты что, поверила им?!

– Да, – сказала Ирма.

– Они врут! Посмотри на них!

Но женщина покачала головой.

– Я не смогу без тебя! – голос Анжелики дрогнул. – Как я буду... одна?

Полине, не сводившей с них глаз, на миг показалось, что художница сейчас сдастся.

Несколько секунд сестры смотрели друг на друга.

– Ты найдешь себе кого-нибудь другого, – твердо сказала Ирма.

Анжелика отвернулась и быстро вышла.

* * *

За окном в сумраке мелькнули фары такси. Бледный свет скользнул по стеклам.

Полина видела, прижавшись носом к стеклу, как по дорожке, обходя лужи, идут Анжелика и Тарас. Воловик подпрыгивал, гарцевал, как молодой пони, но все равно не удержался и напоследок оступился в лужу.

– Почему он уезжает? – вслух подумала Полина. – Он же ни при чем.

– Я его попросил, – подал голос Анжей.

Полина обернулась. Ковальский пил чай и жевал бутерброд, приготовленный заботливым Василием.

– Попросили?

– Макар рассказал мне о его желаниях. Не сочтите меня моралистом...

– Ни в коем случае! – вставил вредный Илюшин.

– Не сочтите меня моралистом, – невозмутимо повторил Ковальский, – но я не собираюсь потворствовать увеличению пакостей в этом мире. Их и так достаточно.

Полина оглядела столовую. Четверо мужчин сидели за столом с неприхотливой едой.

– А где Ирма? – спохватилась она.

– Убежала кому-то звонить, – отозвался Бабкин.

– В такое время?

– Может, у нее срочное дело.

Десять минут назад Сергей поднялся проверить, как себя чувствует их пленник. И услышал, проходя мимо комнаты художницы, ее разговор. Женщина то смеялась, то плакала, то снова смеялась.

Но об этом он не стал говорить Полине. Справедливо рассудив, что это

касается только Ирмы и того, кому она звонила в три часа ночи.

Из кухни выглянул Василий с подносом, полным бутербродов.

– Полина, помоги мне.

Она поспешно вскочила. Ей стало стыдно. Кто здесь экономка, в конце концов?

В кухне пахло свежей мятой. Василий колдовал над чайником.

– С Кларой Ивановной что-то случилось, – сказала Полина, собирая чашки. – Она вчера весь вечер плакала.

– Это она меня увидела, – буркнул Василий. – Я прятался-прятался, а потом не выдержал, пробрался сюда. Ну, она меня и застала. Пришлось раскрыться. Клара так обрадовалась, что мне даже неловко стало. Хорошая она.

Полина села, забыв про чашки. Так вот в чем было дело!

– Вы разговаривали! – сообразила она. – А когда вошла я, ты выскочил в окно!

– Ага. Я же не знал, кто идет.

«Вот почему была открыта створка! А я-то купилась на бред, который сочинила на ходу Клара Ивановна! Что-то про крыс, про то, что нужно проветривать комнату... Она плакала от радости, а не от горя!»

– От радости... – вслух сказала Полина. – Вася, почему ты мне ничего не сказал? Знаешь, сколько раз я звонила в больницу?

– Присоединяюсь к вопросу, – сказали сзади.

В дверях стоял Макар Илюшин.

– Ты сэкономил бы всем кучу нервов, если бы не шараялся по дому, как...

– Как чертов Рэмбо, – подсказал Василий.

– Как призрак прадедушки, – поправила Полина.

– Как уцелевший после мора таракан, – закончил Илюшин. – Что тебе мешало прийти ко мне со своими подозрениями?

– А я тебе не доверял. Ни тебе, ни Сергею.

«И мне тоже», – с обидой подумала Полина.

– А тебя просто боялся в это впутывать, – сказал ей Василий, словно прочитав ее мысли. – Я в этом доме знаю каждый угол. Мне было где спрятаться.

– Графин в кухне ты разбил?

– Я. Координация после аварии еще не очень.

Илюшин потер висок.

– Значит, это ты за всеми следил... Знал бы я раньше, я бы сто метров нервных волокон сэкономил. Где ты прятался, спрашивать бесполезно?

– Абсолютно. Может, мне эти укрытия еще пригодятся.
– Про труп в подвале ты знал?
– Понятия не имел. Я был уверен, что нас с Полиной пытались убить. Все гости в этот раз странно себя вели. Ну, я и решил понаблюдать незаметно за всеми, кто в доме. В том числе за тобой и Серегой. Мне казалось, дело идет к развязке.

– Так оно и было. Значит, из больницы ты удрал...
– Зачем удрал? Ушел как белый человек. Даже деньги оставил сестрам. Полина внезапно вышла из себя. Так вот почему с ней так разговаривали в больнице! А она выдумала бог знает что! Переживала! Хотела, как последняя идиотка, бежать босиком к нему в реанимацию!

Она вскочила и крикнула так, что зазвенела посуда в шкафу:
– Это чтобы медсестры ввали, да? Чтобы они всем озабоченным вроде меня говорили, что ты тяжелый и без изменений?

Голос у нее сорвался.
– А я, между прочим, думала, что ты почти умер! Я тебя чуть не оплакала! Ты нарочно это сделал, да?! Чтобы я тут... без тебя...

Она махнула рукой и опустилась на стул. В глазах противно защипало. Василий присел перед ней на корточки. Зеленые глаза оказались на уровне глаз Полины.

– Чучело ты, – с насмешливой нежностью сказал он.
Одной огромной лапой взял девушку за руку – рука исчезла в его ладони. Другой очень бережно провел по ее лицу, стирая слезы.

Краем глаза Полина увидела, что Макар растворился за дверью.
А потом большие руки подняли ее легко, как перышко, и поставили на стул. Теперь Полина оказалась выше. Но ненамного. Как раз настолько, чтобы ей было удобно наклониться и прижаться губами к теплым губам.

Когда он отпустил ее, губы жгло, как будто опалило пламенем. Василий смотрел на нее снизу вверх. Он не улыбался, но глаза его улыбались.

Первый раз Полина увидела эту обращенную к ней улыбку.
Василий уткнулся в ее ладонь, подышал на пальцы, словно отогревая замерзшую птицу. Снова запрокинул голову таким беззащитным движением, которого невозможно было ожидать от него прежде.

– Прости меня, пожалуйста, – сказал он. – Я хотел тебе сказать, но не мог.

Она провела пальцем по его жесткой щеке. Ее переполняли слова, рвались наружу, и каждое слово было признанием.

Вместо этого Полина вслух сказала:

– Мы с тобой теперь всегда будем со стула целоваться, да?

Он свел брови, будто всерьез задумавшись.

– У меня в гараже есть складная табуреточка. Ты будешь хорошо на ней смотреться.

– А за оранжереей есть ямка. Если тебя поставить туда, ты станешь ростом как все нормальные люди.

Теперь улыбка пробежала и по его губам. Он задержал ее руку на своем лице.

– Я не говорил тебе, что ты очень красивая?

– Я похожа на перезревшего Купидона, – вспомнила Полина.

– Ты похожа на ангела, – сказал Василий. – Ты сияешь. Сияешь, ясно? Я, когда тебя увидел первый раз, едва не ослеп.

– Скажи еще раз, – попросила она.

– Что?

– Про ангела.

И он еще раз сказал ей про ангела. И еще раз, и еще. До тех пор, пока, осторожно постучавшись, в кухню не заглянул Бабкин и умоляющим голосом не попросил отдать им чайник.

Когда Полина вышла с чашками из кухни, от бутербродов не осталось и следа. Она услышала обрывок фразы Анжея:

– ...опасаюсь. Что, если они не смогут доказать его причастность к убийству?

Сергей Бабкин пожал плечами.

– А что вы предлагаете? Не отпускать же идиота. Пусть этим занимается следствие, мы свое дело сделали.

– Да-да, вы правы. Знаете, я должен был сразу сказать: спасибо вам. Спасибо за то, что вы не уехали, когда я исчез.

Сергей явно смутился.

– Да бросьте, – пробормотал он.

Зато Илюшин принял благодарность как должное.

– Пожалуйста. Кстати, за это вы должны поблагодарить и Полину. Она не стала скрывать, что вы пропали, хотя могла бы.

Ковальский хотел ответить, но девушка перебила его. Она вспомнила, что кое-что осталось невыясненным.

– Анжей, вы не сказали, где прятались. Почему я вас ни разу не видела?

По бледным щекам Ковальского расплылся румянец. Полина прежде и не догадывалась, что Доктор умеет краснеть.

– Вообще-то видели, – усмехнулся Макар. – Практически постоянно.

– В каком смысле?

Ковальский вздохнул и признался:

– В самом что ни на есть прямом. В оранжерее.

Полина озадаченно склонила голову набок. Они шутят?

И вдруг пелена спала с ее глаз. Она наклонилась над столом, забыв о приличиях, не отрывая взгляда от смущенного лица Доктора. Воображение и память включились разом. Если представить на его голове шапку черных кудрей... Если увеличить нос до карикатурных размеров... Спрятать в перчатки аристократичные худые руки и надеть вместо пиджака клетчатую рубашку... Которая, собственно, уже на Ковальском... То получится...

– О господи, – сказала Полина.

И бухнула чашку на стол. Чашка жалобно звякнула.

Полина схватилась за лоб, чувствуя, что из ее многострадальной головы вот-вот полезут опилки.

– Вы – садовник? Вы – садовник!!!

На ее крик из кухни выскочил Василий.

– Все нормально, – успокоил его Макар. – Полина только что выяснила, что наш уважаемый Доктор и не менее уважаемый Армен – одно и то же лицо.

Полина обернулась к водителю.

– Ты знал?!

Василий пробормотал «гхм» и счел за лучшее скрыться в кухне.

– Что, все знали? – с отчаянием спросила она. – Одна я, идиотка, искала вас с фонариком по шкафам?

– Никто не знал, – сказал Ковальский и вздохнул. – В этом-то и состояла вся прелесть. Ах, как удобно! Я мог наблюдать за домом, не будучи обнаруженным. Я все время был на виду, но никто не понимал этого. Пару раз я даже осмелился зайти в кухню.

– Почему вы не признались мне?

– Я боялся. Макар понял все правильно: мне было очень страшно. Я не мог объяснить себе, что происходит. Сейчас понятно, что мой страх имел под собой все основания. Рядом находился Давид, и я чувствовал опасность. Но тогда я не знал, в ком причина.

– Вы подозревали и меня тоже... – протянула Полина.

– Сказать точнее, не исключал, что вы тоже в чем-то замешаны. Будь дома Василий, я приказал бы ему разогнать всех гостей, включая Анжелику. Но Василий лежал в больнице, а вам я не осмеливался довериться. Оставалось только наблюдать. Я ждал, когда вернется Вася. Мне было очень жаль вас, поверьте!

– Я миллион раз видела вас! – ошеломленно сказала Полина. – И мне ни разу не пришло в голову, что вы – это вы! Макар, как вы догадались?

– Я не догадался, а увидел.

Бабкин хмыкнул:

– Еще бы! С фотографической-то памятью!

– С неплохой, – не стал скромничать Илюшин. – Видите ли, Полина, большинство людей, как ни странно, редко разглядывают лица тех, с кем имеют дело. Они ориентируются на мимику, жесты. Возьмите любого известного вам человека, наденьте на него лохматый парик, нацепите качественный муляж вместо носа. Кстати, Анжей, он силиконовый?

– Латексный.

– Пусть латексный. Заставьте его размахивать руками, изменить тембр голоса, осанку. И если у этого человека нет выдающихся черт, прочие знакомые его не узнают. Я понял, что садовник – это Анжей, в первые пять минут разговора с ним. Потом вернулся и выяснил, почему он прячется. Доктор может подтвердить: он еле согласился рассказать мне эту историю.

– Вы были крайне настойчивы!

– Я отправил Сергея в Польшу, а сам остался здесь. Теперь мне стало ясно, что у нас не одно дело, а два. Переплетенные вместе. Ситуацию сильно запутало то, что перед своим побегом вы, Анжей, зачем-то унесли ключ.

– Что значит «зачем-то»? Я к нему привык. Эта вещь мне дорога.

– У меня сейчас голова лопнет, – сказала Полина и села. – Это вы взяли ключ? А мы-то думали, что его украли.

– Конечно, это он его взял, – подтвердил Илюшин. – Затем по его следам в комнату ключей пришли мы, обнаружили пропажу и сделали вывод: «привратник» уже побывал здесь и унес ключ. Заодно убил Доктора, тело спрятал и теперь ищет Дверь.

Бабкин фыркнул, но промолчал.

– Я находился в плену этой ошибочной версии до тех пор, пока не увидел Анжея, живого и здорового, но с изрядно выросшим носом. Стало ясно, что он прячется от всех, включая собственную экономку.

– Меня все-таки можно было бы и не подозревать, – обиженно пробормотала Полина.

– После рассказа Доктора стало ясно, что его побег не связан с появлением охотника за Ключом. Анжей испугался своей бывшей соучастницы в убийстве. Но «привратник»-то существовал! Я был уверен, что и эконом исчез не просто так, и вашу машину намеренно столкнули в реку. Если расспросить Давида, думаю, он расскажет о том, как подготовил

покушение. Ничего сложного в нем не было. У вас всего два маршрута для поездок на рынок. Тому, кто угнал КАМАЗ, нужно было лишь дожидаться вас у моста.

Ковальский с сомнением покачал головой:

– Не уверен, что Давид что-нибудь расскажет.

– Скорее всего, вы правы. Но восстановить ход событий мы можем и без него. Для удобства я объявил себя вашим помощником и провел краткий сеанс психотерапии шиворот-навыворот.

– Я так и не поняла, зачем вы это сделали.

– Все просто. Передо мной были три человека, каждый из которых пришел к Анжею с серьезной проблемой. Три разных характера. Я попытался разобраться: кто из них настолько заиклен на своих желаниях, что пойдет на убийство? Тогда я еще не знал о смерти эконома, но чувствовал, что живым его не найти.

Каждый из троих был откровенен со мной. И вот что в результате я увидел. Первый человек скорее отказался бы от цели, чем пошел к ней через препятствия. Это подтверждалось всей его жизнью. Второй оказался патологическим завистником, а, главное – трусом. Он не смог бы убить ради достижения цели (хотя у меня еще оставались сомнения на его счет). А третий сказал, что пожертвовал бы тремя детьми ради того, чтобы четвертый был таким, каким он хочет его видеть.

Ковальский сник:

– Давид...

– Да. Я и раньше подозревал его, потому что именно Давид привел вам эконома. Только он мог проникнуть в дом в ваше отсутствие – единственный из троих! Анатолий впустил бы его, ведь они были знакомы. Но после разговора с ним у меня вообще не осталось сомнений. Этот человек болен. Если не психически, то душевно.

Полина подумала, сопоставила время.

– А потом, значит, появилась я?

– Да. Очень вовремя: от меня как раз ушел Давид. И тут вылезаете вы из стены с таким лицом, будто сами убили и эконома, и Доктора, и вот-вот убьете меня.

– Бр-р-р, как вспомню этот труп...

– А ведь он нам очень помог! До меня сразу дошло, зачем Давид ломится в библиотеку. Второй выход он либо не заметил, либо знал, что шкаф закрыт и ему туда не попасть.

– Шкаф! – вспомнила Полина. – Анжей, скажите, вы нарочно дали мне подходящий ключ?

– Случайно, – проворчал Ковальский. – У меня есть второй ключ, а где-то в ящиках валяются еще два или три. Я иногда пользовался этим переходом, чтобы попасть из библиотеки в кабинет. Но вниз не спускался ни разу за последний год. Если хотите знать, здесь есть полноценный подвал, а не эта жалкая каморка.

– Зачем вы ее вообще спроектировали? – поинтересовался Бабкин.

– Сперва думал сделать там еще одну обманную комнату. Но потом отказался от этой идеи. Василий превратил ее в морозильник, и я благополучно забыл про это.

– Давид, конечно, сидел как на иголках. Он же не знал, что вы не пользуетесь подвалом.

– Как ты догадался, что он полезет туда за ключом? – с любопытством спросил Сергей.

– У меня имелось три объяснения, почему ему так нужно попасть вниз. Сперва я решил, что он хочет уничтожить какие-то улики. Потом предположил, что он попробует вынести тело, чтобы спрятать в лесу. И только потом мне пришла в голову мысль, что Давид убил эконома, но не обыскал его. Возможно, его спугнули. Но он считал, что ключ у Анатолия. Тогда я взял ключ у Доктора и сунул в пиджак покойнику. Все, что было дальше, вы знаете.

– Блестяще! – восхитился Анжей. – Вы просто невероятны!

– Да, – сокрушенно согласился Макар. – Мы просто невероятные идиоты.

– Почему?!

– Потому что самое плохое, что можно сделать – это недооценить противника. Я повел себя как форменный баран, когда решил схватить его.

Бабкин подпер подбородок ладонью и мечтательно произнес:

– Надо было сразу тюкнуть его по тыкве ломиком. Так ведь нет: развели церемонии. Положил бы он нас там всех. Мы-то ладно, заслужили своей глупостью. А вот Полину было бы жалко.

– Нет, – возразила Полина, – меня тоже не жалко. Я закрыла библиотеку изнутри. Боялась, что Давид вздумает сбежать, а вы его не удержите.

– Фестиваль идиотов, – констатировал Илюшин. – Василий, бедный, слыша наши крики, метался снаружи. В конце концов он выбил дверь кабинета, разломал шкаф и, к счастью, решил не тратить времени на то, чтобы отодвинуть часы. Он их просто опрокинул. По счастливой случайности – на голову нашему безумному другу.

– Памятник поставить Василию! – Бабкин нервно отпил остывший

чай. – Клянусь, я впервые видел такую скорость реакций. Анжей, вы не знаете, Давид занимался какими-нибудь единоборствами?

– Никогда от него об этом не слышал.

– Тогда вдвойне странно. Мне его взгляд будет сниться ночами.

– Котлеты тебе будут сниться ночами, – насмешливо сказал Илюшин. – И борщ Клары Ивановны.

Бабкин замахнулся на него ложкой, но Макар увернулся.

– Что ж... – задумчиво сказал Анжей, – теперь, кажется, все понятно.

Бабкин встал и с хрустом размял пальцы.

– Пора бы вызвать милицию, Анжей. Если только вы не хотите остаться с трупом в подвале и связанным Давидом.

– Не худший вариант... – пробормотал Ковальский. – Как представлю, что здесь начнется с приездом ваших бывших коллег! Все будет вверх дном.

– Подождите, подождите! – не выдержала Полина. – Вам, может, все понятно, а мне нет. Например, почему у вас, Макар, свитер был сухой? Вы ведь были в оранжерее?

– Был. Анжей?

Илюшин вопросительно взглянул на Ковальского. Доктор подумал и кивнул.

– Что? – напряглась Полина. – Это что сейчас было такое?

– Разрешение, – непонятно ответил Макар. И без перехода добавил: – Из дома в оранжерею ведет подземный ход. Зеленая дверь с птицами на первом этаже. А в оранжерее он замаскирован под ящиком с рассадой. Куда вас не пускали, помните?

И, глядя на вытянувшееся лицо Полины, участливо спросил:

– Может, нашатыря?

* * *

– Подвалы, – сердито бормотала Полина, перетаскивая в кухню чашки, – подземные ходы! Потайные лестницы! Нет бы посудомойку купить на двенадцать комплектов, а не на девять. Не влезает же ничего. Тьфу!

Она вытерла пот со лба и поставила последнюю чашку в раковину. Все равно не поместится...

Оперативная группа уехала двадцать минут назад. Чуть раньше увезли тело эконома.

Ковальский до последнего не хотел обращаться в милицию. Но циничный Макар в ответ на его осторожный вопрос, что можно сделать с телом, предложил замуровать Анатолия в стену дома. А Бабкин тут же посоветовал рядом с ним заложить кирпичами и Давида Романовича. И даже обещал свою помощь в этом деле. «Можно его и не убивать, – пробасил он. – Я бы даже настаивал на этом».

Анжей спал с лица и безропотно согласился с тем, что милиция – меньшее из зол.

Илюшин уточнил, уверен ли в этом Доктор. «Труп в стене придает любому дому старинное очарование», – заверил он. Разве не это требуется Анжею?

Ковальский попросил не издеваться над ним. И отправился звонить в милицию.

Полина не видела, как увозили Давида Романовича. Но Василий сказал ей, что тот не проронил ни одного слова. «И глаза у него были сонные», – добавил Вася.

Полина зевнула. Как же хочется спать...

Уже несколько часов как рассвело. Дождь наконец-то успокоился. Выжатое досуха небо стало нежно-серым, как утиный пух. То тут, то там из пуха пробивались белые перышки облаков.

– Вы устали, бедная моя девочка, – сочувственно сказал за ее спиной Анжей. – Боже мой, бросьте немедленно эту посуду! Идите спать!

Но при виде Доктора сонливость слетела с Полины.

– Только после того, как вы мне кое-что объясните!

Ковальский покорно развел руками.

– Разве я могу вам отказать? Вы столько для меня сделали.

У Полины хватало вопросов.

– Зачем? Зачем эти игры с переодеванием? Для кого вы притворялись, когда здесь никого не было, кроме нас с Васей? Неужели для меня?

Анжей воздел руки к небу:

– Ах, нет же! Нельзя сказать, что я делаю это для кого-то! Но поймите же, дитя мое: я фокусник, артист! Мне постоянно требуется элемент игры, морока. В том числе и тогда, когда притворяться не перед кем. Это витамин, оживляющий мою душу. Я испытываю удовольствие, перевоплощаясь в добросовестного Садовника. Клянусь вам, даже если бы я жил один, я бы все равно по утрам пробирался в оранжерею и надевал парик Армена.

Он подумал и добавил:

– Это дает возможность прожить кусочки из разных жизней.

– Тут с одной бы разобраться, – пробормотала Полина.

– Вы правы. Но из своей одной я сделал то, что хотел. Для всех я Доктор. Человек с необычными способностями. И эта роль мне по душе. Она больше всего отражает меня самого.

– Что значит «роль»? – не поняла Полина. – Вы так говорите, как будто это неправда. Вы действительно человек с необычными способностями!

– Нет, – сказал Анжей.

Полина решила, что ослышалась.

– Что вы сказали?

– Я сказал «нет». Пусть я давно стал не Янушем, а Анжеем. Но превратить ключи в лекарство мне не по силу.

Он посмотрел на ее лицо и печально улыбнулся:

– А вы действительно думали, милая девочка, что можно дать человеку ключ, и он откроет им дверь, через которую можно уйти от трудностей? Это иллюзия, моя дорогая. Благотворный обман.

Полину словно стукнули по голове. Она часточасто заморгала и облокотилась на раковину.

– Вам плохо? – встревожился Анжей. – Открыть окно?

– Не надо, – выдавила Полина.

Ковальский все-таки распахнул створку. В комнату ворвалась утренняя прохлада.

– Я вас расстроил, – огорчился он. – Честное слово, я надеялся, что вы подозреваете истину. Вы же умница, дорогая моя. Хоть и чрезмерно доверчивы.

Разрозненные факты в Полининой голове сложились в единую картину. Театральность Ковальского, его пристрастие к трюкам. Его нарочитые манеры графа Дракулы на отдыхе. Дом, призванный поддерживать впечатление, что его владелец умеет проходить сквозь стены. Шевелящиеся драконьи головы, картины, оказывающиеся дверями, двери, замаскированные под шкафы... Часы, за которыми обнаруживаются потайные ходы! Это дом иллюзий: качественных, прекрасно выполненных иллюзий. Она обманулась, как и все остальные.

А ведь Ковальский сказал ей обо всем прямым текстом! Тогда, когда они вышли из комнаты ключей! *«Большинство из моих клиентов объединяет способность поверить в чудо. Но иногда этой вере нужно дать толчок. Произвести на клиента впечатление, соответствующее его ожиданиям. Для моих пациентов очень важен антураж, декорация...».*

Декорация!

Боже, какой она была тупицей! А Ковальский, по его выражению,

надеялся, что она подозревает истину.

– Истину?! – выдохнула Полина. – Какую истину? Что вы шарлатан? Он ничуть не обиделся. Даже рассмеялся:

– Я волшебник! Считайте меня фокусником, владеющим бытовой магией. Да, большая часть трюков – это техника и ловкость рук. Но есть и то, что необъяснимо. То, что не может повторить никто! Поверьте, у меня есть дар, и я знаю, как его использовать.

– Вы меня обманывали все это время! Вы всех обманывали! Глаза Ковальского загорелись.

– Да, черт возьми, да! – воскликнул он. – Но почему я это делал? Да потому, что люди ленивы! Они не хотят искать дверей, они лишь хотят, чтобы их привели к дверям и распахнули их пошире. Они желают, чтобы за них сделали всю работу. Но дай человеку ключ – и он сам найдет выход! Его воображение получит подсказку, его дремлющий ум почувствует толчок.

В комнату ворвался ветер, хлопнул створкой окна.

Ни Полина, ни Анжей не услышали его. Они стояли друг напротив друга – одна бледная, другой раскрасневшийся.

– Но я сейчас все-таки сказал неправду. Разве я обманываю их? Ничего подобного. Я лишь обращаюсь напрямую к их же собственным мозгам. Я говорю: «Эй, послушай, ты можешь решить эту задачу, я точно знаю». И это действует! Они начинают искать – и находят! Ни один человек из тех, что приходили ко мне за эти годы, не вернулся обиженным. Ты слышишь меня, девочка, – ни один! Никто не сказал: ты дал мне не тот ключ, ты не сделал того, что обещал. Каждый получил то, что хотел – ты можешь себе такое представить?

Ковальский гордо вскинул голову. В эту секунду он был величественен, как император.

– Да, я развлекался, пугал, дразнил – но я же и помогал им. Единственный из всех: психологов, друзей, врачей – шарлатанов от медицины и дружбы, ибо дружба есть величайшее шарлатанство – единственный из всех я добивался успеха. Ты упрекаешь меня в том, что я помогал этим несчастным людям, загнавшим себя в ловушку? Надеюсь, ты не настолько жестока.

Вспомни себя! Я дал тебе ключ, даже не говоря, для чего он предназначен! И твоя душа начала работу. Она примеряла ключ к тем дверям, которые могла открыть сама. Не знаю, открыла ли, но уверен, что тебе стало легче. Ответь мне!

Полина вспомнила, как первый раз подула в ключ. Двор, горячий

асфальт, ребенок на качелях... На нее тогда словно повеяло теплым дыханием из детства.

– Да, – сказала она. – Стало легче.

– Вот видишь! Я говорю своим пациентам, что выход есть всегда. И они находят его. Даже если до этого были уверены, что вокруг глухие стены.

Он замолчал и вытер пот со лба.

– Отойдите от окна, вас продует, – недовольно сказала Полина. – Шарлатан вы или нет, но лечить вас придется мне. Скажите вот что: тогда, в тайной комнате, вы угадывали, в какой руке я держу ключ! Это тоже был фокус?

– Никаких фокусов, – обиделся Анжей. – Я действительно могу это видеть. И слышать. Ключи поют!

Он опустил на стул.

– Но я не думаю, что моя способность уникальна. Кто-то может слышать ключи, кто-то – деревья. Я лишь выжал из нее все, что можно.

Он помолчал, потом грустно спросил:

– Вы все еще сердитесь на меня? Не можете простить мне мистификацию? Мой маленький обман?

«Обман ли это, если Анжей слышит свои ключи...»

– Не сержусь, – чистосердечно сказала Полина. – И закройте вы окно, ради бога!

– Ничего, – сказал Анжей и улыбнулся, – ветер теплый. Идите, Полина, отдыхайте.

Она по привычке придирчиво осмотрела кухню. Все в порядке, можно уходить.

Но на пороге задержалась, обернулась к Доктору.

– Анжей, а вы верите в Зеленую Дверь? Макар ведь рассказал вам эту легенду, с которой все началось.

Ковальский покачал головой.

– Нет, дитя мое. Я верю в то, что есть много зеленых дверей вокруг нас. Только мы их не видим или не хотим видеть. Все дороги в другую жизнь начинаются на том месте, где ты стоишь. Жаль, что Давид не понял этого.

– Что вы будете делать с ключом? Вернете «привратникам»?

– Верну. Но не тот, который украл у них. Его копию. На этот раз никто не отличит его от оригинала.

– А настоящий? Останется в вашей коллекции?

– Останется у того, кто вытащил меня из этой нехорошей истории. Я

подарил его Макару Илюшину на память. Не рискну предположить, что он почувствовал, принимая мой подарок. Но, кажется, ему было приятно.

Полина кивнула. Да, это правильно. Ключ и Макар как-то вязались друг с другом.

Она уже вышла, но, вспомнив кое-что, с полпути вернулась.

– Я тоже хотела сказать вам, Анжей. Помните, вы говорили мне, что отсутствие родительской любви нельзя возместить? Вы, кажется, выразились так: «Эту жажду не утолить ничем».

Ковальский нахмурился.

– Я теперь знаю, что это не так, – с глубокой убежденностью сказала Полина. – Все возмещается. Для этого даже не нужно, чтобы тебя очень сильно любили. Достаточно любить самому.

Она посмотрела куда-то мимо Анжея. По губам скользнула улыбка, и лицо ее осветилось.

– Человек подпитывается *своей* любовью. Она вылечивает все эти дыры в душе. Понимаете, Анжей? Своя, а не чужая. Это так же верно, как то, что ваши ключи поют.

Эпилог

Макар проснулся сразу, как будто его толкнули. Поднял голову, потер глаза. Он сам не заметил, как уснул за столом в своей комнате, сжимая ключ, который вручил Ковальский.

Впрочем, неудивительно: они не сомкнули глаз всю ночь. Бабкин, наверное, тоже храпит у себя.

Сколько же времени он проспал? Макар поискал взглядом часы, но не нашел. А лезть за телефоном в куртку было лень.

Небо так и не прояснилось. Но от облаков исходило слабое жемчужное свечение. Воздух дрожал и слоился, кроны деревьев расплылись, словно размытые водой. Все вокруг стало акварельным, невесомым и каким-то нездешним. Как будто природа после дождя сделала глубокий вдох, готовясь в один миг перешагнуть из весны в окончательное лето, и замерла на мгновение.

Вскоре Илюшин уже стоял под липой. В саду никого не было.

– Сонное царство...

Он обошел лужи и вышел к оранжерее. Из открытых окон на него обрушилась симфония запахов. Розы благоухали страстно, тихо, нежно, пылко... Аккорд за аккордом, волна за волной обдавали Макара, и он подставил лицо этим невидимым потокам.

Неудивительно, что экономка не хочет уезжать отсюда. Особенное место, что ни говори. Как рассказывала Полина? Здесь кто-то жил много лет... То ли отшельник, то ли травник. Лекарь, вот кто! Жил в избушке, вход в которую был оплетен девичьим виноградом.

Ерунда, конечно. Какой виноград в наших широтах? Замерзло бы все зимой. Странно, что жимолость у Ковальского не вымерзает. Макар специально расспросил его и получил ответ: все растет с того момента, как Анжей построил этот дом. И ни разу, даже в самые лютые морозы, нежный вьющийся цветок не погиб.

Ему снова во всех деталях припомнился рассказ Полины. Ковальский купил участок, где на протяжении многих лет жил полусумасшедший врач, и на месте его старой избушки поставил оранжерею. А до врача был лекарь. А до лекаря наверняка еще какой-нибудь знахарь, к которому бегали тайком крестьянки со всех окрестных деревень.

Похоже, этой земле по нраву чудаки-врачеватели. Она их притягивает.

Макар дотронулся до теплого стекла. Изнутри по нему распластались

темные блестящие листья.

Он обошел оранжерею снаружи, разглядывая фейерверки цветов. Ни о чем не думая, просто следуя неясному побуждению. Потом в нем проснулись обрывочные мысли.

Он подумал о Давиде Далиани и о десятках других, похожих на него, ожесточенно рыскающих по свету в поисках своей Двери. Подумал о старике, сидящем в своем замке в Венгрии, словно паук. Вспомнил собственные слова о том, что человек, совершивший убийство, не сможет выйти в Зеленую Дверь.

Смешно, конечно. Макар вспомнил, что в тот миг почти поверил в ее существование. Просто так, без всяких оснований. Если есть основания верить, вера превращается в знание.

Как они искали ее, эти несчастные? Проверяли, подходит ли ключ ко всем дверям, выкрашенным зеленой краской? Ковальский, несмотря на весь свой скептицизм, первым делом приложил ключ к замочным скважинам каждой двери в своем доме, не обращая внимания на цвет.

Макар откуда-то знал, что ключ не подойдет. Так и случилось.

Теперь Илюшин остановился, вытащил его из кармана и положил на ладонь.

Ключ как ключ. Здоровенный и тяжелый. Темно-зеленый, словно выточенный из нефрита. От него странное ощущение: покалывает в кончиках пальцев. Зачем он ему? Разве что шутки ради найти Зеленую Дверь.

Что ж, это было бы оригинальное завершение детективной карьеры. Жаль только, в этом случае о его лучшем расследовании никто бы не узнал.

Хочешь сказать, ты вышел бы в Зеленую Дверь?

Почему нет? Это было бы... любопытно.

Макар неторопливо двинулся вдоль оранжереи, покачивая увесистый ключ в ладони. Если бы он вздумал искать Зеленую Дверь, то исключил бы все дома. Квартиры, дворцы, замки – все не то. Эта Дверь должна чем-то отличаться от обычных. Из чего она может быть сделана? Из зеленого камня? Из бумаги? Из стекла? Нет, нет. Какое еще стекло...

Что говорилось в легенде? «За Зеленой Дверью ему открылся бы прекрасный сад, где каждый счастлив».

Прекрасный сад.

Несомненно, джинн должен был творить из разного материала. Белая – конечно же, каменная. Красная – из глины. А Зеленая...

Илюшин застыл.

Он стоял напротив второй двери в оранжерею. Клематисы и виноград,

посаженные Анжеем, тесно сплелись и лились вниз, как зеленая вода. Водопад из листьев и побегов, побегов и листьев.

Голос Полины ожил в его голове.

«Я видела фотографию избышки. Вход действительно был оплетен виноградом. Анжей поставил на ее месте оранжерею. Он очень чтит традиции».

Значит, из года в год Анжей Ковальский выращивает по весне девичий виноград там же, где он рос когда-то. До него – у сумасшедшего врача. До врача – у лекаря. До лекаря – у знахаря. Сколько ни откручивай назад кинолентку времени, сколько ни смотри, как уходят в землю деревья, одно остается прежним: девичий виноград растет на этом месте из года в год.

И если Белая Дверь – каменная.

Если Красная Дверь – глиняная.

То Зеленая Дверь должна быть живая.

Макар Илюшин сжал в пальцах ключ и очень медленно просунул руку за сплетение листьев. Он даже не видел, что там, за ними.

Ключ вошел в замочную скважину сразу, словно притянутый к ней магнитом.

У Макара почему-то заложило уши. Единственный звук остался в мире – смешливый шелест листьев.

Снова начал накрапывать дождь, но Илюшин не слышал его тихих шагов, не ощущал капель на лице. Онемевшей рукой он повернул ключ, и тот послушно сделал два оборота.

Макар потянул дверь на себя. Она отворилась легко и бесшумно.

Он вытащил ключ и вошел внутрь. Розы цвели повсюду, но их запах не доносился до него.

Илюшин провел рукой по лицу, словно пытаясь проснуться. Но сон не исчез. Ключ лежал в его руке и, казалось, тянулся к замочной скважине.

Ты еще можешь вернуться. Можешь сделать вид, будто ничего не произошло. Но до конца жизни – слышишь, до последнего вдоха тебя будет мучить вопрос: что же там было? От чего ты отказался?

Тебе не нужно бежать из этого мира. Ты вовсе не хотел найти подарок джинна.

Может быть, поэтому ты его нашел?

Это все глупости про лучший из возможных миров. Дверь открывается для тех, кому все миры – лучшие.

Не думая больше ни о чем, Илюшин утопил ключ в скважине и снова повернул его.

Ничего не изменилось. Дверь так же легко приоткрылась. Рассмеялись

сотни листьев, и ветер выплеснул из ладоней аромат липы, приправленный запахом пыли на проселочной дороге.

Макар Илюшин постоял на пороге, щурясь от солнца.

И вышел в Зеленую Дверь.